

НИКОЛАЙ ЗАДОРНОВ

ОИБИРИАДА

Война
за ОКЕАН

Освоение Дальнего Востока

Николай Задорнов

Война за океан

«ВЕЧЕ»

2016

Задорнов Н. П.

Война за океан / Н. П. Задорнов — «ВЕЧЕ», 2016 — (Освоение Дальнего Востока)

ISBN 978-5-4444-8579-8

Николай Павлович Задорнов (1905–1995) — известный русский советский писатель, заслуженный деятель культуры Латвийской ССР (1969). Его перу принадлежат два цикла исторических романов об освоении в XIX веке русским народом Дальнего Востока, о подвигах землепроходцев. Роман «Война за океан» хронологически продолжает цепь событий, начатую в романе «Капитан Невельской». Здесь и судьба второй экспедиции по Амуру под руководством Н.М. Чихачева, и активное освоение Русско-американской компанией тихоокеанского побережья Северной Америки, а также героическая оборона Петропавловского порта на Камчатке в августе 1854 года от англо-французской эскадры...

ISBN 978-5-4444-8579-8

© Задорнов Н. П., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Книга первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	17
Глава четвертая	23
Глава пятая	30
Глава шестая	37
Глава седьмая	42
Глава восьмая	47
Глава девятая	51
Глава десятая	57
Глава одиннадцатая	64
Глава двенадцатая	70
Глава тринадцатая	73
Глава четырнадцатая	79
Глава пятнадцатая	82
Глава шестнадцатая	88
Глава семнадцатая	94
Глава восемнадцатая	102
Глава девятнадцатая	104
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Николай Задорнов

Война за океан

© Задорнов Н.П., наследники 2016

© ООО «Издательство „Вече“», 2016

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2016

Сайт издательства www.veche.ru

*Ревани, который Россия должна была взять у Франции и Англии
за свое военное поражение под Севастополем, теперь осуществился.¹*

Ф. Энгельс.

Успехи России на Дальнем Востоке

---

¹ Эпиграф из статьи Ф. Энгельса «Успехи России на Дальнем Востоке» (1858) (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2-е, т. 12, стр. 637).

Книга первая Петровская коса

Глава первая В казарме

– Подобин, на пост! – услышал матрос сквозь сон голос унтер-офицера Салова.

Иван Подобин быстро сел на нарах, вытянул жилистые руки, напрягаясь всем телом, словно сиюминутно что-то стряхнуть с себя. Руки гнутся плохо, и «шкура» как задубела. «Как меня нынче одолело! – думает Подобин, – не цинга ли подбирается? Прилег соснуть перед вахтой и заспался». Унтер-офицеру пришлось потрясти Ивана за плечи.

Салов – низкий и плотный, светло-русый, стрижен ежом, с маленькими карими глазами, с веснушчатым лицом в мелких, частых морщинах. Он попал в экспедицию с брига «Охотск», который разбился здесь, в заливе Счастья, осенью прошлого, 1850 года и вытасчен на берег. Команда осталась в экспедиции.

Унтер-офицер не уходил, ожидая, не придется ли еще раз будить.

В казарме душно и жарко. Два светильника с фитилями в жиру освещают нары со спящими людьми.

Недавно поужинали, многие улеглись, слышен храп, а иногда стоны. Кости у людей ноют: расчищали пост, откапывали из-под снега пушки и дома, занесенные позавчерашней пургой до крыш. Вокруг поста навалили валы больше чем в сажень.

У края чисто вымытого и выскобленного ножами стола горит свеча. На чурбане сидит рослый рыжеватый казак Парфентьев в матросской рубаше и шьет себе ичиги². Казаки экспедиции одеты в морскую форму. Парфентьеву завтра ехать на реку Амур через залив и горы – прямой дорогой в Николаевский пост. Непрерывно люди назначаются ездить туда и обратно.

Подальше нары перегорожены холщовыми и цветными занавесками. За ними живут семейные.

Слышно, скрипит зыбка. Матрена Парфентьева, высокая, худая, изможденная женщина, еще молодая, со скуластым лицом и карими глазами, качает ребенка и то напевает ему песенку, то ругает и грозит выбросить собакам. Старуха мать толкует с низкорослой смуглой соседкой – женой казака Беломестнова. Иногда в их разговор вмешивается Матрена.

Еще одна женщина – Алена Калашникова, – крепкая, молодая, со скуластым румяным лицом и коротким прямым носом, домывает пол. Она полуразогнулась, чтобы перевести дух, и обтирает потный лоб сгибом голой до локтя руки, а в другой держит мокрую тряпку над ведром и поглядывает с любопытством, как мучается, не оборя сон, сосед Иван. Она выскребла пол метлой с песком. У печи на веревке сушатся портянки, а на плите рядами, один на другом, – валенки и торбаса³, меховые чулки, ичиги, все ступнями к горячей печке.

Заметив, что Алена смотрит, Иван Подобин несколько приободрился. Салов пошел дальше.

Алена, сунув босые ноги в валенки и придерживая на груди концы накинутаго на голову платка, подхватила ведро с помоями. В дверях она столкнулась с молодым матросом Фоминым, несшим полную охапку березовых дров. Фомин взглянул на Алену исподлобья. Та прыснула и кинулась в дверь.

---

² Ичиги – род легкой обуви на мягкой подошве.

³ Торбаса – мягкие оленье сапоги.

Из-за занавески выглянул муж Алены, матрос Мокей Калашников, назначенный недавно коком. У него черные усы под толстым вздернутым носом и брови черные и мохнатые. Лицо широкое и смуглое. Спросонья Мокей самодовольно и мельком глянул вслед жене, потом перевел взор на Фомина, который, стоя на коленях, укладывал дрова у печки. Обычно суровое лицо Мокея смягчилось и приняло насмешливое и презрительное выражение.

Иван Подобин нашел на веревке свои портянки, а у печи – валенки и обулся. Надел черную суконную рубаху, а поверх нее – полушубок и подпоясался потуже.

Вдоль одной из стен – стойка с ружьями. Матрос взял свою кремневку.

– Иван! – окликнули его с нар.

Скуластое лицо матроса Конева, старого приятеля и сослуживца, появилось из полутьмы.

У Конева белесые брови и узкие хитроватые глаза. Подобин и Конев вместе вышли из Кронштадта на бриге «Байкал»⁴ под командованием Невельского, побывали в Англии, обошли вокруг Горна, стояли в Южной Америке, справляли рождество на Сандвичевых островах⁵ у гавайского короля, потом пришли на Камчатку, оттуда пошли на устье Амура, искали вход в реку. Конев, идя на шлюпке, заметил первый, что из бухты несет течение, и так открыли Амур. С тех пор прошло более двух лет, и вот уже вблизи входа в огромный амурский лиман на юге Охотского моря, на песчаной косе, отходящей от материка, Подобин и Конев зимуют на Петровском посту, который ставили здесь сами в день Петра и Павла с капитаном Невельским в прошлом году летом.

Конев говорит редко, он молчалив и хитроват. Подобин тоже слов на ветер не бросает. Он прямой, бесхитростный.

– На пост? – хрипло спросил Конев.

– На пост.

– Смотри там...

– Чего смотреть?

– Пурга кончилась. Как раз пираты нападут... может, рыщут.

– Какие зимой пираты!

Конев всегда толкует про опасности, хоть сам и не робкого десятка.

Подобин присел на сырую от мойки длинную лавку и стал заряжать ружье. Он рослый, видный матрос, с высокой грудью и крепкой шеей. У него крупный нос, густые усы и бакенбарды и высокий лоб над светлыми жесткими бровями.

– А ты слышал, Фомин сегодня к бабке Парфентыхе присватывался? – спросил Конев и осклабился.

Подобин уложил запасные заряды в сумку, надел шапку, а поверх полушубка – огромную доху.

В другом конце казармы казак Кузнецов в тулупе затягивал кушак. Подобин подошел к нему. Они пошли в дверь вслед за Садовым.

«Всем живется голодно, – подумал Подобин, – а Салов наел рожу! Жрет что попало, всякую пропастину. Говорят, собачину у гиляков пробовал!»

---

⁴ «Байкал» – военный транспорт, построенный в 1848 году при деятельном участии Г.И. Невельского в Финляндии для перехода на Камчатку. На «Байкале», команду которого Г.И. Невельский тщательно подобрал, он перешел вокруг мыса Горн в Петропавловск-Камчатский на три месяца раньше срока, а затем отправился на опись юго-восточных берегов Охотского моря и в лиман реки Амур. Этой экспедицией было установлено, что Сахалин – остров, отделенный от материка проливом, получившим впоследствии название пролива Невельского (самая узкая часть Татарского пролива), открыто устье Амура и определены два его фарватера. В дальнейшем «Байкал» остался в Охотской флотилии, а часть команды взята Г.И. Невельским в Амурскую экспедицию. Имена многих офицеров и матросов, а также других персонажей (доктор Орлов, гиляк Позь, тунгус Афоня и др.), выведенных Н. Задорновым в своих романах, не выдуманные, они встречаются в документах и воспоминаниях современников, использованных автором.

⁵ Сандвичевы острова – Гавайские острова.

Конев, оставшийся в казарме, улегся поудобней, кутаясь в одеяло. С осени всем выдали шерстяные одеяла. Хорошая вещь, тепло под ним! На пост сегодня не идти, можно спать.

А Фомин не на шутку сватался сегодня к старухе Парфентыхе. Все потешаются. Конев и сам думает, что не худо бы жениться. Но не на шепелявой же бабке!

«Найдем место на Амуре с Геннадием Ивановичем хорошее, теплое, а после этого взять бы отпуск, съездить к себе в Пензенскую губернию и там жениться. И жену привезти сюда. Конев уже не крепостной человек после службы. Сказано, что здесь крепостного нет и каждый в Сибири может прожить сам! Вот бы!»

Подобин стоял на морозе у склада, который устроен в вытащенном на сушу бриге «Охотск». В вышине во мгле видны его высокие мачты. Летом на них поднимают сигнальные огни. Неподалеку возле казармы конура сторожевой собаки. Чуть что, пес учует, а то и схватит любого. Вокруг поста гиляцкие деревни, они тянутся вдоль лимана и по берегам реки до самого Николаевского поста. Стоят друг от друга в десяти – пятнадцати верстах. Считается шестнадцать деревень и в них населения шесть тысяч. А в экспедиции – сорок человек.

«Но Геннадий Иванович завел с гиляками дружбу и гнет на то, чтобы все с ними обходились хорошо. Эти гиляки⁶ – личности самостоятельные, вольные и даже самим маньчжурам не поддаются. Вообще-то, занятно пожить на такой земле, насмотришься всего, если бы только посытней».

Подобин терпит, знает, что долг. Все, кто служит, терпят. На то служба!

Луна взошла. Огонек горит в доме капитана. Долго не спит Геннадий Иванович. А холодно у него во флигеле, день и ночь топить надо. Да семейный, ему легче. Вот Калашников тоже в ус не дует.

А старик Мокринский мучается, хрипит все время, дышать не может. Говорит, как поест рыбы соленой, так все внутри горит и на сердце давит... Унтер Салов всегда с улыбочкой. Алена Калашникова как-то сказала Ивану, что когда служил Салов в Охотске, то просился в каторжную тюрьму в палачи. А сам веселый. Все с шуточкой.

Собака пришла, ткнулась в полы тулупа. Тишина. Поднимешься на вышку, и видно, как снега горят. По обе стороны косы уже давно замерзло море, не шумит. Красиво... Редкая ночь. А в пургу занесет весь пост так, что приходится выбираться через чердаки, пушки искать в снегу шестью на ощупь. Капитан велит от пушек снег отгребать.

Люди на посту начинают болеть. Подобин полагает, что это оттого, что мало дают винного уксуса и водки. К весне будет еще хуже. Если уксус закончится, начнется цинга. А приказчики Боуров и Березин тайком напиваются пьяные. Уверяют, что водку достают у гиляков.

На Николаевском посту⁷ у Подобина двое приятелей – Шестаков и Веревкин, которые тоже служили на корабле «Байкал».

Шестаков недавно приезжал из Николаевского поста и рассказывал, что Веревкин объявляет всюду, что будто бы, когда шли в сорок девятом году на шлюпке с лейтенантом Казакевичем⁸, он, а не Конев увидел Амур первый.

---

⁶ Гиляки – так до Октябрьской революции называли нивхов.

⁷ Николаевский пост был основан Г.И. Невельским на Амуре на мысе Куегда в 1850 году. Ныне здесь один из крупнейших городов Приамурья – Николаевск-на-Амуре. В день столетия со дня основания города на месте бывшего Николаевского поста поставлен памятник Г.И. Невельскому.

⁸ Казакевич Петр Васильевич (1814–1887) – мореплаватель, впоследствии адмирал. Друг, единомышленник и товарищ Невельского по открытиям. Первым вошел в реку Амур, делал промеры в поисках фарватера. Как и Невельской, сторонник энергичного развития русского Дальнего Востока своими силами. Знал прекрасно английский язык. Был отправлен в США во время Крымской войны под фамилией купца Степанова для закупки товаров и судов для Приамурья. В 1856 году назначен первым губернатором Приамурского края. Руководил работами по установлению границы с Китаем в 1862 году. Открыл в Николаевске-на-Амуре морскую школу. Учитель и воспитатель С.О. Макарова, впоследствии известного флотоводца.

Среди матросов, присланных из охотской портовой команды, есть такие, что играют в Николаевском посту краплеными картами, например Сенотрусов. Поэтому, видно, капитан и отправил несколько надежных людей, в том числе и своего любимца Шестакова, на дальний пост. На своих Невельской надеяться может. Значит, капитан сразу заприметил, каких птичек прислало к нему в экспедицию охотское начальство.

«На „Байкале“ ничего подобного не было. А тут народ – сброд, сбиты охотским начальством с рук не зря. Надо бы мне перемениться местами и спать рядом с Коневым. Со своим надежней. Правда, пока все спокойно».

В казарме все спали глубоким сном, дружный храп и тяжелое дыхание неслись из всех углов, когда черноусый и чернобровый Калашников при свете фонаря начал щепать лучину из высушенного у горячей печи полена.

Из-под занавески вылезла жена его Алена, зевнула, поправила волосы под платком. Поднялась и худая рослая Матрена Парфентьева, стала собирать мужа в дорогу.

Подобин и казак Кузнецов, сменившиеся в полночь, спали крепко. Едва зашлепала Алена по полу ногами, Иван проснулся.

Стукнула дужка ведра, потом подняли гулкую деревянную крышку полупустой кадушки, вода с поднятого полного ведра плеснулась обратно в кадку. Опять тяжело и быстро зашлепали босые ноги по чистому полу. Да, это Алена... Вот вода широко хлынула в котел.

Теперь слышались легкие шаги, пустое ведро стукнулось о край кадушки, снова погрузилось и опять вырвалось с водой, и опять раздались торопливые частые шаги.

Лучины занялись с треском. Калашников открыл стоявший в углу ларь, достал из него мешок с крупой, безмен, отвесил часть крупы, потом пошел в сени, при которых была кладовка с продуктами, и принес оттуда бочонок с мерзлым коровьим маслом. Он перевернул бочонок и, вывалив масло на стол, стал осторожно соскребать цвель, густой мохнатой зеленью покрывшую полукруглые стороны на кусках.

Подобин сладко уснул. На дворе еще темно. Казак Беломестнов слез с нар. Он смуглый, малого роста, чернявый. Недавно вернулся из экспедиции на Амгунь, куда ходил с офицерами. Обувшись, он ушел на мороз. Вскоре слышался стук. Казак скалывал лед с бочки, в которой возил пресную воду с речки Иски. Прежде возил штрафной матрос старик Яков Мокринский, но заболел.

Вот еще чьи-то худые жесткие ноги в ссевшихся цветных коротких портках спустились на пол. Это казак Иван Масеев, якут. У него орлиный маленький нос на широком лице с сильно набухшими скулами.

– Че, утро? – спросил он, протирая глаза, живо надел торбаса и в одной рубашке ушел на мороз.

Поднялся Парфентьев. Ему надо готовить собак и нарты. В казарме запахло дымом.

– Что это, боже мой! Опять дыма полно, – заворчала старуха Парфентьиха, как зовут тут тещу Семена, – глаза ребенку выест.

Заорал младенец Калашниковых. Алена кинулась к нему, и он сразу стих. Слышно было, как ребенок засосал материнскую грудь. Тяжело вздохнул неспавший Фомин.

Вернулся Беломестнов и поставил деревянный молоток.

Собаки завыли. Они встречают рассвет, ждут корма. Гиляк Питкен, видно, еще не напарил им юколы.

Вода в котле закипела. Калашников высыпал крупу. Алена помогает мужу, топит в миске соскобленную цвель. Ведь и в ней жир, и ему нельзя пропасть, как крупице золота.

Вошли штурманский поручик Воронин, средних лет, темнорусый, с обветренным лицом, как у гиляка, и старший унтер-офицер Козлов. Он мал ростом и щупл. У него сухое, бледно-

ватое узкое лицо, безбровое, с маленькими глазами. От едва заметных скул по щеке падают глубокие морщины.

– Что же плита так дымит? – спросил поручик, глядя, как время от времени дым вырывается из-под котла.

Унтер Козлов заглянул в плиту.

– Да маленько камень завалился, – ответил Калашников.

– Неужто погода опять переменится, – беспокоится Матрена. – Однако пурга не схватит ли тебя в дороге? – говорит она мужу.

– Стройся! – раздался голос младшего унтера Салова.

Воронин и Козлов назначали людей на работы.

Глава вторая

Капитан

...мне мои гуси всегда кажутся лебедями.⁹
Чарлз Дарвин

– Подобин, к тебе дружок приехал, – появляясь в полдень в дверях, сказал казак Беломестнов. За ним вошел молодой гиляк с румяным лицом.

– А-а, Таркун!

Иван летом выменял у Таркуна шкуру лося за несколько старых гвоздей и кусочек листового железа. Он подстилает шкуру на нары и берет с собой в дорогу, когда предстоит ночлег в лесу. А Таркун из железа сделал наконечники для стрел и подстилку под ступни на лыжи, это он сам придумал. Его лыжам теперь завидуют все гиляки.

Подобин перекладывает в углу топку. Гиляк присел на краешек нар, глядя на разломанную плиту. Кто-то ткнул его в спину, он оглянулся и увидел Мокринского, дрожащего от гнева.

– Куда ты, погань, лезешь? Вшей-то по нарам трясти.

– Что значит погань, – заметил Подобин, – он такой же человек.

– Нехристь! Тыфу! – плюнул старик.

Таркун отпрянул и присел на корточки у двери.

– Что это ты? – укоризненно спросила Алена, обращаясь к Мокринскому.

– Даром их нечего приваживать! – заметил Беломестнов.

– Закурим, – доставая кисет, сказал гиляку Подобин. – Сиди, сиди, никто не тронет. – Матрос пригласил гиляка на свое место на нарах, но тот не пошел. – Вот печку перекладываем...

В сенях раздались стук, голоса. Вскоре появились матросы в полушубках. Они с острова Удд¹⁰ привезли две нарты досок. Там еще по осени разобрали корпус разбившегося брига «Шелихов»¹¹.

– Эка грязи сколько развели! – со злом сказал курносый матрос Фомин, видя разломанную плиту, глину и камни, но тут же усмехнулся, заметив в висевшем на стене зеркале красивое лицо Алены.

– Становись с мутовками! – раздалась команда Салова.

Получив порцию рыбных щей и хлеба, люди подходили к столу и садились на лавки. Молодые ели, держа мутовки на столе, а некоторые пожилые, желая, видно, чтобы во время еды к ним никто не привязывался и не нарушал наслаждения, отворачивались от общего стола и хлебали варево, жадно заедая хлебом.

Алена дала и гиляку мутовку, объяснила, чтобы становился в ряд. Муж ее налил гиляку щей. Матрена Парфентьева подала гостю кусок хлеба и показала, чтобы сел к столу, но гиляк устроился на полу подле нар, поджав под себя ноги, и тоже стал быстро есть.

– Мяса нет, все рыба ржавая, – жаловались за столом.

Таркун немного понимал по-русски.

---

⁹ «... мне мои гуси...» – Из письма Чарлза Дарвина Дж. Д. Гукеру от 13 апреля 1855 г.

¹⁰ Удд – остров Чкалова.

¹¹ Шелихов (Шелехов) Григорий Иванович (1747–1795) – исследователь Русской Америки, купец-предприниматель, основатель первых русских поселений на Аляске и Алеутских островах. Организатор торговой компании, занимавшейся пушным и зверобойным промыслами в Северо-Восточной Азии и на Аляске. Автор записок, которые вышли в 1791 г. в Петербурге под названием «Российского купца именитого Рыльского гражданина Григория Шелихова первое странствие с 1783 по 1787 г. из Охотска по Восточному океану к Американским берегам». На основе созданной Г.И. Шелиховым купеческой компании уже после его смерти была образована Российско-американская компания.

– Разве мяса нет? – тихо спросил он сидевшего рядом Ивана Масеева по-гиляцки.

– А где же оно? – отозвался тот.

Казак Иван Масеев, живя на посту, быстро выучился понимать по-гиляцки. Поговаривали, что он и прежде бывал тайком в здешних местах с богатыми якутами-торговцами и поэтому язык легко дался ему. Масеев и гость о чем-то поговорили между собой тихо.

– Таркун лося убил, да вывезти не может, – через некоторое время заметил Масеев как бы между прочим.

Все стихли.

– Хорошо, что ты к нам на праздник приехал! – вдруг сказал Беломестнов, наклоняясь к Таркуну. – Ведь завтра праздник, царский день! Эх и хороший же ты парень.

– Что же сидишь там, иди к столу! – сказал Фомин, теснясь на лавке. Сразу весь ряд подвинулся, давая гиляку место.

– Так где, говоришь, это мясо? – спросил Салов.

Таркун молчал, делая вид, что не понимает. Он знал: исайские гиляки уверяют русских, что лоси ушли, как только стали подходить суда и стрелять из пушек.

– Ну а что же ты мясо не довез? Может, съездить за ним? – спросил боцман Козлов.

Рослый казак Андриан Кузнецов, молодой, с широким свежим лицом, с толстыми ногами и огромной спиной, раньше всех управился и со щами, и с кашей. Помолился на икону, подошел к кадушке, зачерпнул полный ковш воды и выпил до дна.

– Вот водица хороша, – сказал он, утирая рот и прокуренные пегие усы ладонью. – Спасибо, Кирша!

– Пейте, ребята, на здоровье, – сказал Кир Беломестнов. Он сегодня привез полную бочку пресной воды. – Пока речка Иска поит. А вот, однако, скоро лед накатит с моря, и эту речку до весны не сыщешь.

Пресную воду трудно добывать, как и тепло для людей, как корм для скота. В колодцах вода солоноватая, а часто и совсем соленая.

– Бывает же такая вода вкусная! Прямо совсем несоленая! Хорошо водой обед заглушить! Спасибо, казак! – подтвердил матрос Конев, тоже управившийся с обедом, принимая полный ковш из рук подобрившего Андриана Кузнецова.

Вечером оленья парка¹² Таркуна лежала горой на нарах, а его новые торбаса валялись под столом. Гиляк босой сидел у вновь сложенной печи. Он сходил в тайгу с Коневым, Калашниковым и Беломестновым. На нартах притащили тушу зверя.

– Пусть остается ночевать, – говорили в казарме.

– Надо дозволение от поручика Воронина.

– Сегодня баня. Пусть помоеется.

– Можешь спать тут на нарах, места хватит, – стараясь сгладить свою вину, говорил больной старик Мокринский. – Сходи в баню, хорошо там! Для своего удовольствия!

Подобин пошел к капитану просить от имени команды позволения помыть гиляка и оставить его ночевать в казарме.

...В бане душно. Жар пышет от раскаленных камней. Подобин плеснул ведро ледяной воды на каленые камни. Зашипело. Пар хлынул белой пеленой. В клубах его Подобин, Фомин, Конев. Таркуна потянули туда же.

– Ты совсем разденься, штаны-тоними, не бойся. Не стыдись.

– А теперь плесни на него горяченьким. Не бойсь, Таркун, смотри, мы уважение завсегда сделаем. Да ты не кричи как резаный.

Таркуна вдруг принялись хлестать вениками.

– Чего дерешься? – заорал гиляк, понимая, однако, что ему стараются угодить.

---

¹² Парка – шуба из оленьих шкур, одевающаяся через голову.

– Ну и меня вениками, пожалуй! Ну-ка возьми и сам хлещи теперь меня, – сказал Подобин, давая гиляку веник.

Гиляка опять окатили из ведра.

– Ты что? – не на шутку разъярился Таркун.

Подобин нагнул ему голову и намылил лохматые волосы. Кто-то поливал, потом ветошью терли спину.

«Такое баловство с кипятком! – думал гиляк. – Можно заживо свариться».

– Давай с дресвой, а то не берет...

– Белеет уж, белеет...

– Домой приедешь, баба на тебя не налюбуется, – сказал Иван. – Не признает, скажет: чей такой молоденький?

– А ты, Ванька, волосатый, как медведь, – надевая подаренное новое белье, отшучивался Таркун в предбаннике.

«Зимой вымылся! Этого еще не бывало, – удивлялся он в душе. – Так терли и мыли, боялся, что сдерут кожу, зато теперь легко».

На другой день после молебна и пальбы из пушек и ружей солдаты и матросы прошагали по расчищенному месту около казармы перед капитаном, потом стали и разошлись. Парад окончился.

«Капитан какой молоденький, – думал Таркун, – и ростом небольшой. Если начальник – старик должен быть обязательно, как у маньчжуров. Старый – умный, а молодой – еще дурак!»

Бывая тут и видя издали Невельского, Таркун всегда хотел с ним познакомиться.

Присутствовавших гиляков пригласили в казарму на угощение. Гиляки садились вперемежку с русскими за большой стол, сложенный во всю длину казармы из досок. Всем подали мутовки с кашей, а детям – леденцы и сухари. Тут же сидел рядом со стариками сам капитан и тоже ел кашу.

– А как пушки, всегда у вас заряжены? – спрашивал Ивана Масеева какой-то гиляк.

– Или как ружье – заряжается, когда надо стрелять? – приставал другой.

– По уставу! – отвечал Масеев.

– Что такое устав?

Устав нашелся у молодого солдата. Боцман Салов на днях велел ему выучить раздел: «Нижние чины и лошади».

Капитан после ужина позвал к себе некоторых гиляков.

Влезгун – патлатый, сутулый искиец лет семидесяти, с соловыми глазами, торговавший в зимнем стойбище водкой, – остался в казарме. Сидя рядом с Таркуном, он вспомнил Джонку-китолова, что придет летом и привезет много рому, тогда будет веселей, и что с Джонкой он кашу не ест. Матросы позвали Таркуна в свою компанию.

– Сыграем в дурака, – тасуя колоду, сказал Подобин.

Таркуну хотелось пойти к капитану. Но он сел играть в карты.

Четверо казаков взяли ружья и оделись в тулупы. Они выстроились перед казармой, и коренастый боцман повел их. У пушек сегодня двое часовых, у склада – один и у флага, где молились и стреляли, – тоже часовой. Часовые время от времени меняются. Все выпили по чарочке, но пьяных нет. В казарме у стойки с ружьями тоже стоит часовой и никому не позволяет трогать оружие.

Иван Подобин стал собираться с Таркуном к капитану. По дороге гиляк доказывал, что валенки – дрянь, а не обутки, ноги в них преют и от этого болят; ступню надо заворачивать в траву, и мороз не застудит. Есть такая теплая трава. Тогда обутки можно носить легонькие.

Вошли в сени к Невельским, очистили метелкой ноги. Вышла Дуняша, служанка Невельских. Шея у Таркуна вытянулась, стала тонкой, голова задрожала. За дверью слышны голоса. Сильно пахло табаком. Дуняша позвала капитана.

Быстро вышел Невельской. Распахнул боковую дверь в кухню, где горела свеча и где кто-то маленький, седой и курчавый, возился с посудой. Дуняша прошла туда же, пособлять.

– А-а! Милости просим, – сказал капитан, обращаясь к Таркуну.

– К вам, Геннадий Иванович, приятель мой, – пояснил матрос.

Невельской обнял гиляка и поцеловал в обе щеки. «Верткий и ловкий сам, как соболев, – решил Таркун, – лапы цепкие!» Капитан поблагодарил Подобина и отпустил, а гиляка повел в большую комнату.

Стол там сдвинут к стене. На полу, посреди комнаты, поджав ноги, сидели старые гиляки в нерпичьих шкурах. Капитан подвел Таркуна и предложил садиться. Лохматые старики потеснились. Таркун робко опустился. Капитан устроился на низком табурете. Рядом с ним Ездонок, важный старик из стойбища Пуир на устье Амура, неподалеку от деревни, где живет Таркун.

Все с трубками, дым валит клубами. То и дело руки тянутся к коробке с табаком.

Ездонок продолжал рассказывать. Переводил узколобый, горбоносый гиляк Питкен, здешний, из стойбища Иски. Большие верхние зубы у него выдались наружу так, словно он всегда смеется. Он служит в экспедиции. По левую руку капитана – лицом в один цвет с гиляками – Воронин. Таркун знал его немного. Вчера по его приказанию приказчик выдал Таркуну белье.

Ездонок на куске бересты рисовал ножом какие-то горы и берег моря с заливами, потом тропы.

Таркун, глядя на его большую круглую коричневую лысину, подумал, что не будет ничего хорошего, если придется просидеть весь вечер среди стариков, где считаешься глупей всех, рта не раскроешь при таких злых медведях. Он решил при удобном случае убраться отсюда потихоньку в казарму к Ваньке Подобину, где можно опять сыграть в дурака.

Вошла та самая маленькая русская в шелестящих одеждах с цветами и с седыми волосами, которая возилась за дверью у плиты с девочкой. Таркун испугался, но заметил руки молодые и нежные, держащие поднос с чашками. Он сообразил, что это, видно, жена капитана. «Зима, а на ней цветы, еще совсем молоденькая, а волосы как седые. Такие волосы у русских бывают даже у детей».

– Знакомься с гостем, Катя, – обратился к ней капитан. «Так, правильно, это Катя! – подумал гиляк. – Я угадал!»

Екатерина Ивановна расставляла чашки. Одну она поставила перед Таркуном и, подвинув себе низкий табурет, присела подле мужа.

Она прекрасно знала, что открыто экспедицией и что еще следует открыть, куда направлены поиски. Она знала карту края и представляла, что означают ее необъятные белые пятна. Муж не раз говорил: «Главное, это гавани на юге. Они находятся южнее Де-Кастри¹³ и тянутся одна за другой до корейской границы».

Когда муж найдет средство разорвать путы, наложенные Петербургом на его руки¹⁴, он откроет их. Он говорит, что со временем там будут цветущие города и отличные порты, там теплей и людям удобно жить. Туда явятся к нам все флаги со всего мира по океану. Именно

---

¹³ Де-Кастри – название залива, открытого в 1787 году во время кругосветной экспедиции французским мореплавателем Лаперузом, давшим заливу имя тогдашнего морского министра Франции. Попытка Лаперуза пройти Татарским проливом к северу не удалась. Посчитав, что Сахалин соединен с материком перешейком, Лаперуз обогнул его с юга и через пролив, носящий ныне его имя, вышел в океан. Залив Де-Кастри в 1952 году переименован в залив Чихачева, по имени русского исследователя П.М. Чихачева, впервые описавшего его.

¹⁴ ...путы, наложенные Петербургом на его руки... – Главной помехой на пути решения амурского вопроса стояли корыстные интересы петербургской знати, в том числе царских министров, опасавшихся с открытием Амура и расширением торговли с Китаем лишиться огромных доходов от торговли чаем, который доставлялся через Монголию и Кяхту. В данном случае речь идет и о решении Особого комитета, который рассматривал вопрос о деятельности Невельского в Приамурье и 12 февраля 1851 г. постановил разрешить Амурскую экспедицию, но потребовал «никакого дальнейшего продвижения в этой стране не предпринимать и никаких мест отнюдь не занимать».

о тех далеких бухтах, которые почти не замерзают, рассказывает сейчас Ездонок. Поэтому так светел взгляд мужа и он так бережно берет куски бересты из рук старика.

Да, у экспедиции есть цели дальние, только достигнув которых муж сможет считать свое дело исполненным. Он говорит: в будущем Сибирь – не ледяной мешок, не каторга, не проклятая страна, а преобразованный трудом и наукой цветущий край, преисполненный благами жизни, заселенный сотнями миллионов людей. Во льдах и снегах, в самом гнилом и туманном месте Охотского моря, где его держали петербургские чиновники, он мечтает и трудится для будущего. Одновременно экспедиция достигает целей ближних, не менее важных и кладущих основу для достижения целей дальних.

В то время как на посту стараются сберечь людей и установить доброе соседство с гиляками, лучшие офицеры и служащие экспедиции – ее цвет и надежда – стремятся к этим целям. В чудовищные морозы они бредут среди лесов и снегов, по горам и замерзшим рекам, чтобы совершить необходимые открытия. С ними смелые проводники – казаки, уроженцы Охотского побережья и преданные туземцы. Каждая экспедиция из двух-трех человек. Описываются реки. Ищутся пути по краю, идет торговля.

Ездонок поманил Катю, показал на свою трубку и на опустевшую коробку табаку. Катя принесла другую коробку, раскрыла и набила старику трубку. Ездонок в знак благодарности потрепал своей тяжелой рукой маленькое плечо хозяйки.

Вошла Дуняша с блюдом горячих лепешек. Это любимое кушанье гиляков. Берестяные карты убрали. Появился горячий чай. Разговор переменялся.

– Я очень рад, что ты зашел, – обратился капитан к Таркуну. – Откуда ты, из какой деревни?

Молодой гиляк широко улыбнулся и подсел поближе. Оказавшись рядом с Катей, он покосился на цветы, украшавшие ее платье, почувствовал запах цветов. Но не может быть сейчас цветов. Это все так сделано, и даже запах русские подделали.

Гиляк ответил Невельскому, что живет на острове Лангр¹⁵, неподалеку, объяснил, что от материка идет эта длинная песчаная коса, где стоит пост, потом узкий пролив и очень длинный узкий остров Удд, как продолжение косы, потом опять пролив и остров Лангр в лимане реки. Невельской это сам знал. Таркун снова посмотрел на цветы на платье.

Екатерина Ивановна заметила его любопытство и спросила:

– У тебя есть жена?

Питкен перевел.

– Да, есть жена, – ответил Таркун.

– А ты любишь свою жену? Она красивая? – чуть клонясь к Таркуну, вдруг спросила Катя на чистом гиляцком языке.

Гиляки остолбенели. Старый Ездонок закашлялся, как бы поперхнувшись. Таркун был поражен и вытаращил глаза, морща лоб. Катя смотрела ожидающе, а глаза ее цвета морской воды становились все нежней и мягче, но, кажется, это притворство, она подсмеивалась над мужчиной.

– Красивая! – гордо ответил Таркун. Его открытое и смелое лицо вспыхнуло; оно понравилось Кате выражением достоинства.

– Но почему не скажешь, любишь ли ее?

– Конечно люблю! – решительно ответил гиляк, зная, что позорит себя перед стариками.

– Тогда возьми для нее вот это. – Маленькие руки Кати быстро откололи одну из веток искусственной сирени, что присланы были фирмой Герлен в Иркутск из Парижа еще к прошлому осеннему сезону вместе с платьями, тафтой и выкройками.

Таркун взял цветы на обе полураскрытые ладони, но смотрел не на цветы, а на Катю.

---

¹⁵ Остров Лангр – остров Байдукова.

– Почему ты не привез свою жену? Разве вы не берете с собой жен, когда едете в гости? – продолжала Катя, с трудом подбирая слова и обегая взглядом стариков, как бы приглашая их участвовать в разговоре. Но это был солидный народ, что-то вроде отставных генералов, уволенных с мундиром и пенсией.

– Берем! – неохотно ответил Ездонок.

– Конечно берем! – выручая мрачных деловых людей, сказал Таркун.

– Ведь ей скучно без тебя. Она красивая и тебя любит, – продолжала Катя по-гиляцки. – Не правда ли? В следующий раз, прошу тебя, привези ее с собой, – добавила она по-русски, и Питкен снова все перевел.

...Было поздно, когда гиляки дружески простились, обнимая и целуя хозяина и хозяйку.

За окнами был ветер. Стужа на дворе все сильнее. Дуняша только что закрыла печи, и от них пышет жаром. Девушка укладывалась на кухне, на кровати за пологом. Под окнами ходил часовой.

– А в Петербурге сегодня парад, балы, торжество! – сказал Невельской, проверяя на ночь свои пистолеты. – А ты, мой друг, подавала чай моим приятелям и набивала гиляцкие трубки!

Но Екатерина Ивановна счастлива и не скучает о далеких балах.

Жизнь гиляков ужасна! Она уже рассказывала мужу, что у гилячек бывают странные обычаи. Оказывается, женщины в казарме давно знают об этом. Второго мужа гилячек они называют «половинщиком». Говорят, что этот же обычай знаком им прежде, он существует у народов Охотского побережья и на Аляске.

У жены гиляка Питкена половинщик – брат мужа. К одному из гиляков напрашивался в половинщики казак Андриан Кузнецов, обещая построить избу.

Геннадий Иванович тоже слышал что-то подобное от миссионера Иннокентия, когда встречал его в Аяне.

А из казармы доносится пение хора. Там женщины одеты празднично, в белоснежных платочках... Прибежала худая веселая Матрена Парфентьева в платке. Она в сарафане с расшитыми белыми рукавами и нарумянена. Стала рассказывать, что гиляки пришли от капитана очень довольные и гуляют, а Иван Подобин учит Ездонока танцевать камаринского, и вся казарма помирает со смеху.

– Идем, Катя, посмотришь! Да и сама спляшешь.

Через некоторое время в обмерзшую дверь вошла Алена Калашникова, румяная, в седых висках и ресницах: видно, надышалась на морозе. Она под пуховой шалью, в красном сарафане.

– Катя, идем! – сияя от радости, сказала она. – Да и вы, Геннадий Иванович, погуляете с нами в праздник. Закрывай избу, айда, – сказала она Дуняше, – споете с Иваном-то, Геннадий Иванович, порадуйте команду... Да и на кадсель нам кавалеров не хватает! – бойко глянула она на капитана.

Геннадий Иванович и сам не прочь был. Он живо накинул полушубок. Кадсель так кадсель!

– Айда, Алена, да зови Харитину Михайловну.

За дверью кто-то говорил с часовым, видно провожатый Алены, вот и надышалась она, что ресницы закуржавели...

Утром гиляки разъезжались.

– А ты тут один хозяин или еще, кроме тебя, есть купцы? – спросил старый Ездонок у Невельского.

– Тут все купцы. Мы торгуем порознь. Но товар держим вместе, – ответил Невельской.

– А-а! Ну это хорошо!

Глава третья

Возвращение Чихачева¹⁶

– Николай Матвеевич приехали, – всплеснув руками, воскликнула на кухне Дуняша. – И Алексей Петрович с ними! И Афоня! Все живы-здоровы!

Екатерина Ивановна кинулась к протаявшему на солнце кружку на окне. Невельской схватил шапку и выскочил на мороз. Вскоре он вернулся с приехавшими.

– Здравствуйте, Екатерина Ивановна... – говорил, энергично поворачиваясь всем корпусом, высокий бородатый худой юноша офицер. Нос у него прямой, немного вверх, от этого выражение лица несколько гордое и заносчивое. Губы детские, пухлые, голову он держит гордо. Приказчик Березин живо скинул доху, а Чихачев не мог.

Дуняша стала помогать Николаю Матвеевичу раздеваться, стаскивала узкие, заиндевевшие, словно приросшие, рукава тулупа. Геннадий Иванович отдавал распоряжение унтер-офицеру и приказчику Боурову принять привезенные меха и устроить каюров.

– Простите... Я сам... – сказал Николай Матвеевич, заметив, что Екатерина Ивановна хочет помочь. Не позволяя ей принять тулуп, Николай Матвеевич положил его на руки служанке.

Мичман Николай Матвеевич Чихачев, рослый, пышущий здоровьем, осенью поступил в экспедицию с крейсера «Оливуца». Сейчас он заметно осунулся, лицо обросло густой темной бородой и пожелтело, щеки запали. Его синие, когда-то веселые глаза кажутся больными, куртка на нем висит как на вешалке. Входя в комнату, он стал неловко расстегивать сумку одеревеневшими от холода руками. Его спутник Алексей Петрович Березин мало переменился. Только лицо в светлой бороде опухло и почернело. Это от морозов или, быть может, от копоти очагов и костров.

– Полтораэта штук соболей и шестьдесят четыре лисицы, Геннадий Иванович! – воскликнул приказчик, поглядывая на стол, куда Невельской уже поставил графин. – Но трудно с маньчжурами тягаться! Ничего не скажешь! Я их еще по Кяхте знаю. Они водкой действуют!

Из кухни доносился треск дров в плите, там забулькали, падая в кипяток, мороженые пельмени.

– Вот карты, Геннадий Иванович! – Чихачев вынул пачку бумаг, развернул одну из них на столе. Он стал рассказывать.

Вошел проводник Афанасий, коренастый тунгусе суровым выражением лица и быстрыми глазами.

– Жаль, что я прерываю вас, господа, но теплая вода готова, и сейчас будет обед, – выходя из кухни, сказала Невельская, обращаясь к Чихачеву. – И я тоже хочу слышать ваши рассказы, Николай Матвеевич!

Чихачев почтительно склонился, втайне вспыхнув от этих слов. Он даже щелкнул унтами один о другой так, словно на них были каблуки.

Екатерина Ивановна поставила две тарелки с тонко нарезанными ломтиками соленой рыбы и холодного мяса.

– Где же вы это ездили? – расспрашивала на кухне Дуняша умывающегося мичмана. – И что это вы так похудели, Николай Матвеевич?

---

¹⁶ Чихачев Николай Матвеевич (1830—?) – мореплаватель, кругосветный путешественник, исследователь Амура и Татарского пролива, впоследствии адмирал. Участник экспедиции Г.И. Невельского, плавания адмирала Путятина в Японию, второго сплава по Амуру в 1856 году. В 1859–1860 годах, командуя фрегатом «Светлана», перешел из Средиземного моря вокруг мыса Доброй Надежды на Дальний Восток и тем же путем вернулся. В 1877 году участвовал в Русско-турецкой войне – командовал флотилией на Дунае. В 1885–1888 годах – морской министр.

– Были там, Дуняша, куда Макар телят не гонял, – с удовольствием умываясь, ответил Чихачев.

Березин захватил пальцами уголек в плите, закурил трубку и дал закурить Афоне. Когда вернулись в комнату, на столе уже дымились большая миска с пельменями.

– Не помереть бы нам с непривычки от такого обеда, – заметил Березин. – Как думаешь, Афоня?

Тунгус ел молча, только глаза его сверкали от удовольствия.

Николай Матвеевич был в ударе, рассказывал все со спокойствием и знанием дела. Он объяснил, что достиг селения Кизи на берегу протоки, ведущей из Амура в озеро Кизи, и описал часть озера и протоку.

– А до Де-Кастри не удалось?

– Нет, сил не стало, продуктов не хватило!

По сведениям, полученным от туземцев, подтверждается, что озеро Кизи находится очень близко от морского залива Нангмар, который, очевидно, и есть залив Де-Кастри, описанный Лаперузом. Гиляки утверждают, что этот залив освобождается ото льда гораздо раньше, чем залив Счастья, и замерзает на полтора месяца позже его.

От стола с лежащими на нем черновыми картами Невельской перешел к большой карте на стене, куда заносился каждый вновь открытый пункт. Эта карта в большей своей части бела.

Геннадий Иванович снял ее с гвоздей, продетых в ушки, и положил на письменный стол, стоящий в углу. Карандашом быстро и слабо, как художник, делающий первый эскиз, стал набрасывать протоку и берег озера Кизи, потом изгибы реки и деревни с названиями. Целая цепь их потянулась вниз, – видно, не терпелось скорей заполнить белое пространство. Он умело соблюдал масштаб, так что Чихачев и Березин любовались: верно получалось.

– Одна деревня только не на ту сторону попала, Геннадий Иванович, – заметил приказчик.

Невельской спросил, кого из знакомых встречали и хорошо ли гиляки в тех местах принимали. Березин сказал, что на озере Кизи живут гиляки иного племени и называют себя мангунами¹⁷, у них почище дома и сами полюбезней.

– А выдавали вы себя за самостоятельного купца?

– Как же, Геннадий Иванович! Николай Матвеевич был особый купец, и у него товар свой, а я сам по себе. И товар держали мы порознь, и друг у друга старались покупателей перебить. Все было как вы велели. Да с ними иначе и нельзя.

– Проводники не проговорились, что товар казенный или компанейский¹⁸?

– Ни боже мой! Они были наши приказчики, и я рассказывал гилякам, что у меня товар лучше, хоть и меньше приказчиков, чем у Николая.

Невельской чувствовал, что Березин все его распоряжения исполняет с охотой и даже с энтузиазмом.

– А угощали покупателей?

– Как же! Это уж как принято. Но тут водки много не идет на угощение. Туземцы приучены пить из маленьких чашечек. Маньчжуры напаявают их допьяна и берут меха дешево. Мы водки не давали, но угощали и дарили подарки и норовили продать ситец и железо, сукно, чтобы они поняли разницу нашего товара с маньчжурским. Николай Матвеевич даже в одном месте лепешки пек. Где это было, да не на самом ли Кизи?

– Совершенно верно!

– На это мы не скупились!

---

¹⁷ Мангуны – старое название народа ульчей.

¹⁸ ...товар казенный или компанейский. – Экспедиция Невельского вынуждена была действовать под флагом Российско-американской компании, которой она формально была подчинена.

– А встречали маньчжуров?

– Как же... Да только, по правде сказать, – хитро прищурился Березин, – купцы из нас, если сравнить с ними, оказались неважные.

– Чем же? – встревожился Невельской.

– Товару маловато! Уж я гиляков удивлял красным сукном! Живо отбил покупателей от маньчжуров, и те сами прибежали смотреть, схватились за кусок руками, кричат, мол, отдай.

– Отдали?

– Как же! Но не все! Часть! Остальное – гилякам. Да хватило только на три деревни. Один из маньчжуров крепко обиделся на нас и затаил зло.

– Кто же такой?

– Зовут его Мунька, а правильное имя – мне его товарищ сказал – Чжан Синд или Чжан Син. Настоящий маньчжур, породистый, с рыжими усами. Китайцы черные все, а этот бело-брысый. У него резиденция обычно в деревне Вайда, неподалеку от нашего Николаевского поста, но он приезжает из Маньчжурии и ездит далеко. У него работники с собой, и в кабале держит он много должников. Гиляки – народ горячий, чуть что – за ножи, но он умело обходится с ними! Соболя возьмет чуть не даром, но побрякушек даст в подарок и угостит – мол, это сверх цены, – и гиляк доволен, про нож забыл и валится пьян. Бывает Мунька и здесь, у него должники на Удде, совсем рядом, и с искийскими он прежде торговал. Но мне сказал: мол, разве вам мало, если вы торгуете на Иски, зачем же пришли торговать сюда? А как увидел, сколько мы товару даем за соболя, так чуть не лопнул от злости.

– А вы?

– Я продал и ему товару. Мне мало важности! А потом он разошелся и стал бузить, так я чуть ему не поднес кулак к носу. Спасибо, Николай Матвеевич вовремя удержал меня. Как же Муньке не сердчать, когда ему разорение: так дурить гиляков больше ему не приходится, как прежде.

– Значит, товар наш берут хорошо?

– Смотрите по соболям! Да вы сами, Геннадий Иванович, торговали здесь, знаете. На Тыре вас помнят. Даже слишком наш товар хорош для гиляков.

Березин бывал на Кяхте, встречался и с китайскими торговцами, служил у купцов в Иркутске, потом торговал в Якутске в компании, торговал и в городе, и вразвоз, бывал на факториях.

Приехав в Петровское на службу в компанейскую факторию, он поразился, как умело ведут дела некоторые маньчжурские торгаши на Амуре. И еще тем, какие распоряжения отдал ему Невельской и как он стал торговать компанейским товаром по своему усмотрению, вопреки всем инструкциям, и того же требовал от Березина. Приказал всем офицерам в разъездах называть себя самостоятельными, независимыми от фактории торгашами.

Березин понимал, что маньчжуры – опасные соперники и что у них есть козырь – водка, чего нет у нас. Соперничать с ними можно, лишь торгуя товаром хорошим. Но дурак и хороший товар отдаст и в дураках останется! Еще нужно и умение. И Березин постарался, и Чихачева учил, как лучше действовать. Невельской доволен. Соболей привезено гораздо больше, чем предполагалось.

Недаром обсуждали всю осень, как торговать. Немало помог своими советами пятидесятилетний прапорщик Дмитрий Иванович Орлов¹⁹, который прожил среди гиляков два года и еще прежде бывал тут у них. Теперь и он путешествует в качестве купца по тайге, торгует и делает опись. Как-то у него идут дела?

---

¹⁹ Орлов Дмитрий Иванович (XIX в.) – штабс-капитан корпуса флотских штурманов, исследователь Охотского моря, Приморского края и Сахалина. В 1826–1829 годах совершил кругосветное плавание. Затем был на службе Российско-американской компании.

Вошел боцман Козлов.

– Что тебе? – спросил капитан.

– Баня готова... Да, каким мылом прикажете каюров мыть, ваше высокоблагородие?

– То есть как – каким мылом?

– Да приказчик Боуров спрашивает, мол, казенным или компанейским? А если, мол, компанейским, так чтобы я прислал письменное требование.

– Вот видели, Николай Матвеевич, какую мы бюрократию продолжаем здесь разводить, – обратился Невельской к Чихачеву. – Да это не просто бюрократия: Боуров в бюрократии видит проявление патриотизма! А ну, Боурова сюда. Это все протест против меня. Разве я не понимаю. Эх, компанейские питомцы!

Козлов, уходя, похлопал дверью, которая не закрывалась, почистил ее чем-то и наконец притворил.

– Служащие Российско-американской компании²⁰ в Аяне с Кашеваровым²¹ во главе все время внушают своим приказчикам, – тут Невельской кинул строгий взгляд на Березина, – что не лавка для экспедиции, а экспедиция для лавки!

«Если это в мой огород, то совсем напрасно, – подумал Алексей Петрович Березин, – что я и доказал! Очень уж пылок наш Геннадий Иванович».

Пришел приказчик. Невельской принялся отчитывать его. Березин обернулся к двери и хитро подмигнул Боурову.

Когда ушел приказчик, Невельской сказал, что новая экспедиция должна из бассейна Амгуни перевалить через хребты в бассейн реки Горюн... И он заговорил про такие далекие и глухие места, о которых Николай Матвеевич слышал только мельком.

«Ему легко строить подобные планы, – с обидой подумал мичман, идя от Невельских. – Но что все это значит? Не меня ли Геннадий Иванович в новую экспедицию собрался послать? Нет уж, довольно! Неужели он не понимает, что я устал!» Не раз Чихачев проклинал себя, что ушел с «Оливуцы» и остался на берегу, и давал зарок, что никогда больше не пойдет в сухопутные экспедиции. Еще сегодня он как-то постеснялся свои претензии выразить. Екатерина Ивановна восхищалась, слушая его рассказы, и он почувствовал при ней себя героем.

После бани Николай Матвеевич и Березин отдохнули у себя в офицерском флигеле, отдали белье в стирку. Вечером снова были у Невельских.

Пришла Орлова, темно-русая, совсем молодая женщина в пуховом платке и в ватной телогрейке. Она из якутских мешанок. Муж ее, Дмитрий Иванович Орлов, ищет каменные пограничные столбы, якобы поставленные маньчжурами под Становым хребтом²². Об этих столбах идет спор в науке, в Географическом обществе, в министерстве у Нессельроде, а гильяки, когда их об этом расспрашиваешь, смеются и говорят, что ничего подобного не существует.

---

²⁰ Российско-американская компания – торгово-промышленная компания, созданная в 1799 году. Ей было предоставлено право монопольного использования богатств (главным образом пушнины) русских владений в Америке, Алеутских и Курильских островов. Царское правительство, используя Российско-американскую компанию, вело колониальную политику на берегах Тихого океана. Необходимость снабжать население Русской Америки продовольствием и снаряжением из России породила эпоху русских кругосветных путешествий и великих географических открытий первой половины XIX века. Только с 1804 по 1840 год Компания снарядила тринадцать кругосветных экспедиций.

²¹ Кашеваров Александр Филиппович (1808–1866) – исследователь Русской Америки, по матери – алеут. Учился в Балтийском штурманском училище как воспитанник Российско-американской компании, на кораблях которой служил потом штурманом. С 1845 по 1850 год служил в Гидрографическом департаменте морского министерства, участвовал в составлении «Атласа Восточного океана с Охотским и Беринговым морями» (издан в 1850 г. в Петербурге). В 1850–1856 годах был начальником Аянского порта, затем снова работал в Петербурге в Гидрографическом департаменте. Автор статьи «Заметки об эскимосах в Русской Америке» и книги «Журнал, веденный при байдарочной экспедиции, назначенной для описи северного берега Америки в 1838 году» (СПб., 1879).

²² ...каменные пограничные столбы, якобы поставленные маньчжурами под Становым хребтом. – Речь идет о горах камней, которые в 1845 г. видел южнее Станового хребта А.Ф.Миддендорф, принявший их за пограничные знаки.

Пришел штурманский поручик Воронин, как всегда серьезный и скромный. Он в ватной куртке и валенках.

А вслед за ним появился доктор Орлов, однофамилец Дмитрия Ивановича. Доктор только что вернулся из селения Коль, куда ездил лечить гиляцких детей.

К чаю Екатерина Ивановна успела испечь пудинг из риса, который привез Березин от маньчжуров. Орлова принесла сибирское кушанье собственного приготовления – сбойны – давленные ядрышки кедровых орехов.

К вечеру ударил сильный мороз. Екатерина Ивановна тоже надела ватную куртку. В комнате прохладно, в такую погоду почти невозможно натопить дом. В казарме, где живут сорок человек и непрерывно топят два чучала, гораздо теплей. Простой народ умеет согреться и приспособиться. Там топят всю ночь, стены завалены снаружи снегом, казарма как бы закутана.

Слушая своего начальника, Березин хитро шурился.

«Но на кого же Геннадий Иванович рассчитывает? – думал Николай Матвеевич. – Кто будет исполнять все эти неисполнимые планы? Там, куда Невельской метит, нет ничего – безлюдье, пустыня лесная. По Амуру ехали, так хоть в деревнях ночевали, и то еле живы, а в тайге с голоду погибнешь».

Екатерина Ивановна заметила, что Чихачев чем-то недоволен, но не догадывалась о причине и по-прежнему смотрела на него с восхищением.

Вдруг Чихачев заметил выражение ее лица. Как электрический ток прошел по нему. Он взглянул на себя ее взором и подумал, что, быть может, действительно для него нет ничего неисполнимого, ведь это только иногда кажется, что не выдержишь. Малодушие какое-то! Мысль эта воодушевила Николая Матвеевича. Как и каждый молодой офицер, он втайне не раз мечтал совершить подвиг.

– Но снабжение и снаряжение нашей экспедиции, Геннадий Иванович, – смело заговорил Николай Матвеевич, показывая, что не желает сдаваться сразу, – поставлено было из рук вон плохо. Мы торговали и угощали, а сами вернулись голодные и еле живые.

Незаметно для себя Чихачев в этот вечер оказался втянутым в рассуждения о планах нового похода и даже стал развивать мысли, что и как лучше сделать.

– И нельзя брать с собой в такую дальнюю дорогу большой груз товаров и продуктов.

Невельской желал послать две экспедиции: одну – через горную область, другую с тремя-четырьмя нартами товаров и с продуктами – по Амуру.

– Первая будет исследовать, – говорил он, – а вторая – производить расторжку и мену и будет обозом первой. Чтобы видели: страна наша, мы все время ездим по краю, заботимся о безопасности жителей! Для этого взять с собой вооруженных казаков. Одного, посмышленей, назначим вторым купцом, и будто бы вы, Алексей Петрович, путешествуете с ним в компании, но опять товар порознь. Назначить пункт, где встретитесь с Николаем Матвеевичем, когда он выйдет из тайги. Вот вам и не придется, Николай Матвеевич, тащить с собой на Амгунь и оттуда через хребты груз товаров и продуктов. Получите пополнение от Алексея Петровича на Амуре и дальше пойдете вместе в Де-Кастри, снабженные вполне!

«Он уже назначил меня и Березина в начальники экспедиции и маршрут придумал!»

Невельской пошел к карте и стал говорить, что это только начало и он пошлет еще одну, третью экспедицию – на Сахалин.

– К рождеству вернется Дмитрий Иванович. Бошняк²³ будет нашим гостем. Мы, господа, соберемся все вместе, наши представления о крае станут полней, и мы отдохнем и повеселимся. Заодно и решим, обсудим все сообща, куда и кто пойдет.

---

²³ Бошняк Николай Константинович (1830–1899) – морской офицер, участник Амурской экспедиции Г.И. Невельского, исследователь Татарского пролива, низовьев Амура, острова Сахалин. В 1855–1856 годах на корвете «Оливуца» вернулся в Петербург. Автор статей «Экспедиция в Приамурском крае» и «Занятие части острова Сахалина», напечатанных в 1858–1859 годах в «Морском сборнике».

«Вот бы куда мне! На Сахалин! – подумал Николай Матвеевич. – Рядом Япония! Роскошный, как слышно, остров!»

– Я бы на Сахалин с удовольствием!

Екатерина Ивановна тут заметила, что хорошо бы приготовить на праздник домашний спектакль, разыграть комедию.

– Да, – согласился Невельской, – теперь начинается самое трудное, пуржливое время года, и раньше чем через месяц после рождества никто никуда не тронется.

У Чихачева на душе отлегло. Право, стоит, как Екатерина Ивановна предлагает, разучить «Женитьбу» или еще лучше сцены из «Ревизора» и тем временем обдумать все хорошенько.

«А Геннадий Иванович хитер, хоть и запальчив, – думал Березин, – знает, чем приманить нашего брата». Похоже было, что все экспедиции Невельским давно обдуманы.

Глава четвертая

Торговля

Утром Невельской пошел в магазин. Светало, и снега косы, залива и моря слились в сплошной синеве. Нынче зима снежная, и вся коса выросла аршина на три.

Пост раскопан, как открытый разрез с ходами на руднике, и на дне его – дома. Местами укатаны съезды для нарт и лыжников. Внизу тихо, не страшен ветер, когда подует с моря, и мороз не так бьет людей. Над снежным городком торчит вышка с флагом и часовым.

«От снега теплей!» – говорят казаки.

К старому, вытащенному на берег бригу «Охотск» ведет ход в сугробах. Вокруг – завалы снега, а за ними вдаль – застрugi по всей косе.

На судне каюты, в том числе и капитанская, разгорожены, переборки между ними сняты – образовалось обширное помещение. С потолка, как огромное меховое одеяло, свешивается сплошная мохнатая стена из полномерных лисиц. При свечах работают приказчики. Тут же двое гиляков.

Березин и Боуров рассматривают на прилавке каждую шкурку, сортируют соболей. На небольшом столе стопка бумаги, чернильница, счета и большая книга. Боуров время от времени записывает число и сорт принятых шкурок.

Тепло. Топится железная печь. По стенам – полки с товарами. В соседнее помещение открыта дверь, там, в бывшей жилой палубе, виднеются бочонки и шкуры больших зверей: медведей, лосей и тюленей. В трюме тоже полно звериных шкур.

Гиляки – соседи, приехали с острова Удд. Они соблюдают порядок и с любопытством смотрят и ждут, когда приказчики закончат дела и займутся ими.

Когда вошел капитан, они поднялись и обняли его по очереди. Таков гиляцкий обычай. Геннадий Иванович строго его придерживается, что нередко вызывает насмешки некоторых его подчиненных.

Торг на посту ведется компанейским товаром, и от Компании присланы приказчики «в распоряжение начальника экспедиции», как просил Муравьев²⁴.

Магазином и всем торгом заведует Дмитрий Иванович Орлов. В правлении Российско-американской компании в Петербурге, а также в Аяне, где находится важная фактория и склад для пушнины, прибывающей из Аляски, считают, что в Петровском главное – магазин, а не экспедиция. А экспедиция только для охраны торгова. Но Невельской подчинил магазин экспедиции, отстранил Орлова от управления торговыми делами и занимается ими сам, требует от приказчиков полного и беспрекословного подчинения. Цены он меняет и твердит, что всю ответственность берет на себя.

– Когда приехали? – спросил капитан у гиляков.

– Вчера, – испуганно ответил добродушный, толстый Момзгун.

– Вчера на магазин ходили, – сказал, как бы оправдываясь, другой гиляк, Хурх.

---

²⁴ Муравьев (Муравьев-Амурский) Николай Николаевич (1809–1881) – генерал-губернатор Восточной Сибири с 1847 по 1861 год. Содействовал изучению Сибири, облегчил положение ссыльных декабристов. Н.Н. Муравьев поддерживал Геннадия Ивановича Невельского (1813–1876) в его стремлении открыть устье Амура и присоединить к России когда-то принадлежавшие ей земли. Однако, когда открытие было совершено, Н.Н. Муравьев сумел удалить Г.И. Невельского от дел, и тот вынужден был последние двадцать лет жизни служить в Ученом отделе Морского технического комитета в Петербурге. Все заслуги в присоединении Приамурья были приписаны Н.Н. Муравьеву, который после подписания в Пекине Айгунского трактата (1858-й г.) получил титул графа с присоединением к нему имени Амурского. Контр-адмирал Г.И. Невельской был награжден лишь орденом Анны I степени и пенсией в две тысячи рублей, такой же, как и председатель правления Российско-американской компании, постоянно мешавшей Г.И. Невельскому во всех его начинаниях. Истина была восстановлена Г.И. Невельским, написавшим свои записки – «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849–1855», увидевшие свет уже после смерти автора – в 1878 году.

Он тоже невысок ростом, лохматый, черный, как жук, с редкими усиками и с пристальными глазами, черными как угли.

– Как раз магазин закрывали, – добавил он, кивая на Боурова, – наша не попали!

– Ночевали деревня! – пояснил Момзгун.

– Имя в охотку! Сами рады поглядеть и у нас пожить, – сказал черноусый молодцеватый Боуров.

Невельской покосился на приказчика.

– Дивные меха привезли, вашескородие!

– А ты опасался, что товар зря транжирили. Вот теперь напиши в Аян, что не даром хлеб едим.

– Завсегда напрасно укоряете, Геннадий Иванович. Я ведь человек подневольный.

Боуров, несмотря на все распоряжения Невельского, оставался верен своему долгу и пытался, сколь возможно, отстоять то, что требовалось данными ему от компанейских служащих инструкциями.

– Глядите, Геннадий Иванович! – воскликнул Березин, растягивая перед огнем черную шкурку. – Глядите, какой мерный! Тигр, а не соболев! Вот зверина! Черный... А посмотрите, какая ость. – Березин дунул в мех, который открывался воронкой под струей воздуха, обнаруживая густой волос. – Какая-то мамзель, купчиха ли напялит на себя! Как полагаете, Геннадий Иванович? Куда этого соболя вывезут? Этот сорт называется у нас «баргузинский». В верховьях Амгуни, говорят, высокие горы со снегом! Там в холоде родятся такие, в хребтах.

Невельской присел на табуретку, угостил гиляков табаком и сам закурил трубку.

– Твоя лавка? – спросил свирепый Хурх.

– Моя.

– Богатый! – похлопал Момзгун по плечу капитана. – Хозяин?

– Хозяин.

– И он тоже хозяин? – кивнул гиляк на Боурова.

– Тоже хозяин!

У гиляков был такой вид, словно им чего-то надо от Невельского. Он догадывался, дело обычное.

– А как ты нерпу зимой бьешь? – спросил капитан Хурха.

– Копьем!

– И стрелой. Или такой штука тоже есть, такой маленький, потом есть еще большой... – сказал Момзгун.

Видя, что капитан на этот раз угощать их не собирается, гиляки стали поглядывать на полки.

– Покажи вон тот красненький, – сказал Момзгун.

– Боуров, снимите для них сукно.

– Они надоели мне, Геннадий Иванович! Сами не понимают, чего хотят, – ответил приказчик. – Красное сукно ему брать не на что, это товар не по нему-с. А что я ему предлагаю – он не берет. Чуть ли не весь магазин для него перерой, а мне некогда, сами видите, – добавил он с раздражением.

Невельской поднялся, и не успел Боуров опомниться, как уж он достал с верхней полки кусок сукна и кинул его ловко, так, что оно частью развернулось по прилавку. Гиляки поднялись и с серьезным видом стали трогать сукно.

– Только зря замарают! – как бы оправдываясь, пробурчал приказчик. – У тебя не на что это покупать, – вразумляюще сказал он гиляку. – Вот миткаль, это по тебе!

Боурову казалось, что Невельской зря хвастается и упрекает его, выказывая себя заправским торгашом.

Березин мотнул головой, подмигнул товарищу, как бы предостерегая его. Но Боурова трудно остановить.

Капитан стал кидать драдедам²⁵, а потом плис²⁶, ситец. Волны материи бушевали на прилавке.

– Позвольте уж я, – засуетился Боуров.

Гиляки достали двух лисиц из мешка, и торг состоялся.

– Запишите все, Боуров!

Капитан повел гиляков к себе. Момзгун и Хурх после обеда укатили домой.

– Как же можно этак обращаться с покупателями! – говорил Невельской, явившись к приказчикам. – Да вы в своем уме? Маньчжур при торге непременно угощает их, одаривает мелочами и всячески ухаживает. Вы-то, Алексей Петрович, знаете это отлично.

Алексей Петрович Березин молчал, показывая, что тут дело не его и он вмешиваться не собирается. Он – разъездной торгаш. Лавка – дело не его.

– Так мы отгоняем от себя покупателей!

– Я не могу разорваться. Какой прок в их лисах, пока вон сколько товару надо убрать. Да и лисы их не так уж хороши! – возразил Боуров.

– Да разве дело в лисах! Умейте взять хорошие меха, но умейте и на риск идти. Ему нужно – дайте, он оплатит в другой раз. Но не оскорбляйте! Как мне вам в голову вбить, что экспедиция не может ограничить свою деятельность извлечением прибылей для Компании. Поймите раз и навсегда: каждый, кто приходит к нам, должен уйти нашим другом. В этом смысл.

– Я этот смысл не могу послать вместо отчета в Аянскую факторию! – раздраженно ответил Боуров. – Товары все на мне в этой лавке, и я ими распоряжаюсь!

– Я здесь капитан, как на судне среди океана, и распоряжаюсь всем я и могу отстранить вас и судить военным судом! И отвечаю за все я! Извольте подчиняться! Извольте не портить мне отношений с туземцами, не знакомить их с вашим отвратительным компанейским бюрократизмом!

– А если, может быть, являются те, кому не на что купить?

– А вам-то какое дело? И в этом случае извольте шевелиться, все показать добросовестно. И я буду следить и взыскивать с вас, если мое распоряжение не выполните. Извольте угощать их, на это средства вам указаны, и я представил вам мое письменное распоряжение! Каюрская изба к вашим услугам, и не посылайте их ночевать в деревню, они наши гости. Это их обычай, мы должны его придерживаться. За нами такая сила, как наш товар, не сравнимый ни с чем для них! Так умейте воспользоваться выгодой, отбросьте раз и навсегда эту надутую важность, гиляк такой же человек, как вы! И как я! Верно, Алексей Петрович?

– Это как вам будет угодно, Геннадий Иванович, – отвечал Березин.

– Вот так-то, господа! Поймите, что мы и Компанию вашу не оберем, так как соболя тут слишком дешевы и мехов много. Но дайте народу избавление от маньчжурских купцов и не уступайте им, а то на этом сыграют, и нам может прийтись плохо.

– Поначалу малая была торговля, – говорил Невельской, придя к себе домой, – а теперь все больше, и мы весной отошлем с первым судном большую партию отличных соболей. Подлю это, как подумаешь, что трудимся для акционеров Компании, да что поделаешь... Гиляки очень довольные уехали, а Боуров – бюрократ, вчера даже разговаривать с ними не стал и не пустил в магазин! Проклятые нравы! Гиляка надо понять, для него торговля – отрада. Но ему хочется иметь свободу выбора, он то к одному купцу пойдет, то к другому и тоже ищет выгод. Поэтому они боятся сговора купцов, то есть монополии, которая им ненавистна, и они хоть и

---

²⁵ Драдедам – сорт легкого сукна, полусукно. Плис – бумажный бархат.

²⁶ Плис – бумажный бархат.

дикари, но отлично понимают, что это такое. Они у меня всегда спрашивают, кто у нас хозяин, кто работник, почему, мол, ты говоришь, что вы друг другу чужие, а товар у вас лежит вместе. Видишь, до чего они додумались! Они знают, что в верховьях реки маньчжурские купцы составили компании, поделили речки между собой и закабаляют гольдов²⁷, так что тем и некуда уйти, если бы и захотели. На них из Китая движется опасность, и они это понимают и боятся, не с тем ли и мы приехали. Они уже говорили мне, что маньчжуры устанавливают цены общие и между ними, видно, здесь готовится тайный сговор, но гиляки им не хотят поддаваться, грозят ножами и страшают, что перестанут маньчжуров пускать в свою землю! Не хотят монополии, которой боятся, как огня, хотя и не читали газет. Только бы мы с умом действовали и торговля налаживалась бы у нас и с ними, и с маньчжурами.

Невельской рассказывал жене, как в сорок девятом году впервые сошелся с маньчжурскими купцами и еще в то лето наблюдал их торговлю.

– Первое их преимущество – водка. Действуют беспощадно, угощают покупателей, при продаже разводят ее или что-то добавляют, отчего пьющий совсем дуреет. Второе – знание гиляцкого языка и обычаев. А у нас ты единственная во всей экспедиции, кто добросовестно учит его... Еще Иван Масеев.

– Да Дмитрий Иванович знает.

– Но без тунгусов или Чумбоки и он никуда. Хорошо, что соседи наши сами быстро выучиваются по-русски. Как действуют маньчжуры? Купец придет в гости, рассказывает новости: о богдыхане, о войнах, о торговле. Тут потом в ход идет все: и сплетни городские, и небылицы, и все, что делается в соседних державах, и как бы о военных маневрах! Гилякам это нравится, дает пищу воображению. Купец дарит им разные мелочи, уверяет, что привез для них из Китая нарочно подарки, не забудет жену, детей. Еще угощает... Меха скупает по дешевке. Но если надо – дает в долг и понемногу закабаляет. Он становится необходим. Как такому откажешь? Позь²⁸ мне много рассказывал и Чумбока тоже. Тягаться трудно, если будем действовать как бюрократы! И куда только маньчжуры не добираются! Мунька ездит на Коль, на Сахалин. Но у них есть способы, которые нам трудно перенять. Туземцы страдают от них, но без них не могут. Трудно нам тягаться, но я добьюсь своего.

На другой день прикатил с Удда Тятих, такой же маленький и толстый, как Момзгун. Явился прямо к Невельскому, поцеловал его, попил чаю и попросил показать тот товар, что вчера покупали его товарищи.

Невельской послал за приказчиком, и вместе пошли в магазин.

– Да он не возьмет ничего! – сказал Боуров, показывая то один кусок, то другой.

– Не наше с вами дело! Обязаны показать все, что просит.

Тятих заставил снимать сукно с верхних полок, шупал и потом сказал, что брать ничего не будет.

– У меня на них есть нюх, Геннадий Иванович, – сказал Боуров с гордостью.

– Возьми в долг! – сказал Невельской гиляку.

– И в долг не надо!

– Если бы не ваше приказание, Геннадий Иванович, хоть вы меня завсегда упрекаете, – сказал Боуров, видя досаду на лице капитана, – то я бы дал ему такого пинка, что он бы летел через трап и еще на три сажени в снег вошел.

– Не смейте!

– Разве я не понимаю, Геннадий Иванович! Я завсегда все понимаю, и даже политичность ваша понятна, и обхожусь поэтому с ними ласково, а совсем не так, как они заслуживают. Вот

²⁷ Гольды – старое название нанайцев.

²⁸ Позь – нивх, проводник экспедиции академика А.Ф. Миддендорфа в 1842–1845 годах, описанный им в своих записках под именем Позвейн.

вы сравниваете торговлю нашу с маньчжурской. Да разве можно! У маньчжуров нет ничего хорошего, кроме шелков и дабы синей²⁹. Крупа? Да грош ему цена, их пшеницу! А мы даем ситец, сукно, скобяной товар, инструмент! Эх ты! – с презрением сказал он Тятиху. – Так ничего не берешь?

– Не-тю! – ответил, свирепо хмурясь, одутловатый широкогрудый гиляк и поспешно улыбнулся.

– А ведь считается у них богачом! – сказал Боуров. – Вон и шапка отделана соболем, и хохотунчик из выдры. Они ведь, как маньчжуры, ценят выдру дороже соболя.

Гиляк, улыбаясь, поцеловал и приказчика, и Невельского и уехал.

– Вот, видели его! Перерыл всю лавку, да и был таков. Но я бы не посмотрел, что он богач! И как вы, Геннадий Иванович, благородный человек, позволяете себя целовать дикарю?

На другой день явились гости издалека. Во главе их старик Чедано, знакомый Невельского с лета прошлого, пятидесятого года. Этим пришлось угощать как следует. Их поместили в каюрской. Там теперь поставлен еще один очаг, сделаны нары, столы, табуретки, есть котел для приготовления пищи. Питкен там топит печку, хозяйничает и готовит гостям пищу.

Чедано привез подарки: свежее мясо оленя, меховые торбаса Невельскому и рукавички его жене.

Невельской водил Чедано с его приятелями в магазин. Боурову пришлось опять все показывать. Невельской отдал гиляка табаком, бусами и материей.

Чедано плохо говорил по-русски, поэтому пришлось вызывать казака Масеева. Обычно переводит Позь, умный и грамотный гиляк, который сейчас путешествует с Орловым.

Чедано остался ночевать в каюрской. Ужинать гиляки пришли к Невельским.

– Алексей твой помощник? – допытывался Чедано.

– Мой товарищ.

– А Николай?

– Тоже мой товарищ.

– А почему у них нет своих лавок? Где их товар?

– Товар мы держим все вместе, в магазине.

– А-а! А не ты главный у них?

– Я по службе главный. А они торгуют сами по себе.

– Ты сегодня только свой товар показывал?

– Да...

– Пусть придет Алексей и мне свой товар покажет. Он у нас ездил и очень хорошо торговал. У него товар дешевле, чем у тебя. Его все хвалили. Но я его не застал.

Послали за Березиным. Тот принес сарпинки и солдатского сукна. Живо вошел в роль, хвалил свой товар, хвастался, щелкал языком, принес свою водку. Чедано был в восторге и полез в мешок за оставшимися лисами и соболями.

– Мы любим торговаться, – признался он. – Если у одного купца нужный мне товар плох, идем к другому. Каждый купец хочет нас обмануть, и мы его тоже обмануть стараемся.

– А удается?

– Конечно! А вот если купцы сговорились, то я кругом попался! А у вас сговора нет? – вдруг с испугом выкатил глаза старик.

– Наоборот, я запрещаю по одной цене продавать!

«Эх, Геннадий Иванович, проговорился!» – подумал Березин.

– Вот это хорошо! – успокоился Чедано и поскреб лысину ногтями. – А маньчжуры про вас говорят, что у вас одна компания и вы хотите их совсем выгнать. Это правда разве?

---

²⁹ Даба – китайская грубая хлопчатобумажная ткань, обычно синего цвета.

– Нет! Но почему ты так беспокоишься? Ведь ты сам знаешь, что они вас обманывают. И обижают. А ты их защищаешь.

– Вот и я говорю! Обманывают обязательно! И обижают сильно... Но, капитан, не гони их, пусть они торгуют! И они и вы! Ладно?

– Пусть. Мы им не запрещаем, а напротив – объявляем всюду, что будем охранять их торговлю и жизнь. И сами готовы торговать с ними. Только пусть вас не обманывают. Ведь ты сам был со мной, Чедано, на Тыре, когда я впервые встретил маньчжуров. Я не прогнал их и объявил: пусть честно торгуют.

– Да, это верно, от них бывает и горе. Но выгонять их не надо. Они торгуют плохо, но зато подарки дают. И мы их товар тоже любим. У них такие красивенькие легонькие вещицы есть. И вкусные тоже...

– Согласен с тобой.

– А теперь очень много про вас разговоров всюду.

– Эти слухи пускают про нас из зависти сами маньчжурские торгаши.

– Может быть! – согласился Чедано. – Говорят, что вы хотите все захватить, тогда цены будут единые и никто не сможет от вас убежать, и тогда, не имея соперников, вы будете у нас все брать даром. Верно?

– Нет, не верно!

– А ваш магазин всегда охраняется? – спросил Чедано.

– Всегда! Там человек ночует.

– Вот это хорошо! И хорошо, что вы с пушками. А магазин ведь это ваш корабль, и он дырявый, можно стрелять через дырки. Вы его можете оттолкнуть в воду и плыть, чтобы торговать? Хорошо, у тебя много товарищей. Я тоже так хотел бы! Тебе жить не страшно! И ездить всем вместе хорошо, компанией. Торговать! Да и как нам ссориться с маньчжурами? Ведь ты, если захочешь, уплывешь на своем магазине. А нам некуда плыть. Мы тут остаемся.

– Нет, мы никуда не собираемся. Будем всегда защищать вас.

– А вот у нас был случай на Амгуни, ехал твой парень, который живет в Николай-посту, сам Николай...

– Бошняк?

– Так, конечно! И ехали маньчжуры. Один маньчжур обманул, давно еще, у нас дядю, и наши гиляки решили его убить. И схватили за руки и за ноги, встретив на дороге. И как раз ехал Бошняк. Выскочил из нарты, услышав крик. И сильно бил наших гиляков, ударил по лицу и в грудь и сказал, что человека убивать нельзя. И вместе с маньчжуром поехал дальше.

– Я это знаю. А почему тебе это не нравится? Если маньчжур виноват, то пусть жалуются, и мы заставим вернуть его все, что он взял незаконно, а убивать человека нельзя.

– Разве нельзя? – с невинным выражением лица спросил старик. – Дядя тогда сказал, что плохо, если русские и маньчжуры познакомятся. Пусть бы лучше ссорились.

Гиляки задымили весь дом, после них остался запах собачьих и звериных шкур.

– Не зазнавайтесь, господа! – сказал Невельской своим офицерам и приказчикам, которые присутствовали при этом разговоре. – Вы видите, как желают сохранить они торговлю с маньчжурами. И те не глупы! И нам надо стараться торговать с маньчжурами. Они могут стать нашими друзьями, быть может, и оптовыми поставщиками нужного нам продовольствия.

Все разошлись. Пришлось студить избу, открывать дверь, проветривать. Печь топилась, и в трубу тянуло.

– Торговля идет бойко! – говорил Геннадий Иванович, садясь в углу за письменный стол. – Но и хлопот много. Опять грязь и тебе неприятности.

– Не беспокойся, Геннадий! Я всегда рада твоим гостям!

– Я знаю, что надо пользоваться, если они охотно идут. Но всех водить к себе мы с тобой не можем. Мне тогда все бросить надо и только ими заниматься. А мне все же придется отчеты

составлять, следует написать в правление, что мы тут делаем! – Он показал на кучу бумаг. – В каюрской теперь столы и котел, и я велел, чтобы приказчики там сами всех угощали или назначали бы вместе с боцманом людей для этой цели. А я туда буду ходить на «говорки»!

Глава пятая

Рождество

Ночью Николаю Бошняку – двадцатилетнему начальнику Николаевского-на-Амуре поста – часовой доложил, что видно северное сияние. Николай Константинович так устал и так ждал рассвета и часа отъезда, что даже не вышел из юрты и не захотел взглянуть. Не верилось, что на рассвете – в путь, а вечером – у Невельских!

Позавчера проезжал Дмитрий Иванович Орлов. Он, возвращаясь из командировки, заночевал у гиляка Ганкина в стойбище Вайда, в семи верстах от Николаевского поста, где его застала ночь и непогода, и явился утром. Привез массу новостей. Но хотел засветло в тот же день попасть домой, в Петровское, где его ждали к празднику, посидел в юрте у Бошняка час, попил горячего чая с лепешками и помчался дальше. Хоть и спешил, а много интересного успел рассказать о своей поездке.

– Нашли пограничные столбы на Становом хребте? – спросил его Бошняк.

– Никак нет! Их нет, а груды камней, про которые идет толк, – места для ярмарок.

– Слава богу... А я нынче тоже был в экспедиции, ехал по Амгуни в нартах и все смотрел на горы, думал о вас, что непременно увижу в трубу Дмитрия Ивановича.

– Мы с Позем очень далеко были от Амгуни, Николай Константинович.

В командировку Орлов выехал из Петровского на север, через Коль и озера направился к хребту, считавшемуся пограничным, проехал вдоль его подножия, свернул на Амгунь и вернулся с юга.

Надо бы ехать было с ним в Петровское, да Бошняк еще не собрался. Но приезд его сильно подстегнул Николая Константиновича.

Теперь Орлов все подробности расскажет. Чихачев вернулся тоже. У Невельского много новостей: может быть, почта пришла.

Бошняк эти дни работал, как рядовой, с топором в лесу, старался разделить со своими казаками и матросами их тяжелую долю. Заготавливали строевой лес. С осени был приказ Невельского: построить к зиме теплые помещения для людей, баню и сделать засеку.

Баня готова, срублена из сырого леса. Готова и засека. Для команды вырыто жилье в земле. Стойма поставлены бревна, снаружи обложены дерном. Сделаны нары, грубые столы и табуретки. Пол земляной. Крыша крыта дерном.

В таком помещении с земляными стенами живет на нарах более двух десятков людей, двое семейных с женами и детьми здесь же. Бошняк понимает, что это мука, а не жизнь. Духота, теснота, стоит смрад от светильников с тюленьим жиром. И от сырости, от плохой пищи люди болеют.

Такая же землянка, но поменьше – у Бошняка. С ним живут приказчики и горный штейгер Попов – невысокий, сумрачный человек, прослуживший добрый десяток лет среди каторжников на рудниках Забайкалья. В душе Николай Константинович недолюбливает этого штейгера.

На зиму казаки насолили черемши; из Петровского доставили бочки с капустой. Рыбы насолили и навялили, стоят с ней самодельные долбленные ушаты.

Осенью прибыли из Охотска две женщины – жены казаков. Вся команда их встретила с радостью, убирали к их приезду казарму. С их прибытием команда подтянулась.

Жены нижних чинов готовили пищу, содержали помещение в чистоте, стирали, ходили за двумя коровами, для которых тоже выкопано и крыто жердями с дерном помещение.

Вечерами обязательно – песни, пляски, чтобы народ не чах и не зяб.

Каждую неделю – баня. Бошняк полюбил простую баню. И отдых, и удовольствие. Потом – по чарке водки.

День и ночь пушка наготове, как велено; при ней часовой, и в любой миг по тревоге все станут в ружье.

Николай Константинович иногда думал, что и в подобной жизни на далеком посту есть своя поэзия. Но вот получил приглашение на праздник в Петровское, и появилось такое чувство, как будто из тюрьмы отпускают в родную семью. Только сейчас понял, как надоело жить в сырой землянке и все эти караулы, рубка леса, черемша и капуста, перевесы и дележка порций, счет продуктам, свечам и салу...

С рассветом Бошняк пошел в казарму. За Николая Константиновича на посту оставался присланный недавно из Петровского бойкий и разбитной унтер-офицер Салов. Старый унтер Тихонов из команды «Байкала» заболел и отправлен в Петровское. Приказчик Березин по делам задерживается там же.

– Не беспокойтесь, ваше благородие Николай Константинович, будет все в порядке, – сказал Салов. – Людей я знаю всех еще по Охотскому порту и вижу их насквозь. Я их не обижу, но и спуску не дам. Для вас все готово. Аносов едет на праздники в Петровское, сейчас подаст упряжку, только вот собаки маленько заморенные.

– Что это у тебя с носом, Шестаков? – спросил Бошняк, обращаясь к высокому красивому матросу.

– Кто тебе морду погрыз? – усмехнулся Салов.

– Крысы! – печально ответил Шестаков.

«В самом деле, ему обидно! – подумал Бошняк. – Матрос из команды „Байкала“, один из лучших был на судне, любимец Геннадия Ивановича».

Вдруг все стали смеяться.

– Глянь, робя, Шестакова крыса за нос укусила!

– А Замиралова за ногу!

– Вон как, ваше благородие, – показывая завязанную ногу, сказал старик Замиралов.

– Искусала – значит, спишь крепко!

– Летом построим казарму, и крыс в ней не будет! – сказал Бошняк.

– Слыхали? – добавил Салов, обращаясь к казакам. – Теперь уж недолго!

– Да вот на них ловушки лажу; пока вы ездите, Николай Константинович, может, всех переловим, – сказал худой смуглый матрос Веревкин.

Собаки вихрем помчали Бошняка. Чуть отъехал от поста, и не стало видно строений, все снегом занесло, лишь торчат трубы. Подумал: «Нелегка жизнь ради идеи. Известность можно приобрести и в Петербурге, не подвергая себя подобным лишениям». Он понимал, что еще придется возвратиться сюда, и от этого являлись обидные мысли. В Петербурге не очень желали осуществления замыслов Геннадия Ивановича, даже государь запретил распространять влияние экспедиции, а Невельской уж после этого опять рассылал объявления, что страна наша. «Боже, чем все это кончится?» Бошняку тоже пришлось побывать с казаком Беломестновым в одной из непродолжительных экспедиций. Но казалось, что его, как самого молодого из офицеров, да еще родственника своих костромских знакомых, Невельской бережет и в трудные экспедиции не отправляет и что успех первой экспедиции зависел не столько от него, как от Беломестнова, который теперь в Петровском ждет новой экспедиции, а пока возит воду.

...Собаки хороши и мчали быстро. Аносов каюрил не хуже любого гиляка. После полудня между сопок завиделось море во льду, на косе дымили трубы. Николай Константинович глазам не верил, что подъезжает.

Вот и Петровское, слава богу! Снег, слепящее солнце, крепкий мороз, и такое чувство, как будто явился домой в Кострому. И там сегодня ждут звезды! Сочельник! А после рождества – святки, все это так торжественно! Может быть, Геннадий Иванович разрешит и святки пробывать в Петровском...

Невельская в шубке и Геннадий Иванович в форме вышли на улицу встречать Колю. Тут же Чихачев, доктор Орлов, Воронин, знакомые казаки и матросы. Крики радости, объятия и поцелуи без всяких чинов. Всплескивает руками невысокий Беломестнов.

– Здравствуй, брат Кир! – обнял его Николай Константинович. Подошел пожилой рослый и плечистый мужчина с густым загаром и черными бровями.

– Доехали, Дмитрий Иванович? – обрадовано воскликнул Николай Константинович.

– Как видите! – отвечал моложавый старик. Широкой, большой ладонью схватил он руку Бошняка.

Тут и Позь – рослый худой гиляк с большим лбом, и жена Дмитрия Ивановича Орлова – молодая, красивая, с выражением спокойного достоинства на смуглом лице.

Почты, оказывается, еще нет. Что делается в Петербурге, в Иркутске и в Костроме – неизвестно.

Орлов – старый штурманский офицер. Был под судом за убийство из-за женщины. В ссылке жил в Охотске и в Аяне, служил в Компании, был нужен, его не держали в тюрьме. Он женился. В прошлом году Муравьев выхлопотал ему прощение и чин штурманского прапорщика. Орлов считается заведующим торговой лавкой в Петровском зимовье, состоит на службе в Компании и отвечает перед заведующим ее Аянской факторией капитаном второго ранга Кашеваровым за все товары.

Во время поездки душа его болела, как тут Невельской распоряжается товарами и как идет торговля. Какие бы приказы Невельской ни отдавал, но в конечном счете придраться смогут к Орлову, и даже обязательно придерутся.

Возвратившись в Петровское, Дмитрий Иванович даже не пошел в первый день в магазин, не ожидая увидеть там ничего хорошего. Явившись к Невельскому, он доложил с подробностями о поездке и, представив карты, пошел отмываться и отсыпаться.

Вечером в тот же день рассказывал Невельским о поездке, о том, что про пограничные столбы никто в тех краях даже не слышал.

Выехав из земли гиляков, он держал путь на запад, к хребту. При встречах Орлов понимал негидальцев и других туземцев. Он отлично говорил по-тунгусски. Встречался он на реке Горюн с самогирами и с гольдами. Потом был на озере Удыль. Более всего поразило его, что в стойбище Пуль, напротив этого озера, где жили главные и самые богатые маньчжуры, он был принят очень радушно. Пришлось остановиться в их доме. Вслушавшись в маньчжурскую речь, он почувствовал, что понимает и их. Он прожил в Пуле два дня, толковал без переводчика и расстался с купцами по-приятельски. Гиляк Позь удачно сменял маньчжурам лакированную посуду, привезенную им самим с Южного Сахалина от японцев, и орлиные хвосты на шелковые халаты.

На другой день утром Орлов пошел в магазин и был поражен, сколько тут наторговали мехов. Но Боуров недоволен, жаловался, что Невельской объявляет настоящую войну Компании, ругает ее правление; товары все продаются по разным ценам, так что невозможно составить отчет. Одна надежда: скуплены меха в большом числе. Но как уверяет Боуров, упущены большие барыши, которые составили бы здешней лавке славу, а служащие получили бы вознаграждение. И все идет прахом из-за политики Невельского.

– В такой мороз, сами знаете, Дмитрий Иванович, покупатель водки просит и отдаст за нее все, – говорил Боуров. – И торговать с водкой легче. А Геннадий Иванович насчет водки строг: она, мол, нужна к весне для команды, когда начнется цинга. Да можно завалить весь пост соболями при водке и с нашим товаром! Обратно – произвести оборот: на хорошее сукно этой же водки скупить у маньчжуров. Мы держим для дикарей гостиницу и пластаемся перед ними в каюрской, когда его чаем не нагреешь и печка не поможет, если он отмахал полдня нартами. А дай ему полуштоф, он зальет в глотку, и ему не надо угощений и всех разговоров, он отдаст меха сам. А мало, что гиляка накорми, – дай его собакам юколы, если у него своя вышла.

Дмитрий Иванович понимал всю эту политику.

– Наплюйте на Компанию, Дмитрий Иванович, – говорил ему в тот же день Невельской. – Я написал, что беру всю ответственность на себя и имею на это основание, облечен особыми полномочиями. Помните, у нас тут как свое государство, не зависимое ни от какой бюрократии. И выполнять мы с вами будем лишь разумные и приемлемые распоряжения. Если явится чиновник вас арестовывать, то прежде я его сам арестую.

– Почему же почты нет? – спросил Бошняк, входя в дом к Невельским.

– Ждем! Губернатор обещал нынче сплыть по Амуру к нам с флотилией. Он сдержит слово! Мы готовимся, будем весной пахать... Торгуем, карту большую делаю, к приезду Николая Николаевича все надобно в порядок привести.

Невельской пошел с Чихачевым на водосвятие, а Бошняку велел отдыхать на диване, и тот заметил, что, пока не был в Петровском, на большой карте над столом появилось много новых пунктов. Он прочитал: «Озеро Кизи», «Река Амгунь», «Селение Керби» и разные другие.

Вечером со звездой сели за стол.

На ночь Николая Константиновича уложили на диване в большой комнате. Геннадий Иванович снял со стены карту, разложил ее на большом столе. Вооружившись циркулем и карандашом стал наносить какие-то пункты с карт, которые привез Дмитрий Иванович Орлов.

– На юге много хороших гаваней есть! – сказал Невельской не оборачиваясь. – Поэтому занятие Де-Кастри не решает дела! Надо еще южнее идти. Гиляки тут рисовали мне ножами на бересте. Их сведения всегда верны. Они прежде рисовали путь по Амуру, например, и всегда масштаб соблюдали. Не так уж велики оказались их ошибки, когда Николай Матвеевич и Орлов все засняли и определили. Конечно, гиляцкие берестяные карты не могу прилагать к отчетам, но они еще ни разу не обманули нас. А на юге, говорил мне один старик, есть прекрасная, почти незамерзающая гавань! На бересте представил целые атласы. Жил тут три дня, пил и ел, и мы ухаживали за ним, как за богатым дядюшкой. Да вот я вам покажу, они в ящичке, – сказал Невельской, становясь на колени и заглядывая под диван. – Вот как раз она сверху лежит! Видите, какая гавань. В форме рога. Туземцы называют ее «Палец».

Он отдал бересту Николаю Константиновичу, встал, подошел к большой карте и повел ладонью по нижней ее части.

– Пожалуй, вот здесь! А? Возможно, южнее Крыма... Как вы думаете, Николай Константинович, неужели и она льдом покрывается?

– Почему вы меня туда не пошлете, Геннадий Иванович?

Дверь скрипнула. Вошла Екатерина Ивановна.

– Что вы, господа, не спите? – Она остановилась над картой и стала смотреть, облокотясь.

...Утром явился Орлов. Густые волосы Дмитрия Ивановича напояжены. Он в новом мундире и чисто выбрит. Усы короткие, и виски выстрижены так, что не видно седины.

– Сегодня сразу десять человек производим в унтер-офицеры, – сказал Невельской. – А как вчера на водосвятии, я не ошибся? – обратился он к Орлову.

– Все благополучно, Геннадий Иванович, – ответил тот. – С праздником, Екатерина Ивановна. Уж утро, Геннадий Иванович. И гиляки съехались. Новых много. Чем угощать будем?

– Кашей, как всегда. И хлебом!

– Слушаюсь...

Нынче, когда Дмитрий Иванович путешествовал, его проводник Позь заболел и отстал. Орлов, оставшись один, выпил в дороге, что с ним редко случалось, и пьяный проехал дальше, чем надо было. Потом пришлось составлять карту со слов гиляков, речь и объяснения которых он без переводчика плохо понимал. Возвратившись, Орлов ничего не сказал об этом Невельскому. Геннадий Иванович и так к нему иногда придирался с тех пор, как прошлой весной Дмитрий Иванович не рискнул разогнать толпу гиляков, не разрешавших ему ставить Нико-

лаевский пост, как это велел Невельской, уезжая в Петербург. Пост по его же приказу на прошлую зиму был снят, так как только весной нужно охранять устье от иностранцев. Да и помещения не было.

Большую карту Орлов теперь недолюбливал, так как на ней красовалась река, которой на самом деле, кажется, не существовало...

– Пора на молебен, Геннадий Иванович, – осторожно сказал он капитану.

– Вот экспедиция! Даже попы в ней служить отказываются! – с досадой молвил Невельской. – А кто у вас, Николай Константинович, служит?

– У меня фельдшер. Он же писарь и священник.

После обедни объявлено было о производстве десяти человек в унтер-офицеры, остальным розданы награды и к обеду всем по чарке водки.

В казарме рядом с большим столом – елка. Офицеры, нижние чины и гиляки-гости впережку уселись за общий стол. Обедали в три очереди.

После обеда подали десяток собачьих упряжек.

– Едем, господа, кататься! Едем, братцы! – объявил Невельской.

– Эй, Канцлер! – весело крикнул Березин на свою черную тучную собаку.

Подобин выехал на упряжке, которую одолжил у гиляка-приятеля.

– Вот у меня пес Канцлер, – говорил капитану подъехавший Березин, – так ведет упряжку, что никто не перегонит. Право, не вожак, а министр!

– И не упряжка, а правительство! – сказал Невельской. – И наоборот.

– Этого пса я издалека привез, – продолжал Березин.

– А ну давай, Алексей Петрович! – предложил Иван Подобин.

– Давай гоняемся!

Поехали к торосам. Оттуда пустили псов по ровному снегу залива к селению. Гиляки и русские махали руками и орали в голос.

– Та-тах... та-тах... – раздавались крики погонщиков.

Подобин пришел первым.

– Канцлер проиграл! – воскликнул Невельской.

– У-у, Нессельроде! – со злостью сказал Березин и дал пинка своему жожаку. – Подвел!

Екатерину Ивановну наперебой вызывались катать и нижние чины, и офицеры. Бошняк, попридержав собак, стал говорить ей, что, несмотря на то что он не только глубоко уважает, но даже боготворит Геннадия Ивановича и преклоняется перед ним, он в то же время не может удержаться и не выразить свои чувства. И что это его глубокая тайна, и что он просит ее сохранить навсегда...

Только что ее просил сохранить свою тайну на своей упряжке Николай Матвеевич. «О, мужчины! Неужели и мой муж был столь же легкомыслен? Неужели и он так пылко ронял свои тайны?»

Вечером гиляки разъехались. Опять в казарме хор и танцы.

У Невельских офицеры за столом. Все в мундирах, Екатерина Ивановна в голубом платье, а смуглая темно-русая Харитина Михайловна Орлова – в розовом. На столе бутылка вина и остатки пудинга. Бошняк читает стихи Лермонтова. У края стола Коля Чихачев очень картинно, гордо держит голову, закинув ногу на ногу, и курит трубку. Орлов хмелен, взор его чуть заметно играет, и видно, что это еще мужик-огонь, несмотря на то что ему пятьдесят. Его сильно трогают стихи. Молодая жена чуть заметно облокотилась на его крепкую руку.

Дмитрия Ивановича зовут тут стариком. Он смугл от загара, у него суровое лицо с крупным носом, густые волосы с сединой и густые черные брови. Долго искал он оканные пограничные столбы, забрался туда, где, кроме тунгусов, никто не бывал. Только будь проклята эта река, которой все же, кажется, на самом деле нет, хотя она и попала на карту к Невельскому.

И снился мне, сияющий огнями,³⁰

– декламирует Николай Константинович, —

Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жен, увенчанных цветами...

Екатерина Ивановна чувствовала в этих стихах что-то очень похожее на то, что пережили все вокруг нее. Она испытывала странный подъем; казалось, ей открылся дар предвидения.

«Что ждет вас, господа? – хотелось бы спросить ей своего мужа и его молодых офицеров. – Неужели и вы падете здесь с свинцом в груди? Как это странно все и страшно...»

И ей представлялся пир в родимой стороне: сестра, дядя и тетя.

И снилась ей долина Дагестана.
Знакомый труп... лежал... —

прерывающимся голосом читал Бошняк, —

...в долине той...

Катя желала сказать молодым офицерам, что они должны верить ее мужу, он знает, чего хочет и куда ведет всех...

Березин после декламации принес большую бутылку маньчжурского спирта, попросил не стесняться, уверяя, что это он выменял на свои личные средства у знакомых купцов. Налил немного спирта в стакан, зажег и выпил с огнем, к ужасу Орловой и к изумлению Екатерины Ивановны, а потом быстро запил все водой.

– А я сладкое люблю, – говорил Бошняк, протягивая руку к жженому сахару с орехами.

– Я сама собирала орехи в стланике, – отвечала Екатерина Ивановна.

Чихачев молча курил, пуская дым к потолку.

Березин заиграл на скрипке камчатскую кадрили. Он перевернул скрипку, ударил по ней пальцами и защелкал языком. Чихачев улыбнулся величественно и поднял руку с бубном, который всунул ему в руки приказчик. Невельской шелкнул каблуками и вылетел танцевать с Хариотиной Михайловной. Бошняк пригласил Екатерину Ивановну. Дмитрий Иванович Орлов подхватил Дуняшу...

Боуров сидел смирно и вдруг тоже осмелел. Когда Чихачев пошел танцевать, он бил в бубен, потом сам танцевал легко, играл на скрипке.

– Где ты этому всему научился? – удивленно спросил его Орлов.

– Торгаш должен все уметь! – хлопая по плечу товарища, сказал Березин.

– Губернатор дал мне слово, – говорил Геннадий Иванович, – что весной по Амуру спустится сплав, доставит людей, продукты и товары. Надо ждать! Это требует крайнего и полного напряжения сил. Мы полны надежд и благодарности его величеству государю императору и его высочеству великому князю Константину Николаевичу. Нам обещан крейсер для сторожевой службы! Для описи южных гаваней – паровое судно с паровыми катерами для промеров лимана... Инструмент и оборудование для кузницы, и понемногу начнем здесь судостроение.

---

³⁰ «И снился мне...» – Цитируется стихотворение М. Ю. Лермонтова «Сон» (1841).

Но, господа, может случиться, что для нас ничего не будет сделано. Поэтому я сам составлю чертеж ботика, который начнем строить, как только позволит погода. Ничтожность средств, которыми мы располагаем, очевидна. Между тем, не дожидаясь ничего и не надеясь ни на кого, мы собственными силами должны продолжать исследования. Ваши открытия, господа, это начало всех начал. Дмитрий Иванович разрешил пограничный вопрос, в этом основа, фундамент будущего. Мы держим устье в своих руках крепко. Кто сунется – рыло разобьем. Теперь исследовать, а потом и занять Де-Кастри, Кизи, Сахалин. И юг! Гавань Палец! Амур наш, земли по нему исконно наши! Но я не смею принуждать вас совершать действия, которые мне, как начальнику экспедиции, запрещены и не соответствуют воле правительства. Каждый из вас имеет формальное право отказаться... Погодите, погодите, господа. Дайте договорить... Ваш патриотизм и доблесть, выказанные вами в предыдущих исследованиях, дают мне надежду...

– Я прошу вас, Геннадий Иванович... – пылко воскликнул Бошняк.

Все поднялись...

«А я, в то время как другие делают великие открытия, – думал Бошняк, – воюю в казарме с крысами и считаю пайки и порции водки...»

– Цель еще далека, – говорил Геннадий Иванович. – Условия, в которых мы находимся, тяжелы, но остановиться нельзя. Наперекор мнениям ученых и ложным взглядам высшего правительства, которое ставит нам препятствия и глава которого – наш канцлер – готов и желал бы уничтожить нас, – он заволновался, чувствуя, что не должен был так говорить, – и, не считаясь ни с какими ложными предубеждениями, мы будем бесстрашно идти вперед, доказывая истину... Я говорю вам это потому, что дух наш неизбежно будет падать и мы должны воодушевлять друг друга и наших людей. Я, не задумываясь, отдал бы жизнь, но дело требует, как я вам тысячу раз говорил не глупой смерти...

– Господа...

На улице раздался выстрел. Все встрепнулись. Воронин быстро вышел.

Послышались голоса, дверь отворилась, и с Ворониным вместе появились гиляк и казак Парфентьев, ездивший только что в Николаевск. Невельской узнал Чумбоку, старого знакомого, своего проводника.

– Письмо от унтер-офицера Салова, – сказал штурман, подавая пакет капитану. – Под Николаевском восстание гиляков, хотят уничтожить наш пост...

Все вскочили.

– Спокойствие, господа! – по-юношески вспыхнув, сказал капитан.

Глава шестая

Восстание

Чумбока рассказал, что из стойбища Новое Мео он собрался в Петровское на праздник. С ним хотел ехать гиляк Ганкин из деревни Вайда, но почему-то не заехал, как обещал. Чумбоку это беспокоило, тем более что Ганкин сам все задумал. Чумбока решил, что с ним что-то случилось, и поехал в Вайду.

Явившись туда, он увидел, что у Ганкина гости и сам он жив и здоров, но пьян. На вопрос Чумбоки, почему он не едет на праздник к русским и почему все вайдовские гиляки перепились, Ганкин отвечал, что приехали маньчжуры во главе с богатым Мунькой и всех угощают.

Чумбока спросил Ганкина, почему он не едет на Иски к старшему русскому джанги в гости на угощение. Тот ответил, что на Иски больше не поедет и что нечего знаться с русскими, маньчжуры сказали, что скоро отрубят им головы и, пока не поздно, надо дружбу с ними кончать. Чумбока ответил, что не так просто русским отрубить головы и что дурак тот, кто верит в такие выдумки.

Другие гиляки говорили, что у них сговор идти на Николаевский пост, там много товаров и можно будет все взять, а русских вырезать, и звали с собой Чумбоку, обещая с ним поделиться, если он поможет.

– Но как же мы возьмем пост, – ответил тот, – когда там засека и пушки, день и ночь ходят часовые, а в казарме живут сорок человек с ружьями и еще идут туда сто?

Пьяные гиляки ответили, что толком ничего не знают и что если на посту так много силы, то, может быть, русских лучше не трогать. Но говорят, будет беда, весной придут по реке войска маньчжуров, а до сих пор этого не бывало.

– Поедем к маньчжuru, – звали гиляки, – он тебе сам все расскажет. И ты скажи ему, в чем опасность и как у русских устроена крепость. Хотя и у нас есть люди, которые часто бывают на посту, но мы так хорошо, как ты, всего не знаем.

– Там несколько пушек! – сказал Чумбока.

Гиляки остыли при упоминании о пушках, но тут же добавили, что сверху войско придет тоже с пушками. Сами гиляки признавались, что боятся пушек и не хотели бы идти на пост, к русским вражды не питают, но до весны их надо вырезать, а то будет поздно.

– Пойдем, я сам с ним поговорю! – сказал Чумбока.

Пришли к маньчжuru. Тот подтвердил, что летом приплывет из Сансина многочисленное войско.

– А почему же войско сейчас не пришло? – спросил Чумбока.

– Потому что очень холодно.

– А летом очень жарко, – ответил Чумбока, – и много комаров. На собаках могли бы приехать!

Маньчжур нахмурился и сказал, что за такие разговоры может приказать вытянуть Чумбоке язык и проколоть булавками. Чумбока заявил, что совсем он не друг русских и никто не смеет ему портить язык. Тогда маньчжур похвалил его и сказал, что в таком случае ему бояться нечего.

– Ну а что ты хочешь сделать и как? – спросил Чумбока.

– Это я хочу от тебя услышать, чем ты можешь помочь, если явился.

– По-моему, прежде чем нападать, надо подождать пушек из страны маньчжуров.

– А тем временем русские будут продолжать нас всех обманывать? – показывая и на толпу, и на себя, сказал маньчжур. – Да ты знаешь, чего они хотят?

Гиляки слушали молча, со вниманием и страхом.

– Русские хотят продавать только свои товары, у них один ум и общий сговор. А когда они вытеснят торговлю маньчжуров, то вы окажетесь в полной их власти, и тогда они вас уничтожат, вы им не нужны.

– А вот это неверно! – заговорил вдруг старик Чедано, который ехал из Петровского и по дороге задержался в Вайде. – Русским тоже нужны соболя и разные меха, и они скупают их охотно. Если они нас убьют или напугают, кто им добудет меха? И они честно торгуют.

– Это пока мы здесь, дедушка, они меха скупают честно! – возразил маньчжур. – Они так торгуют, только чтобы нас уморить с голоду. Да иди сюда, садись со мной, я тебя давно хочу видеть. Где ты был все время?

Так, разговаривая ласково, маньчжур усадил Чедано за маленький черный растрескавшийся лакированный столик и угостил его водкой.

– Я тебе привез подарок! – сказал маньчжур, – Все время помнил тебя и хотел отблагодарить за прошлое гостеприимство. – Мунька достал серебряное сияющее кольцо, потер его о шерстяную туфлю и подарил старику.

– Хороший человек! – сказал Чедано и поцеловал маньчжура. Но видно, помнил, как прежде Мунька был жесток и груб. Маньчжур своим подарком заронил в душу Чедано сильное подозрение. Старик покрутил кольцо в пальцах, не надевая. Он понял, что ценой подарков маньчжур хочет получить от Чедано одобрение делу, которое затевалось.

– Да, гиляки больше всего боятся, когда купцы сделают между собой сговор и будут торговать по одной цене! – сказал Чедано. – Как это и делается у вас, маньчжуров, но у русских этого нет, и там каждый торгует по-своему. На, возьми свой подарок, – вдруг сказал он. – Я сам видел, как капитан защитил людей на Тыре.

– Значит, ты врешь! – крикнул Чумбока в самое лицо маньчжуру.

– Они, купцы, друг другу чужие, и каждый торгует своим товаром, – продолжал Чедано, – они защищают вас, Николай спас твоего товарища, когда его хотели убить.

– А мы знаем от их же людей, которые живут на посту и недовольны своими хозяевами, что у них компания одна! И что они вырежут нас. И знаем, что у них нет товара, – закричал Мунька. – Нам таких купцов тут не надо! Да еще с пушками!

– Верно! – дико подхватил Ганкин, желавший еще выпить.

– И зачем они пришли, не можем понять?! – стали кричать вайдовские гиляки.

– Среди них воры, которые все крадут! – сказал старик, сосед Ганкина.

– Воришки! Совсем не должны были маньчжура спасать, когда его давно убить надо!

– Возьмем их пост и заберем все товары до ледохода! Ты говорил, что ждать весны? – обратился маньчжур к Чумбоке. – Не знаю, верно ли ты так думаешь, как говоришь. Ведь ты служил у них... Как же ждать весны, когда придут их корабли и подмога? Нет, схватить сейчас. Все их товары я разделю между вами. У них есть люди, которые помогут нам. А если ждать весны и нашего войска, то и все товары достанутся войску, а не нам. Будет поздно. А наши солдаты грабители. Их сюда лучше не пускать... Но если мы уничтожим русских, то все обойдется благополучно, и, может быть, тогда солдатам сюда не надо приходить! Я попрошу амбаня³¹, и он не отправит сюда свои войска.

– У капитана много товарищей, – доказывал Чедано, – и они все честно торгуют и заботятся о гиляках так же, как о маньчжурах.

Маньчжур так и не взял кольца от него обратно. Чедано еще повертел подарок купца в руках и положил на столик.

– Вы сами видели, что они нас боятся, – уверял маньчжур, – и делают поэтому вид, что хотят с нами дружить и будто бы заступаются за нас. Николай, их начальник на Николай-посту, бил вас за моего товарища. Но нам не надо их защиты!

---

³¹ Амбань – генерал, начальник области, губернатор (*маньчж.*).

Чумбока не стал больше спорить. Он вернулся с Ганкиным домой и стал потихоньку уверять, что маньчжур врет. Собрались гиляки. Чумбока осмелел и сказал, что русские не дают Муньке обманывать покупателей, и поэтому он все это затеял, и что он обижен на русских, что заступились за его соперника маньчжура. Гиляки отвечали, что может быть, все это и так, но они боятся и теперь поздно отказываться.

Чумбока стал уверять, что, пока не поздно, надо все бросить и, как только стемнеет, идти в дом богача, кинуться всем разом на маньчжуров, связать их и тут же удавить, как будто нечаянно, в горячке. И что никакое маньчжурское войско не в силах что-либо поделывать с русскими...

В это время пришли пьяные должники Муньки, которым было сказано, что они больше ничего не получают в долг, если не помогут хозяину. При виде их слушатели Чумбоки сразу переменялись и стали ругать русских и его заодно, а когда Чумбока попытался вывернуться, пьяницы – должники маньчжура начали его бить, разорвали на нем шапку и халат, и сам Ганкин делал вид, что ударяет его. Чумбока еле вырвался и на своей упряжке бежал на пост. Там он предупредил, что маньчжуры отрежут всем языки и уши. Салов привел гарнизон в боевую готовность, а Чумбоку немедленно послал с только что прибывшим казаком Парфентьевым в Петровское за подмогой и распоряжениями.

– Вот моя был праздник! – заключил свой рассказ Чумбока, снимая шапку и показывая висок, на котором была запекшаяся рана.

Бошняк, выслушав этот рассказ, покраснел до ушей. С Николаевского поста в самом деле люди ходили с его разрешения делать промены в соседние деревни. Но, оказывается, они крали. Ничего подобного Бошняк не знал. Все это преувеличено, быть может, но нет дыма без огня. Он, только что с таким воодушевлением читавший Лермонтова, не знал, куда деться от стыда. И кто-то предавал своих, разбалтывая все гилякам. Как? Кто?

– Господа, я виноват... Я не установил должных добрососедских отношений с жителями Вайды. Я не наблюдал... Я пренебрегал вашими указаниями, Геннадий Иванович! И я готов немедленно отправиться и подавить восстание!

– Погодите, Николай Константинович! – сказал Невельской.

– Надо изгнать отсюда маньчжуров! – сказал Чихачев. – Удалить их вообще!

Офицеры все, как один, вызывались немедленно отправиться на усмирение.

«Юноши мои, рыцарски благородные! – подумал капитан. – Но не вас туда надо».

– Позвольте, Геннадий Иванович, мне! – сказал Березин. – Мы с Мунькой Чжан Сином знакомы, и я его возьму. Он будет у меня помнить, как мне грозить!

– Выберите из матросов пять человек самых удалых, Алексей Петрович, возьмите Ивана Подобина, Калашникова, Конева, Фомина да на Николаевском посту Шестакова. Вооружите каждого саблей и пистолетом для рукопашного боя. С вами пойдут Позь и Чумбока. Боуров, приготовьте к утру тулупы и продовольствие, собак лучших, три упряжки; сейчас же поднять Питкена...

Через три дня Березин привез Муньку.

– Господа, Муньку привезли!

– А ну каков он? Идемте...

Все селение сбежалось.

С нарт подняли нестарого человека, рослого, сухого, с жестоким выражением лица и с рыжеватыми жесткими усами. Когда с него стянули белую баранью шубу, руки его оказались связанными. С ним вместе другой купец, маленький, с худым лицом, в белой шапке.

– Подкатали на всем скаку, спрыгнули с нарт – и в юрту! – рассказывал Березин. – Они опомниться не успели. Вот этот купчище? – кивнул он на маньчжура.

Один заряд из двустольного пистолета Березин, войдя в юрту, где сидел Мунька, сразу влепил в потолок. Матросы держали сабли наголо. Гиляки стали на колени. Маньчжуров тут же перевязали и отвезли на Николаевский пост.

Березин устроил там допрос, забрал Муньку и одного из его товарищей с собой, остальных оставил на посту под охраной.

По обеим сторонам маньчжура – вооруженные казаки.

– Зачем ты подговаривал гиляков?

Маньчжур сказал, что русские мешали ему торговать.

– Николай, – тут он показал на Бошняка, – не велит собирать долги с гиляков.

– А ты знаешь Николая?

– Знаю.

– А вы его, Николай Константинович?

– И я знаю.

– Почему же ты именно теперь начал? – спросил Невельской.

Мунька ответил, что узнал про русский праздник и решил, что на посту перепьются. От матроса Сенотрусова гиляки проведали, что Бошняк с Николаевского поста уехал. Через гиляка Влезгуна стало известно, будто бы на Иски у капитана половина команды больна.

– Кто тебе сказал, что у русских один хозяин?

– Никто.

– Почему ты сказал, что тебе передал это наш человек?

– Я сам придумал.

– Правда, будто бы был у тебя один русский с поста, кто обещал подговорить товарищей побить своих офицеров?

– Нет, это я тоже сам придумал.

Купцы признались, что решили действовать, пока зима и русские подмоги по морю получить не смогут. Мунька сказал, что сансинские чиновники недовольны, но войска в низовья реки не собирались присылать. Они обещали поддержку только в том случае, если торговцы поднимут гиляков и если будет просьба от гиляков прислать войска, хотя сами не уверены, что Пекин разрешит послать солдат в чужую землю.

Маньчжура увели.

– Они сыграли на наших промахах, господа! – сказал Невельской. – И еще на страхе гиляков перед ненавистной им монополией! Урок нам! Гиляки боятся попасть между двух жерновов.

Через два часа маньчжура вывели на площадку у мачты с флагом. Гарнизон поста выстроился с ружьями. Ударил барабан.

Мунька прежде любил смотреть на разные наказания, особенно когда палач рубил головы. Полшеи отрубят, а остальное допилит, жертва дергается, а Мунька в восторге. В городе торговцы и чиновники старались не пропустить ни одной казни. Женщин наказывали бамбуковыми палками по бедрам. Тоже любопытно! После этого всегда хотелось в веселый домик. А сейчас Мунька в ужасе. Это не забава! Идешь на казнь сам! Все глядят и будут радоваться! Как Мунька, бывало, отрубленным головам!

Маньчжура повалили на тулуп, он забился, в ужасе глядя по сторонам, ему задрали рубаху, и не успел он приготовиться к смерти, как двое матросов заработали розгами.

Выпороли быстро, но здорово. Муньку подняли, он не понимал, что же дальше. Испуганное лицо его в поту и пятнах.

– Теперь тебе придется пожить здесь и поработать, перетаскать с берега к казарме кучу бревен, – сказал Позь.

На маньчжура накинули шубу и повели его в юрту.

– Маловато всыпали, Геннадий Иванович, – заметил Березин.

В доме Невельских, за обедом, начался горячий спор.

– Не лучше ли, Геннадий Иванович, в самом деле, как советует Николай Матвеевич, уничтожить гнезда маньчжурской торговли, – заговорил Бошняк. – Так мы честно поступим в отношении туземцев и раскрепостим их от кабалы. А то мы вечно будем жить среди них, как на пороховом погребке... Может быть, постепенно, в случаях насилия купцов над туземцами, запрещать одному за другим торг здесь, уничтожить не сразу, а гнездо за гнездом.

– Легкий путь вы желаете избрать, господа! – ответил Невельской.

– Что же тогда делать, по-вашему? – спросил Чихачев.

– Делать то же, что и делали.

– До следующего восстания?

– Зависит от нас! Наш долг – снаряжать экспедиции! Исследовать и торговать! Стараться заинтересовать маньчжуров торговлей с нами! У них есть к нам интерес, у некоторых – симпатия!

– А как же восстание?

– Восстание – доказательство, что мы были правы! Гиляки соседних деревень не поднялись. Восставшие, если их так можно назвать, вынуждены кабальной зависимостью от маньчжура. Восстание готовилось в деревне, близкой к посту, где наиболее страдали выгоды и преимущества торговца, он не выдержал конкуренции и схватился за оружие. Мы дали поводы, – видимо, каждый проступок наш и наших людей гиляки примечают! Маньчжуры не смогли сыграть на ненависти туземцев к монополии. Я сам не меньше гиляков ненавижу эту распроклятую компанейскую монополию. Компания губит целые народы, держит взаперти земли, которыми владеет. Поэтому мы, формально поставленные под власть монополии, должны сознавать ее вред. Я стараюсь этот вред устранить, отменяя все формальности прочь и провозглашая единственным законом нашей жизни любовь к отечеству и здравый смысл, господа! Наш долг – пресекать разбои и обманы маньчжуров. Уничтожать их насилия, но не их самих! Надо стараться гиляков сблизить с нами, принять все меры к сохранению и удовлетворению их материального интереса. Вот основа! Мы нарушаем ее, изгнав маньчжуров! Вы спросите меня, господа, прочно ли то, что мы затеваем? Как долго удастся гилякам избежать эксплуатации? Это, господа, будет зависеть от нас и от наших преемников. И от того, какие формы примет общество в государстве. Но мы со своей стороны обязаны сделать все, что в наших силах, и наметить будущее! Мы ради их удобства установим цены разные, сообразуясь с расходами, издержками в пути, с наймом проводников! Продажа дешевле цены – долг наш во многих случаях! Для чего? Да для того, чтобы приучить их к хлебу, к нашей одежде, к сукну и шерстяным изделиям, которых они не знают. Приучать их к нашему образу жизни! Дарить хлеб, крупу, угощать и приглашать к себе! Надо выработать потребности... Слыхали, Боуров, что было на Вайде? Если не хотите, чтобы гиляки зарезали вас по наущению маньчжуров, поймите меня да напишите об этом в Аянскую факторию, а в Петербург и в Иркутск я напишу сам, господа! И несколько десятков розог Муньке поэтому вполне достаточно. Это лишь форма наказания, формальность. Он должен будет теперь подчиниться нам или уйти отсюда прочь!

...А у юрты, где обычно Питкен готовил корм для собак, столпились у окна гиляки и русские. Там виднелась спина торговца в шубе и затылок в теплой шапке. Дверь была приперта колом. Ходил часовой и время от времени отгонял зевак. Гиляки упорно допытывались, будут ли пороть второго маньчжура или ему все сошло с рук.

Глава седьмая

Сакани

Рослый казак, Андриан Кузнецов, стоявший на часах у мачты с флагом, заметил, что со стороны острова Удд через пролив мчится какая-то упряжка. Он доложил капитану. Невельской вышел, надев шубу. Каюр погонял собак, оглядываясь на рыжую чащу кустарника на белом валу острова, словно ожидая погони.

– Таркун несется, вашескорodie, – узнал седока Кузнецов.

Вскоре нарта подъехала. За спиной у Таркуна сидела молодая гилячка.

– Что же ты так торопишься? – спросил Андриан.

– Жена замерзла, что ли? – осведомился маленький черноглазый Аносов.

Таркун не стал отвечать. Невельской повел молодую чету в дом.

– Вот, Катя, моя жена Сакани, я привез ее к тебе. – Таркун подвел гилячку к Невельской.

Катя ласково обняла ее. У гилячки пылкий взор и чистое, нежное лицо.

– Пусть она поживет пока у Кати. Никуда ее не отпускайте. Только на тебя могу надеяться.

– Да что случилось? – спросил Невельской.

– Ее хотят у меня отбить! – с горечью воскликнул Таркун. – Помнишь, у тебя был Момзгун? Так не он обидчик, а его богатый дядя – Тятих. Он даже был тут и подарки от тебя взял. Он набрал людей, напали на мой дом и меня били, хотели увезти Сакани.

Таркуну помогли соседи. Тятиха выбросили из юрты. Тот, лежа на снегу, поклялся отомстить. Долго грозил...

Выслушав гиляка, Невельской стал советоваться с офицерами. Сакани слушала со вниманием. Умные глаза ее, казалось, готовы были выскочить из орбит. По тону и выражениям лиц она пыталась понять, о чем между собой говорят русские.

С тех пор как Екатерина Ивановна рассказала мужу о своих наблюдениях за гиляцкой жизнью, Невельской стал обращать внимание на семейные отношения гиляков. И у них бывают трагедии любви, бушуют страсти. Но сейчас дело было не только в этом.

– Неужели гилячка будет жить у вас? – тихо спросил Чихачев у Екатерины Ивановны.

– Да, я пригласила ее!

Николай Матвеевич покачал головой. Видно, Екатерина Ивановна еще не представляла, что значило ввести в дом такое сокровище. Невельской приказал Воронину, чтобы часовые не спускали с Сакани глаз, пока дело не уладится.

– Чтобы не получилось, господа, как с Бэлой, – обращаясь к офицерам, заметила Екатерина Ивановна.

– Мы все будем смотреть за ней! – воскликнул Бошняк.

– Николай Константинович, – сказал капитан, – отправляйтесь утром на остров Лангр, привезите сюда Тятиха.

– Простите меня, Геннадий Иванович, – заявил Чихачев, – но стоит ли нам вмешиваться в семейные дела гиляков? Люди утомлены. Всем предстоят тяжелые и далекие исследовательские экспедиции, о которых мы только что говорили. А ведь все это дело с женой Таркуна далеко не политическое, и оно может затянуться.

Офицеры экспедиции открыто высказывали свое мнение, им разрешалось опровергать своего начальника. Он сам требовал говорить все прямо.

– Как же вы предлагаете действовать?

– Я полагал бы, что это все решится со временем само собой, будет достигнуто средствами просветительскими. А мы должны действовать в главном направлении и не разбрасываться.

– Как бы ни были хороши средства просветительские, Николай Матвеевич, но положиться лишь на них я не могу-с. Я облечен властью и несу ответственность. – Невельской стал заикаться от волнения. – Одной баней ограничиться не смею! Мы их б-будем мыть и дарить им белье, – он взял мичмана за пуговицу, – крестить, д-давать рубахи, а их будут избивать, рвать наши подарки и красть у них жен? Слыхали его рассказ, почему разорвали на нем русскую рубаху? Именно политическое действие!.. Посягательство на семью дружественного нам гиляка.

– За такие разбои... – заговорил Бошняк, но его перебили.

– Видят в Таркуне нашего друга! Увезти у него жену! Себе приятно, а ему позор и вред! Я их отучу за ножи хвататься и резать моих приятелей, – с яростью заявил Невельской. Он вспомнил, как у него самого хотели отбить невесту. – Мы будем защищать таких, как Таркун. Да еще посмотрим, кто стоит за спиной Тятиха. Николай Константинович, завтра в путь... Схватить его – да на бревна, вместе с Мунькой.

Вечером, возвратившись из бани, Сакани сняла меховой халат. На ней подарок Кати – платье в голубых и красных цветах.

– Да она почти красавица! – сказал Николай Матвеевич, вставая от карты, которую чертил. – Вот что значит одеться со вкусом...

– Нет, она и собой хороша, – ответила Екатерина Ивановна.

Николай Матвеевич стал убирать чертежи.

– За что, Екатерина Ивановна, такая немилость, такое горе – гилячек отмывать, – пожаловалась Дуняша. – У них печки коптят и сажа в кожу въелась. За что такое несчастье?

– Мила, очень мила, ничего не скажешь, хоть и скуластая, – заявил Бошняк, явившись к ужину. Он ласково взял гилячку за руку. Она опустила голову и потупила взор.

Пришел Невельской. Все сели за стол. Катя объяснила гилячке, что у русских кушают все вместе. Жены не ждут, пока наедятся мужья. Она показала, как держать вилку и ножик. Сакани сразу поняла. Явился Таркун. От ужина он отказался: его только что накормили в казарме.

– Капитан, что у тебя за маньчжур работает? – спросил гиляк.

– Это торгош из Вайды. Он провинился и наказан.

Таркун затянулся и пустил дым.

– Че, был бунт?

– Был.

– И пороли?

– И пороли.

– А-а!

Таркун опять помолчал и попыхтел трубкой.

– По-русски наказывали?

– Да.

Таркун покачал головой, показывая, что смешно.

– Мы его знаем маленько. А теперь купец бревна таскает?

– Да.

– Ему как на плечо бревно положат, он качается. На ногах плохо стоит.

– Он не привык работать!

Таркун сегодня подходил к маньчжuru. «Таскаешь?» – спросил он. Тот не ответил. «Тяжело тебе?» – «Сам попробуй». – «А тебе так и надо! Хорошо наказали тебя! Может быть, ты не только бунтовал, но и еще чего-нибудь делал?» И Таркун замахнулся кулаком. Маньчжур съежился в ожидании удара. «Эй, эй!» – крикнул часовой, делая знаки, чтобы Таркун отошел прочь.

– И часовой там ходит? – с невинным видом спросил Таркун у капитана.

– Да, охраняет... Послушай, Таркун, а что это у тебя за пуговица? – вдруг спросил Невельской, наклоняясь к кафтану гиляка. – Из чего она сделана?

– Это воронов камень.

Капитан повертел пальцами пуговицу.

– Продай ее мне, – быстро сказал он.

– Возьми даром! Я знаю место, где из этого камня стоят целые горы. И разбросанные куски валяются вот с этот дом.

– Горы? Где же?

– На острове, который ты называешь Сахалин...

Гиляк оторвал пуговицу и отдал капитану. Невельской поднес ее к горящей свече.

– Э-эй! Она сгорит! – воскликнул Таркун.

– Смотрите, мои друзья, – обратился Невельской к жене и офицерам по-французски, – это каменный уголь!

Таркун поразился, как долго и горячо в этот вечер капитан со своими товарищами толковал о его пуговице. Пуговицу раскрошили, жгли кусочки и спорили и опять расспрашивали, где стоят горы из такого камня.

На ночь Таркун ушел в казарму. Сакани спала на кухне. Дуняша больше не досадовала на гилячку. С вечера она помогла ей расчесать волосы. Дуняше самой нравилось обучать чему-нибудь гилячек. Рано утром Сакани услышала, как русские уезжали на Лангр. Сакани сидела на табуретке, смотрела, как топится плита, как моется посуда, какие тряпки, полотенца, кастрюли.

Екатерина Ивановна стала стирать белье. Приятно, когда прозябшие за ночь руки чувствуют горячую воду и мыльную пену, а жар от плиты, казалось, гонит прочь промозглую сырость. Утром холод иногда забирается даже под одеяло. Мужу никогда не бывает холодно, от него всегда пышет жаром, словно у него какая-то особенная, повышенная температура. Но бывали утра, что и он старался закрыть голову одеялом, а потом оказывалось, что ночью замерзли чернила, а в бочке – лед на воде. Теперь в доме теплей, – видимо, бревна сохнут. Какое наслаждение стирать, согреваясь от движений и горячей воды. Верно, ни одна купальщица в южном море не испытывает ничего подобного.

Екатерине Ивановне многое хотелось расспросить у Сакани. Она глубоко сожалела, что еще мал ее запас гиляцких слов. Этот язык, оказывается, здесь нужней, чем любой европейский. Екатерина Ивановна с увлечением изучала его, часто поражаясь своеобразным формам. Это удивительно, как строятся выражения! Как обрадуются тетя и сестра, когда она поделится с ними сведениями о своих необычных исследованиях!

– Есть ли у тебя дети, Сакани?

Оказалось, Сакани недавно замужем.

– Какой ужас! Ты слышишь, Дуня? Они только что поженились, и эти негодяи на них напали. Их медовый месяц был омрачен! А братья у твоего мужа есть? – спросила Екатерина Ивановна.

Сакани затараторила так быстро, что Екатерина Ивановна не могла ничего понять. Это ужасно! Надо учиться. Екатерина Ивановна еще раз почувствовала, что она ничего не сделает тут, если не будет знать язык как следует. Небольшим набором выражений не обойдешься там, где важно каждое слово. Сакани объяснила, что ее хотят украсть, она боится. Каждый заходит к ней в юрту и заговаривает ласково. Это пугает ее.

Екатерина Ивановна поняла примерно так, что Сакани не хочет терпеть домогательств братьев мужа и знакомых, когда Таркуна нет дома и не хочет доставлять неприятностей своему мужу. Катя поражалась ее уму и такту, хотя при этом Сакани сморкалась прямо на пол и вытирала нос полой халата, и пришлось тут же подарить ей носовой платок и учить сморкаться.

Пришла жена Питкена и уселась у двери. Она длиннолицая, сухая, молодая. Сегодня она оживленна.

– Что веселая? – спросила Дуняша.

– Охотники ушли за нерпой... Когда мужики уйдут – лучше! – ответила Лаола.

С помощью ее и Дуни, которая, не зная по-гиляцки, кое о чем догадывалась быстрее Екатерины Ивановны, наконец стало понятно, что Таркун не хочет уступать младшим братьям свою жену, чего по гиляцкому закону они требуют, пока он в отъезде.

Зашел Позь. Он тоже уселся на полу в ожидании капитана. Сакани продолжала рассказы.

– У русских только одному на жене жениться можно, и поэтому Таркун за русских, – перевел Позь ее слова.

«Значит, и гиляк человек, – подумала Екатерина Ивановна. – И он чувствует, как мы! И он понимает, что такое единственная любовь!»

– А тебе нравятся его братья?

– Уй! Нет! Зачем они мне?..

– Нет у нее половинщика! – заметила Дуняша.

У Екатерины Ивановны окончательно отлегло от сердца. Невельской застучал у крыльца, окочаливая лед с валяных сапог.

– Маньчжур сегодня пришел в магазин, – стал рассказывать он, входя в кухню. – Стоял, смотрел и спросил, что это за товары у нас. Обещал привезти шелков, леденца и риса. А этот бюрократ Боуров не стал с ним разговаривать и заявил, что, мол, это не твоего ума дело. Хорошо, что я тут и застал его. Я спросил маньчжура, что бы он хотел купить. Обещал, как только он закончит сегодняшний урок, повести его на склад и показать все, что у нас есть. Из наказанного человека можем создать себе друга верного. Но как мне из компанейских дураков и мерзавцев друзей сделать! Сколько раз я им говорил, что с маньчжурами надо дружить. Боуров опять ждет каких-то директив из Аяна, твердит, что не смеет снижать расценки и не может позволить мне распоряжаться товарами по моему усмотрению, что должен запросить об этом письменно Кашеварова. А Кашеваров ничего не может сделать без решения Петербурга. А у меня руки чешутся... В экспедицию на Сахалин пойдет Бошняк! И я решил идти с ним до Дуэ, посмотреть выходы угля. Что ты скажешь об этом? Вот привезут Тятиха, выпорем его, Мунька отбудет наказание, и я поеду. Я еще сам по дороге припугну торгашей!

Бошняк привез Тятиха. Его наказали и поставили на работу вместе с маньчжуром таскать бревна.

– Имя теперь не скучно! – говорили казаки.

Вечером Тятиха и Таркуна мирили.

А еще через несколько дней Николай Константинович и Невельской отправились в путь. Позь вел их по бескрайним снегам к далекому синему острову. С ними идет казак Семен Парфентьев, рослый, со светлой бородой.

...Бошняк отстал. Собаки с трудом тащили его тяжелую нарту. Иногда он давал им отдыхать. Они хватали куски снега горячими, парившими пастями. Вокруг – торосы и снежные заструги. Бошняк смотрел на переднюю удалявшуюся нарту, впереди которой, размахивая руками и оживленно разговаривая, брели друг за другом по лыжне Парфентьев, Невельской и Позь. Вот они исчезли, перейдя заструг величиной с хороший корабль. Через него надо перебраться и Бошняку...

«Да, его жизнь была полна благородного служения делу, – продолжал он мечтать про самого себя в третьем лице. – Его судьба... Его судьба...»

Он завяз в гребне заструга, который вдруг растрескался и осел под лыжами. Бошняк поехал вниз... Невельской и Позь ждали его. Казак с нарткой шел впереди.

– Геннадий Иванович! Кавказ – это то, чего нам не хватало! Станные очертания гор, вечные чистые снега, созерцая которые делаешься возвышенней и благородней!

Смотрели грозно сквозь туманы³²
У врат Кавказа на часах
Сторожевые великаны!..

Где-то среди синих полос появилось солнце и вспыхнуло на горных вершинах Сахалина.

И дик и чуден был вокруг
Весь божий мир, —

декламировал Бошняк.

Но гордый дух
Презрительным окинул оком
Творенья бога своего... —

весело отозвался Невельской, закуривая трубку.

Бошняк шел с трудом, но чувствовал в себе такие душевные силы, что готов был презирать все и всех на свете, даже Кавказ и горные хребты Сахалина были ничтожны по сравнению с тем, что он чувствовал. Но он сознавал, что до сих пор его силы были никому не нужны. И от разрыва между тем, что он мог сделать, и тем, что с него требовали, образовывалась пустота. Из миллионов своих душевных сил, ему казалось, он тратит лишь единицы. До сих пор было так. Здесь, у берегов Сахалина, рядом с Невельским, он понимал ничтожество своей прежней жизни.

Но вот ноги, кажется, натерты... Невельской до сих пор оставался для Бошняка привлекательной тайной, все время хотелось быть с ним.

Он мысленно читал стихи и с болью думал, что никому не будет сниться его труп, занесенный холодными снегами, только одна Екатерина Ивановна вспомнит! Она единственная и мать, и сестра, и от этого плакать хотелось. Он знал, что Екатерина Ивановна любит его, как брата. Иногда казалось, что ради нее он готов на любой подвиг. Он представлял себе картину: вот он вернулся в Петровское. «Уж ночь. Все слушают, и я долго говорю. И чай такой вкусный, лепешки! Огонь трещит в плите. Как хорошо у них!»

В кругу юных жен и девиц ни в Костроме, ни в Петербурге никто не вспомнит о Коле Бошняке, никому нет дела, что он молод, нежен и так страстно желает любви, что даже сейчас, в пургу, думает о ней, а не об опасностях и не о том, что ноги болят. Не о пурге, не о полудохлых собаках. Ему горько, что его никто не любит, а не оттого, что болит нога.

Ветер подхватывает льдинки и бьет ими в лицо.

— Та-тах... та-тах... — кричит Семен, видно заметив что-то, предвещающее отдых.

— Че, Николай? — обращается к мичману Позь. — Живой, нет ли? Однако приехали.

Видны юрты, нарты, палки. Это стойбище на острове Удд. Невельской уже в юрте. Видно, целуется там с хозяевами...

---

³² «Смотрели грозно сквозь туманы...» — Цитируется поэма М. Ю. Лермонтова «Демон» (1841).

Глава восьмая

Первая почта

– Алена, что ты делала, когда была в положении? – спрашивала Екатерина Ивановна.

– Да меня, Катя, и не тошнило, – отвечала жена матроса.

– Капусты соленой поешь, – говорила рослая старуха Парфентыха. – У Боурова разве нет? Есть, есть у него.

Теперь капуста и рассол каждый день на столе. Еще хочется яблока. Хорошо бы чаю с вишневым вареньем! Сладкого хочется как-то особенно. Но ничего этого нет. А звериное мясо и вяленая рыба опротивели. С почтой из Николаевска изредка присылают несколько свежих осетров. Там стали ловить их подо льдом.

Кате часто кажется, что она обделяет маленькую жизнь в своем чреве, не давая ей ни яблока, ни сахара. А «ей» ужасно хочется всего этого. Но как быть? Кате и больно, и жалко и себя, и своего ребенка. «Это нервы, – старается она успокоиться. – В эту пору женщины тревожны. Так говорили еще там, в обществе тети. Приедет Геннадий, и я успокоюсь. А то я могу передать ребенку свои расстроенные нервы. Да, надо взять себя в руки».

Еще недавно Катя чувствовала себя молодой, здоровой и сильной. Она с увлечением танцевала и веселилась на праздниках. «А теперь такая перемена! Я выгляжу ужасно. Без Геннадия становится невыносимо скучно!»

Кажется, муж стал ей еще ближе. Она видит в нем будущего отца, и чувства к нему нежней и серьезней. Она несколько стыдится, что так подурнела. Геннадий сразу заметит. Но почему он не возвращается с Сахалина, куда поехал открывать каменный уголь? Нашел ли он то, что хотел?

Катя прекрасно понимает, сколь важен уголь. Развитие Англии, блестящее и беспримерное, произошло не только по причине доблести и трудолюбия ее жителей, но и оттого, что там в земле уголь и руды. Она об этом читала.

Как важно открыть уголь для нашей экспедиции, для будущего России. Если бы это в самом деле удалось! Как бы обрадовались в Петербурге. Уголь у самого побережья, выходы его открыты, это удобно, дешево добывать! Каменный уголь для будущего тихоокеанского флота! Какой переворот создаст это в умах тех, кто еще не понимает великого значения деятельности мужа и его сотрудников! Тогда осуществится его мечта о постоянном пароходном сообщении между устьями Амура и Штатами.

Ей всегда неприятны мысли о том, что в Петербурге многие не хотят понимать мужа. Но император милостив к нему! Великий князь Константин ему покровительствует. Чего же еще?

Отрадно подумать, что есть на свете Петербург, величественный и справедливый. Со временем муж ее будет возвеличен там, признан как герой, его подвиги станут очевидны. Каким драгоценным вкладом в умственную жизнь общества будут его открытия! Даже Катины слабые и наивные попытки изучать языки местных племен и внедрять просвещение и человечность будут там приняты с сочувствием. Там, конечно, поймут, что она пошла за мужем на край света и старается трудиться, как проповедует Жорж Санд³³. Как бы желала она явиться в Петербурге с сыном, рожденным на берегах Охотского моря!

И есть на свете блестящий Париж, в котором Катя никогда не была, но она мечтает быть там. Это затаенное желание, конечно, исполнится.

---

³³ Жорж Санд (псевдоним Авроры Дюдеван; 1804–1876). – известная французская писательница, поборница эмансипации женщин, автор романов, обличающих буржуазное общество. Ее имя было очень популярно в передовых кругах России 40–60-х годов XIX века.

Ее бывший жених – француз, блондин, тонкий, высокого роста, ловкий... Да, это яд! Как он танцевал, какие руки! Он неглуп, прекрасно воспитан. Теперь ей многое неприятно вспомнить... И Франция – страна разума, света, великих мыслителей, артистов, художников, революционеров, великолепной промышленности и артистического умения жить. Хотелось бы видеть торжественные бульвары Парижа, суету блестящего города, из которого на весь мир идут не только туалеты, духи и искусственные цветы, но и великие идеи, где сами страдания бедняков осмысливаются на пользу будущему человечеству.

– Катя, гилячка пришла, – говорит Дуня.

У Лаолы в руках дочерна засаленный берестяной туес с мороженой клюквой. За полу ее халата держится маленькая дочка с заиндевевшими кудрями. Гостя отдала клюкву Екатерине Ивановне.

– Муж не едет?

– Нет.

– Хорошо! Я люблю, когда мужиков нет! Одной хорошо, правда?

– Да... – нехотя отвечает Катя.

– Черт бы их побрал, моих мужиков, как надоели! А ты все болеешь? Ой, худо, худо! – Гилячка придала кислое выражение своему лицу.

Лаола сама в положении. Мучения Кати заботят ее. Катя берет ее дочку на руки, подбирает, потом кружится с ней по комнате, поет: «Ах вы, сени». Маленькая гилячка смеется. Взяв ребенка за ручки, Катя хлопает ее ладошками.

– Приходи к нам, – говорит Лаола на прощанье.

Катя садится за работу. Она научилась кроить и шить солдатское белье. Еще совсем недавно она смотрела на все восторженно – и на гиляков, и на этот бревенчатый дом, на путешествия своего мужа, на шитье грубого белья и даже на нехватки и голод. Казалось, она читала увлекательный роман. Все происходящее с ней было необычным, как затянувшийся маскарад. В последнее время она стала тревожиться и ее взгляды стали реальнее. Муж не возвращался. Ее охватывал страх за него, за себя и за будущего ребенка.

Пришла Алена Калашникова. Лицо у нее в синяках.

– Что с тобой?

– Ах, Катя, Мокей мне с самого рождества покоя не дает. То тычка даст, то толкнет, все норовит задеть побольнее, обидеть.

– Да ведь вы же так дружно жили?

– Да вот катал меня на праздниках сосед, а Мокею моему что-то померещилось, и он покоя не дает.

– Неужели из-за Фомина?

– Ах, нет, Катя, не из-за него. Из-за Ивана Подобина. Он меня на упряжке лихо мчал. А теперь они с мужем зверями смотрят друг на друга. Не дай бог что случится.

Катя знала Подобина. Это серьезный человек, один из самых лучших и надежных в экспедиции.

Алена стала рассказывать, что с тех пор как муж произведен в унтер-офицеры, он стал важничать. Сегодня он пришел со склада, принес муку. Алена мыла пол в казарме. «Что это ты расставилась-то? – толкнул он ее сзади. – Не видишь, унтер-офицер пришел». – «Эка! – усмехнулась Алена. – Теперь все унтера, работать кто будет?» – «Какое имеешь право не оказывать уважение? Что ты рот разеваешь, а?» – злобно спросил муж и ткнул ее кулаком.

Катя замечала, что Мокей после производства в унтеры стал зазнаваться. Он просил Невельского дать ему помощников обед варить и за это получил «распеканцию».

...Ночью Катя проснулась. Она думала о том, что же теперь с Аленой. Потом полезло в голову, что в такую вот ночь могут подобраться маньчжуры, устроят резню. Правда, Геннадий

говорил, что ничего подобного быть не может. Но на всякий случай учил Катю стрелять и свой лучший двухзарядный пистолет оставил ей. Он ночью всегда лежит рядом на столике.

«Но почему Геннадий не едет? Он должен был вернуться. Неужели его больше нет? Господи, не погуби моего мужа!» – страстно молилась она.

Иногда в тишине вдруг отчетливо послышится топот рысаков и шелест шин по торцовой мостовой. Это Невский проспект, музыка столицы.

Она жила в Петербурге, запертая в Смольном монастыре. Умственная жизнь лишь в отголосках доносилась за толстые стены.

...А вот кто-то тихо перебирает в тишине клавиши рояля. Послышался Шопен. Это музыка в мозгу. Мозг отдавал свои давние впечатления среди тишины вдруг замершего Охотского моря. «Я соскучилась по музыке. Может быть, моя крошка просит этих звуков, полных чувства? Единственно, что мы можем здесь слушать, это простые песни наших добрых людей и церковный хор, когда муж исполняет обязанности священника».

Утром, выйдя из дому, при блеске солнца, заливавшего все вокруг, она смотрела то с гребня косы, то с вышки на юг, в сторону лимана.

Теперь уж это торжественное ледяное безмолвие, эта сверкающая красота не восхищали ее, не казались необычной живой декорацией, театром природы. Ледяная равнина оказалась далеко не так безобидна.

Природа, временами злая и всегда безразличная и беспощадная, могла погубить Геннадия. Неужели он лежит где-нибудь среди этой равнины и его заносит снегом и никогда и никто не найдет сугроб, под которым самое дорогое для нее на свете? Неужели замерзло его горячее сердце в то время, как стало биться сердечко его ребенка?

Теперь она понимала, что природа может быть страшным врагом. Пурга, мороз, огромные просторы губят человека. Все это далеко не предметы для любования.

Дома, в большой комнате, письменный стол мужа. И опять больно, словно мозг колет игла. Тихо, опустел его маленький столик, маленькое поле, где происходили великие битвы и набрасывались великие планы. А на обеденном столе с убранной скатертью лежат куски грубой белой материи. Сейчас придет помогать Алена... Она рада убраться из казармы с глаз долой.

Под вечер Катя шла в стойбище. Гиляки теперь перестали казаться ей экзотическим племенем. Она понимала безрадостную судьбу этого маленького народа с его вечным существованием на грани смерти.

Она лечила детей, записывала гиляцкие слова, показывая на предметы и спрашивая их названия у взрослых. Гиляки стояли или сидели на корточках и молча слушали, о чем она говорит с их детьми. Иногда в их взглядах скользнет тревога.

Дома ее ждал Таркун.

– Катя, писку тебе привез!

– Что с Геннадием? – испуганно спросила она, но лицо у гиляка такое спокойное и доброе, что она поняла все, еще не читая.

Записка по-французски. Он целует ее, умоляет не беспокоиться, важные исследования задерживают его. А следом за «пиской» через день явился сам Геннадий, почерневший, весь в снегу, но полный энергии.

В постели теперь так тепло и уютно и таким жарким стало большое ватное одеяло, под которым она не могла согреться в одиночестве. А теперь при свете ночника его часто приходится откидывать. Геннадий нежен и осторожен, И целую ночь разговоры шепотом. Она никогда не подумала бы, что ей так много надо сказать ему, ведь жизнь ее была совершенно пуста, скудна, без впечатлений.

Утром его стол опять превратился в арену битвы. В комнате накурено. Воронин, доктор Орлов, боцман Козлов, казак Беломестнов, Конев и Подобин обсуждают с капитаном, когда и как приступить к постройке палубного ботика.

Прошлым летом погибли два судна – «Охотск» и «Шелихов». «Шелихов» разбит вдребзи, но доски удалось спасти. Они годны в дело. Целую зиму возили их с острова Удд на собаках.

Послышался звон ботал.

– Почта! Геннадий Иванович! Олени! – вбегая, вскричал часовой.

Катя тоже вышла из дому и увидела несколько рысивших оленей. Неужели письма от сестры, от тети? А кругом море в страшных сугробах и торосах, но теперь все опять не страшно. Геннадий был с ней, почта шла, ужасные картины потускнели.

Муж вышел на мороз в одном мундире. У него редкое здоровье. Только напрасно шапку забывает снимать в доме.

Нанесло туман. Ботала звенели, а оленей не стало видно. Временами казалось, что почтари забрели куда-то в сторону. Вдруг прямо напротив пакгауза появился на льду всадник на олене, за ним – другой...

Вскоре Антип, тунгус, привезший почту, седоусый, сероглазый, с широким лицом, сидел в комнате на табуретке. Из большой кожаной сумки появились сразу две почты. Антипа наскоро расспросили про Аян и отпустили. Началось распечатывание пакетов.

– Катя... Вот от Варвары Григорьевны и от Саши, – сказал муж.

Екатерина Ивановна с благоговением взяла письма и ушла в спальню. Были письма Орловым, Березину, всем офицерам, нескольким нижним чинам и целая куча писем Невельскому – с орлами и без орлов.

Все разошлись. Капитан начал с главного – с писем генерал-губернатора.

Глава девятая Почтарь Антип

Невельской готов был рвать на себе волосы.

– Право, обо всем этом невозможно судить трезво, пойти облиться ледяной водой. Помяни, господи, царя Давида и всю кротость его! Экие бестии и подлецы! Экие мерзавцы! Из Петербурга – сплошь подлости, за каждую следует по виселице, – сказал он, входя с пучком бумаг в руку в спальню, где Екатерина Ивановна сидела у ящика, заменявшего столик, и перечитывала письмо сестры. – Один Николай Николаевич к нам расположен и верит. Но что же за известия! Он без дела не сидит, но сплава по Амуру в этом году не будет, людей нам в экспедицию для пополнения не дадут! Крейсер не придет! Все откладывается до будущего года. Предписывается: исследования ограничить землей гиляков. Почему? На Кизи и в Де-Кастри постов не ставить. Пишет: «Собрал и обучил в Забайкалье двадцать две тысячи войска!»! Но мне вместо двадцати двух тысяч надо сто пятьдесят человек здоровых и крепких работников с топорами и исправным оружием для охоты и пять офицеров, суда паровые для исследований, товары, продовольствие! И с китайцами столкнемся! Что он двадцать две тысячи собрал – слава богу! Пригодятся и в случае войны с англичанами. Пишет: «Держите Сахалин в узде из Петровского...» Как держать Сахалин в узде, когда у меня сорок человек, часть из них – больные, а езда на Сахалин на собаках, собак нет и корма нет, и некого было туда послать, кроме Бошняка!

А вот из правления Российско-американской Компании... Винят меня, будто бы я виноват, разбил корабли. Бумаги адресованы даже не мне, а Орлову, и он именуется «начальником экспедиции»! Ему прислано предписание, чем должна заниматься экспедиция: торговать с выгодой для Компании! Целая кипа бланков для отчетности. Если заполнять как требуется, то и мне, и всем офицерам надо все бросить и засесть в канцелярии. Требуют, чтобы я нашел гиляцких князей и установил с ними дружественные отношения. Дальнейшие исследования прекратить! Куда конь с копытом, туда и рак с клешней – Кашеваров из Аяна сообщает, что ему предписано обращаться в бумагах только к Орлову. Чья это рука, все эти мерзости?! Кто же я, по их понятиям? Начальник караула, охраняющего их торговлю? Кашеваров пишет, что не знает, когда сможет отправить продовольствие! Требует отчетности, беречь товары. Отговаривается, что формально не может исполнить ни одного из моих требований. Не здесь осиное гнездо, не у Муньки, а в Петербурге!

Вот мы с тобой почты ждали! Верен наш путь, и дело наше глаза им колет, и поэтому тяжек наш крест. Что же я скажу офицерам, когда они вернутся из экспедиций? Что я Николаю Матвеевичу напишу? Как я заставлю офицеров исполнять то, что запрещено правительством?... Вот тут и для тебя приписка от Екатерины Николаевны и Николая Николаевича.

Она взяла письмо Муравьевых, а ему дала свое, от сестры из Красноярска, и другое – от тети, из Владимира, куда дядя назначен губернатором.

«Ребенок мой, бедный и нежный, только тебя жаль, что я тебя привязал к кресту своему. Катя, ангел мой и друг! За что я тебя гублю?»

Муравьевы писали Екатерине Ивановне кратко, но очень ласково.

– А ты знаешь, мой друг, если Варвара Григорьевна и Саша приглашают тебя, то ведь, может быть, стоит уехать на год-другой, – сказал Невельской, прочитав ее письма.

– О нет... – Она улыбнулась снисходительно.

«В наших делах много влияния имеют дела европейские, теперь же все там устанавливается к спокойствию, поэтому есть надежда, что и у нас не будут так трусливы...» – нетерпеливо читал он другое письмо.

– Нет, в Петербурге как были трусы, так и останутся! Надо думать не о том, что все устраивается к спокойствию, а видеть, что дело идет к войне! Европа сошлется на подлость и преступления нашего правительства, а мы еще тысячу раз сами дадим им в руки козыри. Причину найдут. А в случае мира и спокойствия в Петербурге отлично знают, что надо делать: ехать в Париж за удовольствиями. А вот что будет, если мы захотим выйти в мир, на океанские просторы? Из-за одного этого Англия начнет войну. Они никогда не захотят уступить нам морей.

Он присел рядом с женой.

– Но тебе надо уехать отсюда!

– Я никуда не уеду от тебя, мой дорогой! – сказала она по-французски и обняла его.

– Не отказывайся так быстро... На следующий год, я это чувствую по бумагам, будет еще трудней. Они попытаются взять нас голодом.

– Но разве ты не победишь голод? Ведь ты же говоришь, что мы тут как маленькая независимая республика. Богатства моря и лесов – наши! Не правда ли?

– Если бы это было на самом деле! Но мы живем не для себя. Мы должны непрерывно исследовать и думать о будущем, а не только о прокормлении себя. Я не могу поставить казаков на добывание пропитания, когда не исследован лиман. А цинга уже началась, сегодня Овчинников слег.

– Может быть, не надо так щедро угощать гиляков?

– Мы угощаем тем, чего у нас более или менее хватает: хлебом и крупой. А для больных нужна свежая пища, рыба, которую мы не можем сейчас достать, хотя ее множество, также водка, нужен винный уксус.

...Ночью он написал управляющему делами Компании Этолину³⁴, что по получении его распоряжений, а также распоряжения Кашеварова, адресованных Орлову, как ответственному тут от Компании, он вскрыл эти бумаги, пригласил к себе Орлова, прочел ему эти приказания и тут же приказал не исполнять их ни в коем случае.

– Я заведу здесь огород! – сказала ему утром Екатерина Ивановна. – И мы не умрем с голоду... Алена и женщины давно говорят об этом.

Он сел писать Муравьеву, что не согласен с его приказаниями и с его осторожностью, доказывал, что имя Николая Николаевича принадлежит истории, если он будет действовать решительно, молил о помощи, сообщал, что на свой страх и риск поставит посты на озере Кизи и в Де-Кастри во что бы то ни стало. Откровенно написал про голод, про болезни и проступки нижних чинов и приказчиков. Несколько дней письма исправлялись. Доктор Орлов, исполнявший обязанности секретаря, переписывал их начисто.

Тунгус Антип сходил в баню, спал в каюрской на нарах, пил чай, играл в карты с гиляком Питкеном. Олени, разгребая снег в тайге, добывали себе белый мох.

Утром в назначенный день еще затемно олени загребали боталами под окнами домика начальника экспедиции. Антип сидел на табуретке в столовой. Сын его устроился у двери на корточках. Офицеры и приказчики были в сборе. Заливались каплями пылающего сургуча последние пакеты.

– Провизии у тебя хватит до Аяна? – спросил Невельской у Антипа.

– Как же, – отвечал тунгус.

Старик встал, снял парку и меховую рубаху, надел на шею и пристегнул ремнями к телу кожаную сумку, в которой упакованы письма, и снова оделся.

– Тяжелая сумка!

---

³⁴ Этолин Адольф Карлович (XIX в.) – мореплаватель и путешественник, дважды обогнувший земной шар, исследователь Русской Америки, в 1838 году назначен ее главным правителем

Невельской заставил почтарей проверить свои ружья и пистолеты. Вскоре ботала зазвенела, и всадники на оленях медленно тронулись.

– Ну и слава богу! – сказал Невельской, стоя в толпе провожающих. – Теперь за дело!

За завтраком Геннадий Иванович рассказывал, что стапель для постройки палубного ботика почти готов.

– На ботике попытаемся исследовать лиман.

Екатерина Ивановна радовалась, что муж ее опять спокоен. Он стих, как океан в отличную погоду.

– Огород нужен. Будем заводить свое хозяйство и не надеяться на присылку продовольствия! Я советовался с Дмитрием Ивановичем и казаками. Можно и нужно из охотников составить артели для боя зверей. Мы в самом деле должны стать тут маленькой независимой республикой, только так сможем сделать то, что нам надо, а не то, что приказывает Петербург. Мы будем открывать гавани, занимать их, объявлять об этом иностранцам. А наказывать нас? Попробуйте, господа! Руки коротки! Шпионов вздумают прислать? Я приказал все письма частные представлять мне на просмотр. Захотят выморить нас? Но мы осенью мяса впрок наморозим, и сало будет. Но как ловить осетров? Никто не умеет! И гиляки не умеют как следует. Я написал в Иркутск и в правление Компании, прошу, чтобы прислали опытного рыболова из Астрахани, где осетров такое же множество, как в нашем лимане и на Амуре. Доказываю, что будет Компании доход от вымена и продажи осетрового клея и хряща маньчжурам.

Катя вспомнила, как в свое время о нем говорили, что он маленький, некрасивый и рябой. Сегодня такое яркое солнце и ясно видны все его рябины. Но боже мой, он такой богатырь, такой великий герой, и он так красив! Огонь всегда в его глазах. Этот огонь, а не рябины обращали на себя внимание; что смотреть на его рябины... «Но не правда ли, – спрашивала она себя, – ведь рябины очень редки?»

– Не дают судов – сами построим! Ботик мой для России будет дороже девяти стопушечных кораблей на Балтийском море! – твердил он. – Доски с «Шелихова» очищены от гнили, дерево «вылечили» так, что любой хирург позавидует. А мне опять служить, нужны молитвы к этому случаю.

Он не раз бывал при закладках кораблей, но как-то не обращал внимания, что читает священник. Со стапеля Невельской пришел расстроенный.

– Час от часу не легче! Приехали гиляки из старого стойбища с жалобой. Андриан Кузнецов и Фомин избили пожилого гиляка и отобрали мешок с мясом. Я услышал и чуть не заплакал с досады! Приказал Козлову немедленно послать на Орлов мыс за Фоминым и Кузнецовым, они там лес рубят! Экие негодяи... И болезнь косит моих людей. Я стал служить в шлюпочном сарае. В это время на глазах у меня свалился Агафонов и не мог встать. Овчинников совсем плох. Я приказал укуса давать двойную порцию и всей команде снова по полчарки вина в день.

Екатерина Ивановна заметила, что Фомин с Андрианом, видно, были голодны, если отобрали мясо.

Сама она терпела. Муж утром и вечером съедал по кусочку хлеба и пил чай.

– Это мародерство! Учим гиляков, виним маньчжуров в разбоях, порем маньчжуров, а сами? Я им покажу...

За обедом он почти не ел ни супа, ни рыбы. Пришел Козлов, сказал, что матросов привели.

– Не будь суров! – попросила Екатерина Ивановна. – Расследуй все. Гиляков можно отдарить чем-нибудь, извиниться. У них существует обычай – за преступление пострадавшему дают выкуп – вещи, это, по их мнению, серьезное наказание, так как они могут приобрести что-либо лишь ценой тяжелого труда. Воспользуйся этим обычаем и не наказывай строго своих людей! Команда будет благодарна тебе.

Невельской, казалось, не слыхал ничего...

Рослый белокурый казак в полушубке и ссутулившийся Фомин, держа шапки в руках, стояли перед ним во флигеле, где была контора и за перегородкой жили офицеры. Тут же гиляки, Воронин, Орлов, Козлов, Позь.

– Андриан, ты отнял мешок?

– Взял, Геннадий Иванович!

– Что было в мешке?

– Мясо.

– Зачем это сделал?

– Не знаю, Геннадий Иванович, пьян был.

– Пьян? Где же ты взял вино?

– Гиляки угощали.

– Кто дал им вина? – обратился капитан к гилякам. – Кто посмел поить моих матросов?

Гиляки молчали.

– Влезгун?

– Нет, он не поил, – ответил Позь.

– Кто же? Ты ведь, Влезгун, водкой торгуешь?

Влезгун молчал.

– Бабы их поили! – сказал Позь.

– Какие бабы?

– Гилячки! – ответил переводчик.

– Еще что за новости? Какие гилячки вас поили?

– Не знаем, пьяные были! – мял в руках шапку огромный Андриан.

– Так ты мясо отобрал и не помнишь? И как у гилячек был, тоже не помнишь?

– Плохо помню.

– А ты?

– А я помню! – признался Фомин со вздохом. – Нас угощали!

– Выпорю за это! И весной вышлю в Охотск или в Камчатский порт в штрафную!

– Ваше высокоблагородие, помилуйте, ведь гилячки бабы глупые! – взмолился

Андриан. – Сами навязались.

– Тем более! Ведь они замужние, семейные женщины.

– Девоч, что ль, хватать?

– Никого не трогать!

– Как же быть?

– Женись!

– На гилячке?

– Да.

– Я с радостью! Сосватайте, ваше высокоблагородие. Я ей дом построю, я плотник, и тестю дом поставлю. Мне это по сердцу.

– А пока сосватаю тебя с розгами!

– Это нам мало важности. Только в Камчатку не отправляйте.

Матросы и казаки обступили капитана и стали просить за товарищей.

– Аносов, вместо хлопот бери розги в руки!

– Как-то совестно, ваше высокоблагородие, товарища хлестать!

– И меня в свое время пороли!

– Разве? В ученье? Дело казенное.

– Да, и мне приходилось! Такое время! Всем приходится. А ну, живо! Костей не переломит, это не шпицрутены.

– Соизволь, Андриаша, лечь как следует! – с важностью сказал Аносов. – Когда, может, меня отблагодаришь.

– Молчать! – рявкнул Козлов.

Ударил барабан...

Гиляки столпились.

– Из-за вас, сволочей, своего порем! – сказал им Аносов.

Невельской велел отвести обоих поротых в избу, где Питкен готовил юколу, и приставить часового.

– Казачишки развращены, привыкли, что у инородца можно отнять все, что хочешь. Меня эти нравы сибирских торгашей в бешенство приводят! – говорил Невельской, придя домой и волнуясь. – Команда просила за виновных! А я собрал гиляков и объявил им, что мы и впредь за всякий проступок будем наказывать беспощадно как маньчжуров, так и их и своих людей! Не делая различия. А у нас находятся философы в казарме, которые говорят, мол, гиляки нехристи! Но я неумолим, и пусть знают мою железную волю! И суд мой краток! Они смотрят, что гиляк – собака. Бей его, рви с него. Нет, вот, получай! Теперь будут знать, как обкрадывать гиляков. Христианами себя считают, негодяи! Это развращение глубокое!

– Ведь Андриан славный, работающий! – сказала Екатерина Ивановна.

– Значит, за грех не считают, как зайца ободрать, – как бы оправдываясь, говорил Невельской, усаживаясь на диван и набивая трубку.

Катя знала, что в команде есть очень порядочные и сердечные люди, они прекрасно относятся к гилякам. Но есть там и несколько бывших торгашей и преступники...

Утром пришла Лаола, жена Питкена.

– Катя, наши из старого стойбища приехали. Можно им к тебе войти? – спросила она по-гиляцки.

Но, не дожидаясь позволения, в дверь уже ввалились две здоровые молодые гилячки. Катя обрадовалась.

– Ай-ай, Катя, Катя! – тараторила Лакха, бойкая женщина. Щеки у нее тугие и красные как кумач.

В одной руке у Лакхи туес с мороженой ягодой. Другой она держит за руку маленького мальчика. Ее товарка Пойха высокая, с мешом в руках.

– Ой, Катя, Катя, такая беда! – жаловалась она, целуя щеки хозяйки и глядя ей плечи.

– Геннадий, к тебе депутация! – сказала Екатерина Ивановна.

Невельской вызвал Позя и сказал, что украденное мясо будет оплачено вещами из магазина, а виновные уже наказаны.

Но гилячек это известие, кажется, не обрадовало.

– Фомку и Андриашку жалко, жалко! – кривясь и показывая, что вот-вот готова заплакать, заявила по-русски толстая Лакха.

– Вот мы им гостинцы принесли! – сказала высокая Пойха застенчиво и грустно.

– Кому?

– Фомка, Фомка.

– И Андриашка! – добавила Лакха. – Которых пороли!

– Они наказаны за дело, за то, что обижали вас.

– Ой-ой! Нас совсем не обижали!

– Чего дядю жалеть! – закричала вдруг Пойха. – Дядя сам виноват, он у них взял табак даром!

– Зачем, капитан, Фомку и Андриашку так били? – с сердцем спросила толстая гилячка.

– Что же ты хочешь?

Гилячки сказали, что привезли для Фомки и Андриашки гостинцев, а часовой не принял, и они пришли просить.

– Отпусти их! – сказала Лакха.

– Не бей! Не будешь?

– Больше не буду.

Гилячки повеселели. Пойха рассказала, что Фомин и Кузнецов возили лес и по дороге заехали с пустыми нартами в зимнее стойбище. Лакха достала у Влезгуна спирта. Вместе с Пойхой она угощала русских. Все были довольны и весело провели время. Матросы ночевали в доме, в тепле, и хорошо вели себя, и утром поехали дальше, встретили дядю Пойхи и отобрали у него мешок, но в этом виноваты не они, а сам дядя. Он не любит русских и не дает им мяса. Мужья Лакхи и Пойхи в этот же день явились с охоты и рассердились на дядю, узнав, что произошло, и обвиняют его во всем случившемся, и еще придут на него жаловаться.

– Ой, жалко, жалко Фомку и Андриашку! – приговаривала Пойха.

– Неожиданное милосердие! – с удивлением заявил Невельской, когда пришли Орлов и Воронин. – Послушайте-ка их!

– Какие дамы сердобольные! – сказал Воронин, приняв подарки для поротых и проводив гилячек.

– Позаводили себе любовников из нашей экспедиции и пришли хлопотать за них. Да этого мало! Еще мужей, говорят, пришлют за этим же! Нет, дисциплина и на любовников распространяется! А за разврат, объявите это команде, Дмитрий Иванович, любой будет порот и выслан!

– За этим, Геннадий Иванович, трудно усмотреть! – заметил Воронин.

Орлов молчал, не зная даже, что тут и сказать. Конечно, капитан был прав...

«Тут с ума можно сойти, если всех слушать! – подумал капитан. – Вот я женю Андриана на гилячке».

Послышался звон ботал.

– Что это? – спросила Катя.

– Видимо, опять почта... – воскликнул Невельской.

– Быть не может! – удивился Орлов.

– Почта идет! Из Аяна, – входя, сказал довольный доктор. Он ждал посылку с лекарствами.

– Тунгус вернулся! – разочарованно вымолвила Дуняша.

– Вот не было печали! – Невельской, Орлов и Воронин вышли из дому.

К магазину, верхом на олене, подъехал Антип. Он слез с оленя и уселся на трапе, но сразу же опять вскочил, заметив капитана.

– А ну поди сюда! – крикнул Невельской. – Почта где? – спросил он.

Тунгус медленно приблизился.

– На дереве! – отвечал Антип.

– Как ты смел ее бросить?

– Я не бросил. На сук повесил, – возразил старик.

– Там документы, письма секретные!

– Ну кто в тайге возьмет, капитан, – с ласковой улыбкой сказал Антип. – У меня табаку мало, на дорогу не хватит...

Невельской покачал головой:

– А ты знаешь, что тебе за это полагается?

– Нет, не знаю, – отозвался Антип.

«Хитрец, сумку в тайге оставил, боится, верно, что запорю. А без него и сумку не найдешь».

– Выдайте ему, Дмитрий Иванович, табаку сколько надо, – сказал капитан.

Через час снова послышались звуки ботал.

– Поехал наш почтарь! – сказала на кухне Дуняша.

Невельской, попыхивая трубкой, мрачный, сидел за рабочим столом над бумагами.

Глава десятая

Чихачев на Амгуни и на Горюне

Выехав из Петровского поста, Чихачев и тунгус Афоня к вечеру того же дня прибыли в Николаевский пост.

Березин тут уже давно временно замещает Бошняка и торгует в своей лавке с гиляками и маньчжурами. Невельской велел ему присмотреть за бывшими штрафованными матросами, но приказал рук не распускать, зная такой грех за Алексеем Петровичем.

Как только Бошняк вернется с Сахалина на Николаевский пост, Березин отправится с обозом из трех нарт и с вооруженными казаками вверх по Амуру торговать с гиляками и повезет запасы для Чихачева, который к тому времени должен выйти из тайги на Амур.

Решено, что они встретятся у озера Кизи и там Березин передаст Николаю Матвеевичу продукты на все время весенних исследований. Если же встреча не состоится, Березин постарается узнать, где он, и пойдет ему на выручку, сообщив об этом в Петровское.

Чихачеву предстояло исследовать совершенно неизвестную область: подняться вверх по Амгуни до стойбища Керби, свернуть в дремучие леса и по замерзшим ключам дойти до полупрозрачного Самогирского озера³⁵, а затем по реке Горюн спуститься до Амура и уж не вверх, а вниз по Амуру идти на соединение с Березиным. Но с прибытием в Кизи исполнится только часть дела. Главное – впереди.

Конечно, экспедиция Бошняка на Сахалин очень важна, и дай ему бог успеха, но Николаю Матвеевичу кажется, что на его долю пришелся неизмеримо более трудный маршрут.

В свои родные места вместе с Чихачевым и Афоней из Николаевского поста отправился и Чумбока. Ему впервые предстояло побывать там после бегства.

Через две недели маленькая экспедиция приближалась к Самогирскому озеру.

Ветер крепчал. Шум шел по тайге. С ветвей сыпался снег так обильно, словно лились сплошные потоки. Казалось, они зальют собак, нарт и путников. Удивительно, сколько снега накопилось на деревьях.

Решили остановиться.

Важные великаны кедры растут поодаль друг от друга, не теснясь толпой. Такого же достоинства полны молодые деревья. У стариков – могучие шапки с черными кистями из густой хвои. И вокруг, как детвора, множество маленьких деревьев в снегу.

Налетел порыв ветра, рассеял снежные потоки. С шапок кедров ввысь поднялись снежные облака и вихри. Внизу было тихо, и только снежная пыль падала и падала, засыпая одежду, собак и палатку, которую ставили трое путников. По вершинам деревьев прокатился нарастающий грохот. Послышался вой метели, ее хлопки и тяжкие стоны стволов.

Ветер налетел низом и чуть не вырвал из рук Чихачева край палатки, к которому он привязывал конец. Грянул грохот, и какое-то черное облако начало быстро падать по направлению к палатке. Когда столбы снега разнесло, стало видно, что упал, вывороченный с корнями и с мерзлой землей на них, старый кедр. Целую тучу желтой шелухи, игл, шишек и сучьев, сшибленных с соседних великанов, нанесло на палатку.

– Если бы на нас попало, что бы было? – спросил Афоня, покачивая головой. – Однако мы бы помирились!

Тайга бушевала всю ночь. Упавший кедр полузанесло. Вздвигались лишь черные корявые корневища, да мохнатые ветки кое-где торчали из сугробов. На другой день стихло. С перевала видна стала белая равнина.

---

³⁵ Самогирское озеро – озеро Эворон.

– Самогирское озеро! – показал проводник.

Начались заросли белой березы, осинника, елей и тополей.

Чем ближе к озеру, тем ниже сопочки. Одна из них так мала, что уместилась под черным вытянутым плащом древнего однорукого кедра. На другой сопке, похожей на белый курган, в разные стороны клонились редкие черные деревья с узловатыми стволами. Оказалось, что это липы и дубы. Чихачев приказал остановиться. Надо сделать обсервацию.

Иногда думалось, что вот он бредет на лыжах в глубоких снегах, по лесной пустыне. Сегодня ловил на себе вшей, ел бельчатину, перегрызая тонкие кости, как голодный волк. А ведь не хотел больше ходить ни в какие экспедиции. Возвращаясь прошлый раз в Петровское, проклинал себя, что впутался в такое дело, твердо намеревался заявить Невельскому, что никто не смеет заставлять его совершать исследования в нечеловечески тяжелых условиях. И вот опять в пути, тяготам конца не видно. Что впереди – неизвестно. Продуктов – в обрез.

«Конечно, это долг мой... Но как я поддался! Глупо!»

На другой день переехали залив озера, лесистый мыс и спустились к Самогирскому озеру. Черный лес полосами оттенял огромную снежную равнину. Солнце еще не всходило, а с правой стороны за озером проступал хребет, освещенный его лучами. Он казался ближе других. На нем видны ущелья, лес, скалы. Все выглядит призрачно. Горы слева скрыты в тени, таинственно синие и сиреневые, очертания их волнуют и манят.

Солнце взошло. Нарты быстро ехали мимо тальниковых зарослей, которые казались пучками сухой травы или засохшими букетами, воткнутыми в сугробы. Долго тянулись по берегам эти редкие тальники.

– Быстро едем! Самогирское озеро переехали! – сказал Чумбока. – По Желтой речке едем, которая из озера вытекает.

У Чихачева в руках планшет с компасом и карандаш. И горы, и реки, и мысы он наносит на карту.

– Скоро будет деревня Кондон! – восклицает Чумбока.

Лицо гольда осунулось. Горбатый нос стал еще острее. Он всматривается в даль.

– Я тут женил! – вдруг воскликнул он, показывая на сугроб, утыканный голыми тальниками. – Это остров, как раз тут! И на деревне свадьбу играли! У-ух, большая, красивая деревня, как город! У-ух, какой остров красивый!

Афоня, холостяк, пьяница и враг женщин, презрительно усмехается. Наступает вечер. За поворотом виднеются старые кедры с широкими черными лапами. Синие тени деревьев падают на заструги речного льда и на тропки зверей. Повсюду на снегах голубые крестики звериных следов. Большая деревня, «красивая, как город», оказалась десятком лачуг, наполовину врытых в землю. Лицо Чумбоки сияло.

– Вот вы меня звали, и я приехал! – говорил он, сидя с Чихачевым и Афоней в юрте среди своих родичей. – А это Николай – приятель капитана. Как дедушка Никола-святой, только борода маленькая. Николай у нас главный.

В сборе все родственники Чумбоки: тощий дядюшка Дохсо, лысый сын его Алчика, лохматый дедушка Иренгену, долговязый Кога с бородой из нескольких длинных седых волосков. Только Игтонгки нет. Он с охотниками ушел в высокие хребты.

Опять ночлег в юрте, дым, копоть, зыбки с детьми, больные дети, гноящиеся глаза собеседников, то жар, то холод, голодные собаки, скребущиеся в дверь. Николаю Матвеевичу все знакомо и надоело. Он устал очень, но знает, что этого нельзя показать. Чумбока старался услужить ему, расспрашивал у стариков про направление хребтов. Гольды с трубками тоненькими голосами отвечали на вопросы. Чихачева временами брала тоска, и ничего не хотелось спрашивать, но спрашивать надо. А Чумбока ждет, сам знает, что надо узнать, и тут же толково переводит ответы. Назойливость энергичного Чумбоки раздражает Чихачева, но, как дисциплинированный, аккуратный офицер, он исполняет свои обязанности, втягивается в разговор,

очень добросовестно расспрашивает обо всем сам, просит стариков чертить ножами карты на бересте и все перерисовывает, постепенно увлекаясь и обретая интерес.

Но едва люди улеглись спать, он остался наедине с думами о своей судьбе и о другой жизни, которую он, возможно, напрасно бросил. Все же очень обидно в двадцать два года оказаться в таком положении! Утром он обязан сделать местным жителям объявление от имени правительства.

– Кто посмеет обижать вас или обманывать или станет вам грозить – будет наказан. Я отдаю вам эту бумагу, – сказал он собравшимся горюнцам.

Чихачев невольно старался говорить так же твердо и с таким же решительным выражением, как Невельской. Разговаривая с дедушкой Иренгену, взял его за деревянную раскрашенную пуговицу и стал ее вертеть, но не так ловко, как Геннадий Иванович, и чуть не оторвал.

Чумбока с утра обсуждал с родственниками семейные дела. Они поклялись друг другу, что старая вражда забыта. Время от времени в их компании раздавался дружный смех.

Афоня вошел с постромками в руках. Сегодня на нем все обязанности по хозяйству. Тунгус накормил собак, исправил нарты и сейчас сел чинить ремни. Он слушает, что говорят горюнцы, иногда вставляет насмешливое словцо в общий разговор.

Чихачев решил, что теперь остается срисовать хребет, видимый с реки, но для этого придется забраться на какой-нибудь холм. Он взял бумагу и вышел вместе с Афоней и с мальчишками, которые взялись найти ему место, откуда хорошо видны горы.

– А что он кушает такое, грызет крепкое как камень и мочит водой? – спросил дядюшка Дохсо у своего племянника Чумбоки, едва за Чихачевым закрылась дверь.

– Это сухари! – ответил Чумбока.

– И ты кушаешь?

– Как же!

– А нельзя ли нам попробовать? – осведомился долговязый Кога, поднося нос к мешку.

Чумбока развязал мешок и дал родичам по сухарю. Прибежали дети из соседних юрт, а за ними женщины и мужчины. Все хотели сухарей. Пришлось дать и им. Самары ели, а Чумбока расхваливал все русское.

Через час, когда Чихачев и Афоня вернулись, тунгус заметил, что мешок с сухарями опустел более чем наполовину.

– Это ты родичей угощал? – спросил он гольда.

– Да...

– Разве ты не знаешь, что Николай не может жить без сухарей? Это ты можешь жрать одну юколу! Обрадовался, что к родственникам приехал, начал их угощать! Зачем ты сухари роздал? Что ты будешь теперь делать, если Чихачев помрет от голода, что скажем капитану?

Они говорили с Чумбокой по-гиляцки. Присутствовавшие в юрте не понимали их, но заметили что-то неладное.

– Вкусное какое угощение! – сказал вошедшему Чихачеву дядюшка Дохсо, показывая на огрызок сухаря. Тут и Чихачев увидел опустевший мешок и все понял. На душе у него вскипело. Первой мыслью было выпороть мерзавца, но тут же вспомнил про обычай местного гостеприимства. Чумбока не раз говорил, что маньчжуры, приезжая, угощают всех водкой, а у Чихачева водка была только на случай болезни. А цвелье морские сухари привели тут всех, кажется, в восторг. Может быть, и в самом деле стоило угостить... Чихачев подумал, что надо сдержаться и нельзя выказывать досаду. В нем с детства вырабатывали умение скрывать свои чувства, быть сдержанным. Но тут их очень трудно скрыть! Все-таки очень досадно! Он пере-силил себя, улыбнулся и сказал хозяевам, что ему очень приятно, если угощение понравилось.

– Вот видишь! – обрадовался Чумбока, обращаясь к Афоне, хотя у него и скребло на душе. Он с опозданием сообразил, что наделал.

Афоня молча завязал и убрал мешок подальше. На другой день, когда двинулись вниз по Желтой реке и вышли на Горюн, тунгус всю дорогу корил Чумбоку. К вечеру снова началась пурга. Слышался шелест снега, несущегося по сугробам, и грохот невидимой в его потоках тайги.

У Чихачева пальцы застывали.

– Сюда, сюда! – кричал Чумбока, хватая вожак за хребтину и постромки и поворачивая его к берегу.

Где-то во мгле послышался собачий лай. Вскоре подошли к стойбищу. Собаки оживились и, напряженно упираясь задними лапами, потащили нарты по обледеневшему берегу куда-то вверх. К удивлению путников, едва вошли они в юрту, как с кана³⁶, из-под одеяла, вылез и поднялся во весь рост знакомый долговязый, сухой старик с бородой из нескольких длинных седых волос.

– Дедушка Кога? Ты как сюда попал? – удивился Чумбока.

– Я торопился, чтобы рассказать тут новости, – отвечал старик, – что едете вы, что надо хорошо встретить! Протоками раньше проехал. Только немножко замерз.

Когда сели за столик и собрались почти все жители стойбища, Кога потихоньку сказал Чихачеву:

– Все здешние люди сухари очень любят!

Чумбока испуганно глянул на Николая Матвеевича, Афоня с гневом – на Чумбоку, тот – на Когу.

Чумбока стал уверять старика, что сухарей больше нет.

– Нет, надо их угостить! – сказал Чихачев, догадавшись, о чем речь. Он развязал мешок сам и роздал всем по сухарю.

Через неделю приближались к устью Горюна. Ехать на нарте нельзя, снег рыхлый, велики сугробы, собакам трудно, приходится помогать. У Чихачева сбиты ноги. Сухарей осталось десятка два. Афоня отказался от своей порции.

В одной из деревень остановились отдыхать на два дня. Чумбока, желая искупить свою вину и пополнить запасы продовольствия, сходил с хозяином на берлогу и убил медведя. Теперь есть свежее мясо, но зверь царапнул Чумбоке ногу, она болит.

Надо спешить. Еще неизвестно, когда доберешься в Де-Кастри. Чихачев помнит приказ: там надо весновать, сделать опись залива. Могут появиться иностранные суда. Невельской твердит, что весной можно ждать описной эскадры у этих берегов. Дело свое Чихачев исполнил на Горюне и на Амгуни добросовестно. Но часто приходило на ум, что все это выше сил человеческих. Мешок пуст. Вокруг на тысячи верст ни горсти муки, ни единой пекарни. Опять метет пурга. Вовремя, вероятно, не выехать из этой деревни. Разбирала досада на Невельского.

Наконец все прояснилось, ветер стих, солнце засверкало на снегу. Путники снова побрели, пробивая упряжке дорогу своими лыжами.

Вечером опять ночлег в деревне. Тут почти устье Горюна. У одной из юрт стоят широкие нарты, на них – тюки и сверху красная дуга. Сытые, рослые собаки залаяли басами на приехавших.

– Пистолеты у тебя, Николай, заряжены? – спросил Чумбока.

– Заряжены.

– Маньчжуры тут. Это их собаки.

---

³⁶ Кан – глинобитная лежанка, шириной в рост человека, в зимних жилищах гольдов, под которой проходит дымоход от очага.

Чихачев не боялся. Он устал и так раздражен, что готов хоть сейчас драться и стрелять. Напади только маньчжуры, он бы им показал! Но он понимает, что надо терпеть, не драться, а завязывать дружбу, договариваться о торговле, как велено.

Вышли маньчжуры с косами и в шапочках. Они сами испуганы и усиленно кланяются. Один из них, Тин Фа, румяный толстяк, улыбается широко.

– Знакомая компания! – воскликнул Чумбока.

– Встречал их прежде? – спросил Чихачев.

– Встречал. На Тыре, когда там был капитан. Они купцы, путешествовали вместе, знакомы с Геннадием Ивановичем. И Афоня их знает.

Чихачев почувствовал, что тут надо держать ухо востро.

– Так ты из Иски? Капитана приятель? Ое-ха! Пойдем к нам в гости, будем тебя угощать, – говорил худой усатый маньчжур в длинном черном ватном халате.

В юрте на столике водка и табак. Николаю Матвеевичу подали горячие паровые пампушки, кашу с маслом. Ургэн – высокий усатый маньчжур в черном халате – велел работнику достать в одном из мешков и разморозить курицу.

«Какая роскошь!» – думал Чихачев, невольно проникаясь симпатией к новым знакомым. Маньчжуры путешествовали с комфортом, у них было все. А у него нет ничего, он голоден, товары почти все распроданы и раздарены. Надо как-то заинтересовать маньчжуров, убедить, что с русскими меняться выгодно, что у них есть нужные для маньчжурских купцов вещи.

Чумбока расспросил здешних жителей, которые тоже приходились ему родственниками, ругают ли эти маньчжуры русских. Гольды ответили, что маньчжуры про русских ничего не говорили. Чумбока прекрасно понимал маньчжурский язык, который знал с детства. Он оказался отличным переводчиком, передававшим все оттенки речи.

– Капитан обещал нам на Тыре выбрать хорошее место, где мы могли бы с вами съезжаться для торговли и размена товаров, – говорил Чихачеву худой Ургэн. – Почему же до сих пор это не сделано? Мы видели ваше красное сукно и ситец. Они очень хороши. Капитан говорил, что вы могли бы привозить нам моржовый зуб. Где все это? Если ты приехал торговать, то где же твои товары?

– Мы уже все распродали, – пустился Чумбока на выручку своего начальника.

Маньчжуры смотрели с некоторым недоумением. Чумбока догадался, что они заметили пустые мешки. Если бы продались товары, в мешках были бы меха.

– Мы все давали в долг, мехов не брали, – пояснил гольд.

Тин Фа сказал, что так и с ним бывало: раздавая товары в долг, он возвращался с пустыми нартами, сам голодный. Именно в это время, весной, когда почти все лучшие меха уже скуплены! И Тин Фа прелюбезно улыбнулся.

Сказано это было с таким выражением, что не поймешь, всерьез он поверил или с очень большим тактом помог Чихачеву выйти из затруднительного положения, оставаясь, однако, при своем мнении.

Но на случай встречи с маньчжурами у Чихачева было красное сукно. Оно извлечено сейчас из мешков, к восторгу покупателей.

– Что тебе надо, Николай, за это, какой товар? – спрашивал Тин Фа.

– Соболей и водку!

Маньчжуры сказали, что все это есть у них.

От вина у Чихачева горели щеки и уши. Маньчжуры наперебой выказывали ему дружбу. Они сказали Чихачеву, что готовы выручить его и отдать ему часть своего продовольствия в долг. Чихачев отказался, заметив, что навстречу ему идет целый обоз нарт со всеми припасами.

Маньчжуры знали про восстание на Вайде и уверяли, что Чжан Сину не сочувствуют.

– Он настоящий хунхуз³⁷! – сказал Тин Фа.

Чихачев не особенно доверял собеседникам. Однако было очевидно, что ссоры они не хотят. Он рад был, что встретил их. «Но что же мы сраммимся! – думал он. – После всех наших обещаний и заверений, что край наш, что мы тут торгуем и всех защищаем, являюсь я, полу-живой от голода... Что же думает Невельской? Нет, он должен был предвидеть. Стыдно!»

Чихачев старался не показывать купцам, что голоден, ел немного и как бы неохотно. Купцы напились, обнимали его, подарили ему веер, трубку, кольцо и серебряную монету. Уговорились, что весной русские приедут с товаром на устье одной из верхних рек.

У маньчжуров с собой оказались книги и пекинская газета, вся заполненная официальными распоряжениями, которую они, видимо, недавно получили, так как несколько раз вытаскивали ее, показывали друг другу и обменивались мнениями. Оказалось, говорили с энтузиазмом о каком-то новом богдыханском указе.

Чумбока и это перевел.

По всему видно, купцы – грамотные люди. Дело ведут умело и умно. Но жестоки и беспощадны с туземцами.

– При русских, – уверял Чумбока, – это скрывается, а на самом деле относятся к гилякам, как к собакам, или еще хуже.

«В самом деле, – думал Чихачев, – гиляки и гольды должны страшиться их».

Утром, желая освежиться, Чихачев вышел из юрты, разделся до пояса и натер грудь снегом. С утра подвыпившие маньчжуры вышли следом. Увидев его голое тело, Тин Фа стал хватать Чихачева, пытаясь щекотать грудь, и завизжал от удовольствия. Николай Матвеевич оттолкнул его, но маньчжуры спьяну лезли как безумные. Ему надоела их назойливость, и он, рассердившись, но как бы шутя схватил самого рослого за плечи и с размаху кинул его плашмя в сугроб, а за ним в кучу полетели и другие.

Прикатил еще один маньчжур с работниками. Он рослый, с широким лицом, с колючими усами.

«Опять знакомое лицо!» – подумал Чихачев, войдя в юрту.

– Николай! – воскликнул маньчжур. Глаза его сверкнули странно, он тут же погасил их блеск и широко улыбнулся.

– Вот так встреча! Как ты здесь?

– Ох-ха! – воскликнул маньчжур подобострастно. – Торгую русским товаром, который наменял у вас на Искае. Всем хвалю.

Это был Мунька. Когда его отпустили из Петровского, Невельской сказал, что разрешает по-прежнему торговать всюду, где он захочет, но чтобы не смел обижать больше никого. Маньчжур опасался, что это хитрость. «Буду ждать», – решил он. Однако он был очень рад, что остался жив и здоров. В лавке у русских он набрал товара в обмен на свои меха, которые привез ему приказчик, предполагая, что русские потребуют выкуп.

Маньчжуры тут же попросили Муньку показать русские товары. Они зашумели, рассматривая сукно и фланель, ножи, топоры.

Вечером уса́тый маньчжур Ургэн рассказывал Чихачеву, что в верховьях реки уже тепло, что там прошел лед, что у Сансина³⁸ чистая вода. А еще выше все цветет, и крестьяне посеяли рис и пшеницу.

– А у вас, в Иски, очень плохое место. Там еще долго будет зима.

В свое время он это же говорил Невельскому.

---

³⁷ Хунхуз (от китайск. хунхуцзы – краснобородый) – участник шайки бандитов, грабителей.

³⁸ Сансин (Илань) – один из крупных городов Маньчжурии, расположен при впадении в реку Сунгари ее правого притока Муданьцзян.

Чихачев сказал, что согласен, русские сами виноваты, что до сих пор не выбрали место для торговли. Он обещал, что все передаст Невельскому и что поедут из Петровского и Николаевского все купцы на общий торг. Потом полушутя спросил Муньку, будет ли тот опять бунтовать. Маньчжуры громко засмеялись над Мунькой, но иногда Чихачев перехватывал их серьезные и косые взгляды. На всякий случай и у него, и у проводников оружие было наготове и на ночь сговорились по очереди не спать.

На другой день, дружески простившись с купцами и сказав, что ему надо спешить за товаром, Чихачев выехал на Амур и по дороге, накатанной нартами, поехал вниз, по направлению к озеру Кизи. Он испытывал такое чувство, как будто ехал по знакомым и родным местам, хотя никогда тут прежде не бывал. Каждая черная точка, видимая вдали, казалась ему нартой из обоза Алексея Петровича, посланной навстречу.

Глава одиннадцатая

Путешествие Березина

«А на посту людишки что-то затевают!» – возвращаясь мысленно на Николаевский пост, думал Березин, мчась в нарте мимо сверкавших на солнце торосов и кутаясь в свой белый бараний тулуп, который он выменял у маньчжура.

Березин сдал пост Бошняку, возвратившемуся с Сахалина, и выехал с топографом Поповым, взяв с собой для охраны трех надежных казаков, один из которых – якут Иван Масеев – знал по-гиляцки, а другой – Парфентьев – был силачом.

Дорога знакомая, Березин ездил тут нынешней зимой. Во всех деревнях у компанейского человека друзья и знакомые, и все рады его приезду.

Геннадий Иванович желает, чтобы непрерывно, в разных направлениях ездили приказчики и офицеры, производили съемку и торговали, показывая этим, что край наш, что мы защищаем туземцев, и он твердит: «Их надо приучать к русским товарам, хоть это и в ущерб казне и Компании...»

Все бы ладно, да сами голодаем! И на посту дела неладные творятся. Бошняк вернулся с Сахалина хворый, непривычен к таким поездкам. Он не усмотрит за варначем, которое есть в постовой команде. А у Березина глаз наметан.

В Николаевске такая же казарма, как в Петровском. Кругом лес порублен, сделана засека. Стоит часовой, пушка, вышка... Снаружи все хорошо, а вот что внутри...

«Я стреляный воробей, меня на мякине не проведешь! – Березин побыл начальником поста недолго, но многое учуял. – Непонятный человек Салов. Мне кажется, нечист, хотя и ни в чем не замечен. А сердце мое чует! Дал промашку Геннадий Иванович, пустил щуку в воду, назначил Салова в Николаевск, а тот сразу согласился и лыжи навошил. Что там будет? Не свернут ли они птенцу голову? Да и птенец-то хворый. А люди вокруг него лихие».

Березин осторожно открыл свои подозрения Бошняку, но что толку! Тот слышать не хочет и говорит про людей, что они герои-великомученики!

Березин отправился в поездку с большой охотой. Встретить Чихачева и побывать с ним в Де-Кастри – это ли не дело! Березину нравится, что залив называется по-французски – Де-Кастри. Правда, есть натуральное наименование – Нангмар. Ах, господа-птенчики любят стрекотать по-французски. Леший его бей, побывает Березин и в Де-Кастри!

У Алексея Петровича есть с собой спиртик, по дороге встретятся друзья, маньчжуры, и, если удастся, наменяет еще. Муньку бы встретить! Магарыч с Муньки! А с Мунькой можно подсыпаться к гилячкам. Но пока Березин крепится и помнит заклятие Невельского – не пить.

Лучший лес в Николаевске когда заготовлен? При Березине. Лучшая партия рабочих в Петровском чья? Березинская! Кто начал торг с гиляками? Березин. Ни с гиляками, ни с иностранцами, ни с самими маньчжурами Березин никогда еще не оплошал и рылом в грязь не ударил.

Среди матросов есть балованные и даже порченые. На рубке леса они роптали, почему, мол, над ними поставили командовать простого мужика. Это им лес рубить не хотелось. Березин понял их недовольство, и хоть он мужик, а не офицер, но с матросами не церемонился. Где надо – давал им тычка в зубы; мало важности, что они бывали в Англии, а он мужик, – попробуй березинского кулака! Это же кобылка – охотские штрафованные!

Был там один матрос с «Байкала». Невельской его всегда хвалил и ставил в пример. Геннадий Ивановичу по душе, что матросы на воде смелые, моря не боятся. Правда, так. Но лучше бы они боялись моря. И Геннадий Иванович не знает, что его любимец Шестаков снюхался с охотскими. Не знает ничего Геннадий Иванович, а известить его нельзя. Да он и не поверит,

так как нет никаких доказательств! И у Березина не было времени проследить как следует. Он сказал Бошняку, а тот – в амбицию: не может, мол, быть.

А в Николаевске быть бунту похуже маньчжурского. Люди есть недовольные, и хотя они все сохраняют в тайне, но Березин не гуран³⁹, видит насквозь и еще, как говорится, под землю на два аршина, и от него ничего не утаишь. «Уж по одному взгляду я, Геннадий Иванович, знаю, что человек задумал», – представлял он себе будущий разговор с Невельским. «Ну как вы, Алексей Петрович, можете по взгляду? – слышался укоризненный и недовольный ответ Невельского. – Не так ведь легко в нашей экспедиции, – продолжал воображаемый капитан, – на людей ложится вся тяжесть». – «А вот посмотрите, как они эту тяжесть с себя снимут. Скинут ее в море, как лед пройдет!» Березин на них еще не доносил. Да пока лед, никто ничего не осмелится. А будет бунт в Николаевском – будет и в Петровском. Вот когда вспомнят о Березине!

Вчера в канун отъезда слышал опять разговоры матросов, что где-то живут русские на Амуре, никого над собой не знают. А охотский матрос Сенотрусов с товарищами Сокольниковым и Дайноковым – с ними был Шестаков – прямо спросили Березина, правда ли, что Орлов ездил в экспедицию и узнал, что есть селение беглых русских. Толковали, что селение русских есть в теплой стране, в верховьях Амура, а другое – на Сахалине и что там наши беглые живут вместе с англичанами, а те женаты на японках.

Шестаков удалой и смелый. Сокольников тоже не уступит ему. Летом был на шлюпке загребным, с мичманом ходил на китобоя. Было это еще в Петровском, до того, как направили его в Николаевск. Пришел с китобоя и говорит, как, мол, славно живет людям у американцев. И он этого до сих пор не забывает и вспоминает в казарме. Мол, у американцев, наверно, хозяева добрые. Он и с китобоями лопотал, говорят, что-то. А Невельской все хвалит его за способности. На все руки, мол!

Березин нынче сам слышал, как Сокольников в лесу сказал товарищам с досадой:

– Мы, воинские, должны знать ружье, а не топор. А какое право имеет мужик заставлять нас рубить лес? Да еще тыкать кулаком в зубы! Почему нас морят голодом, а за наш счет кормят гиляков?

Березин подозревает, что разговоры про селение беглых русских на Амуре ведутся для отвода глаз. А селение англичан, женатых на японках, – сказочка, а на самом деле метит эта компания совсем на другое.

Дисциплина в экспедиции, как и всюду в армии и на флоте, должна быть строгая. А офицеры-птенчики слабы. Невельской больше грозит, чем порет. Другой бы драл команду как Сидоровых коз, а держал язык за зубами. Катя его нежно просит людей не наказывать. Но такие разговоры, какие есть между людьми в Николаевском посту, по уставу не полагаются. А люди ведут их и смущают других. Березин дал тычка одному, другому, но и он не хочет за других стараться и лезть в петлю. Приходится быть осторожным, хотя при случае он перетряс бы всю николаевскую команду, как старый тюфяк. А Салов что? Он увертлив. Словно и не видит и не слышит. А услышит, когда ему прямо в рыло говорят, – покричит, погрозит, но сделает вид, что не понимает, куда дело клонится.

С такими мыслями Березин ехал из Николаевска.

В нарте у Березина – миткаль, китайка, бязь, фланель. Невельской велел скупать соболей как можно больше, товара не жалеть, чтобы перебивать у маньчжуров торг. Верно, черта ли в этом товаре, если он лежит без толку на складе! Из магазинов выскребли последнее. Невельской хочет доказать гилякам, что мы торгуем честней, чем маньчжуры, пусть, мол, гиляки, привыкают к нам и к нашему товару. А вот Кашеваров, начальник фактории и порта в Аяне, смотрит на это формально и, основываясь на распоряжениях из Петербурга, велит ни в коем случае,

³⁹ Гуран – дикий козел.

как он выразился в бумаге, отправленной осенью заведующему факторией Российско-американской компании и начальнику экспедиции Орлову и приказчикам Березину и Боурову, под строгую ответственность не растранижировать товар и совершать все операции с наибольшей коммерческой выгодой. Вот и поди! А Невельской – «не жалеть товара». И Березин между двух огней!

– Не скупитесь, Алексей Петрович, – говорил Невельской, провожая его из Петровского месяц назад. – Вы поймите, что я хочу. Не бросайтесь, конечно, нашим товаром. Но поймите: из всего, что мы делаем для гиляков, важнее всего торговля. Она – главный нерв. Мы должны соблюдать материальный интерес инородцев.

Березин так и поступает. Миткаль и бязь гиляки берут охотно и несут соболей, которых прежде чуть не даром за водку забирали у них маньчжуры.

Березин смеет действовать вне повелений и ответственности не боится. Миткаль еще не так пойдет, как бязь, и соболя будут перехвачены у богатых купцов вроде Муньки.

«Березин не слушает бюрократов и ради престола и отечества не жалеет ничего! Всякий из приказчиков на моем месте, получив от хозяина наказ и разрешение продавать товар дешевле цены, не гнался бы за барышами, а в лепешку разбился, но уж наменял бы соболей себе. Привез бы их и в валенках, и за пазухой. Барыш тут сам в карман просится, только не зевай. Но Березин хоть и мещанин, но не хуже мичманов и лейтенантов понимает идею и еще не прикарманил ни единой шкурки, а скупил их дивно!»

Вот и деревня. «Это Тыр знаменитый, где Геннадий Иванович геройствовал с шестью матросами „вне повелений“ – испугал полсотни маньчжуров!»

Вовремя приехали. Вечереет. Берег надвигается все выше, за ним тонут, скрываются дома деревни. Сиреневая мгла. За деревней лес, побелевший от мороза. Пошли к знакомому гиляку. Дом просторный, с двумя очагами и с теплым каном. Вкусно запахло звериным салом и вареной юколой. Женщины возились у очагов. Часть дома отгорожена – там собаки. Туда понесли ведро с пареной юколой.

Березин снял тулуп и только сейчас, в тепле, почувствовал, как замерз. Казалось, насквозь промерзли и этот тулуп, и полушубок под ним, и суконная куртка, и вся одежда и обувь. Он все стянул проворно и в одной рубашке уселся на горячий кан. Березин роздал подарки – всем по куску хлеба. Моложавая гилячка засмотрелась на него, потом, улыбаясь, видно понимая, как это будет приятно гостю, подала чашку горячего жира с кусочками юколы и с насыпанной туда мороженой ягодой. Попов и казаки, так же проворно раздевшись, подсели к столу. И им подали по чашке. Рыжеватый ушастый Парфентьев поражал гиляков своим ростом и цветом волос.

Березин глотнул жирку и почувствовал, как славно жить на свете, где бывают такие перемены. Грудь сразу согрелась. Давленая брусника такая вкусная!

Березин в былые годы торговал от Компании разным товаром, в том числе и водкой. Сам всегда мог выпить и, бывало, выпивал. Но пристрастился не к выпивке, а к книге. И сейчас у него с собой водка. Но есть и книга «Отечественные записки», дал Бошняк. Там новый рассказ Тургенева, несколько раз перечитывал его Алексей Петрович. Водка с собой на случай болезни и также для угощения. А со скуки, может, и напьешься, хотя Березин умеет греться и без водки. Захмелеть в такой поездке, да еще после того, как усмирял маньчжуров и гиляцких их прихвостней на Вайде, – не дай бог! Тыр – место, посещаемое маньчжурами.

Пришел старик в лохматой шапке. Снял ее. Он лыс.

– Афони нету? – спросил старик по-русски.

– А-а, Чедано!

– Алексей!

Чедано поздоровался со всеми.

– Нет Афони! Он скоро придет сверху.

– Почему сверху?

– Пошел Амгунью на Горюн, оттуда пойдет обратно. Он ведет купца Николая.

– А-а! Эй, да ведь я первый дорогу вам на Амгунь показал!

– Что же ты не откроешь свой товар? – спрашивали Березина гиляки.

Березин уже отошел от усталости, но торговать не стал. Ему хотелось разжечь любопытство гиляков.

С охоты пришел сын хозяина, достал из мешка мерзлую рысь. Околевший язык торчит из ее пасти узким красным треугольником, на окаменевших ушах – кисточки. Гиляк стал широкой спиной к сидящим на кане, подвесил рысь под крышей.

– Правда, что они маньчжурам не позволяют с пьяными торговать? – спросил он Чедано. Рысь оттаяла. С нее стала капать кровь.

Вечером менялись, играли в карты и рассказывали сказки.

Легли спать, как полагается, ногами к стене.

Невельской много раз предупреждал каждого уходящего в экспедицию, чтобы не нарушали никаких гиляцких обычаев, огонь из юрты не выносили, спать головой к стене не ложились.

– Мы среди многочисленного вооруженного дикого народа, – говорил он. – Помните, что, только уважая обычаи этого народа, мы сдружимся.

«Всех обычаев никто из нас не знает, может, я сам, не замечая, уж нарушал их тысячу раз! – думал Березин. – Почему головой к стене у них спать нельзя? Однако крысы по стене бегают, поэтому... Может, и в самом деле началось с крыс и вошло в обычай...»

Действительно, деревня большая, гиляки – народ свирепый, прирезать человека и отобрать у него товар им раз плюнуть. Но что-то держит их, слушаются, покоряются, если скажешь, что, мол, у нас вот такое-то правило есть, водкой, мол, не спаивать... Впрочем, угостить еще придется».

Трое казаков по очереди караулили всю ночь.

Утром топограф Попов проснулся рано и долго тер глаза. Потом он сидел, о чем-то думая. Незаметно, однако, чтобы он был расстроен.

– Весна идет! – сказал он наконец и спросил: – Вы какой местности уроженец, Алексей Петрович?

– Я? – удивился Березин. – Из Сибири.

– В вашей местности хороших коров держат?

Попов мал ростом, вынослив, терпелив. Никогда никаких разговоров, кроме как о деле, никто от него не слышал.

– В вашей местности сметана бывает хорошая? – спросил он опять.

– Как же!

Попов рассказал, что видел во сне сметану и масло сливочное. Он вологоддец, вырос на молоке.

– Да, но тут только во сне бывает сметана да свежее сливочное масло. А у нас на Охотском море никто и никогда не видел масла незаплесневелого.

– Масленица уж, видно, прошла, – заметил Попов и стал собираться. – Солнце светит, надо делать обсервацию. Разные сны снятся.

– И женщины?

– Как же!

– А мне нет, – соврал Березин.

В дом собрались гиляки. Начался торг. Тюки раскрылись, и казаки подавали куски товара.

– Вот миткаль! Сукно! Фланель!

Отдохнувший и повеселевший Березин распродал кусок за куском. Появились соболя. Приходилось опять меняться, гиляки денег не знали.

Вечером Березин заставил гиляков рассказывать про залив Де-Кастри. Один из присутствующих, по имени Захсор, седой крепкий старик с гноющимся правым глазом, бывал там часто. Захсор не тырский, он мангун из деревни Аур.

Березин и прежде наслушался о заливе Де-Кастри, видел карту описи Лаперуза у Невельского и слышал предположение, что там отличнейшая гавань, которой, однако, никто из экспедиции еще не видел.

Захсор брался провести Березина прямо в Нангмар.

«А что, если махнуть? „Вне повелений“? Чем я хуже?»

Березин подумал и утром объявил Попову и казакам, что решает идти в Нангмар.

«Где-то наш Чихачев, мичман, который скоро будет лейтенантом? Как-то у него идет съемка? А Березин тем временем явится в залив Де-Кастри! А Николай Матвеевич еще пока-то будет. Совсем недурно!»

Захсор оказался проводником говорливым и бойким. Выслушав предлинную легенду, которую Захсор рассказывал чуть не полчаса, казак Масеев передавал ее в трех словах.

– Что же ты ленишься? – замечал ему Березин. – Он рассказывать старается, а ты буркнешь два слова.

– Это к съемке не касается, – отвечал Масеев.

– Как не касается? Должен все передавать. Научился у наших чиновников и стал бюрократом!

На сопках лес в черных пятнах. Березин знал: это кедррачи. Одна из таких сопки, пониже других, но тоже с кедровой чернью, похожа издали на грудку свежевскопанной земли. Как будто кто выворотил две-три лопаты и бросил тут же. Вокруг лес рыжий, густой, березовый и лиственничник без иглы. Сопка вдруг оборвалась, за ней стала открываться белая площадь широкой протоки. Навстречу тянется пологий склон другой сопки и остров. На ближней стороне протоки виден ряд домишек.

– Вот деревня Кизи и вход в озеро Кизи, – рассказывал Захсор.

Объехали полукругом сопку и поднялись на берег со стороны протоки. Отсюда видна вся площадь озера. В деревне у входа в озеро у Захсора родичи и друзья, у Березина покупатели и знакомые. На острове посреди Амура тоже видно несколько домишек. Утром, оставив товары у хозяина под охраной казаков, Березин и Попов с Захсором пустились на двух облегченных нартах по озеру Кизи. Собаки, отдохнувшие за эти дни, мчались во всю прыть. Белая равнина. Кругом синие зубцы. Пошел снежок. Захсор говорит, что озеро мелкое. Местами снега на льду нет. Лед растрескался, и кажется, что едешь по бескрайней площади, которая выложена десятисаженными плитами серого и зеленоватого камня.

Ночевали в палатке, поставив внутри нее маленькую печку из листового железа. Березин всегда возил ее с собой.

Утром, перевалив низкий хребет, ехали по лесу. К вечеру во мгле добрались в Нангмар. Виден край залива во льду и снегу. Даль темна, и всюду лед, как будто нет никакого залива.

– Что же тут за народ? – спросил Березин, присматриваясь к низкорослым нангмарцам.

Дом из жердей. Тюленьи пятнистые шкуры на ветру. Их множество, они с красной мездрой, видно, недавно охотники пришли с промысла.

– У-у! Я – Еткун! А вот мой товарищ – Араска! – Маленький чернолицый нангмарец обнимал Березина. – Капитан мне приятель! Ты из Иская? У-у-у! Ну я знаю! Ну конечно, от Иски! Я – Еткун. Еткун – имя. Слыхал когда-нибудь?

– Я тебе подарки привез от капитана, – сказал Березин. – Вот нож, это бусы твоей жене. Березина, Попова и Захсора угощали тюленьим жиром и мясом.

– В море ходит корабль! Большой! – рассказывал седоусый лохматый старик Араска.

– Чей же корабль?

– Рыжий! У-у-у! Страшно. Корабль ходит-ходит, потом шлюпки пойдут к берегу...

– Корабль хочешь видеть? Иди вон на эту сопку, – сказал Еткун. – Как раз увидишь. Ходит там. Мы с охоты шли, видели. Он далеко еще не ушел, Он туда-обратно ходит.

«Если корабль ходит, об этом надо послать донесение Геннадию Ивановичу», – подумал Березин.

Утром, позавтракав тюлениной, Попов на лыжах отправился с Араской на сопку. Возвратившись, он рассказал, что в самом деле в трубу ясно видно: в море ходит трехмачтовое судно.

– Долго будешь у нас? – спрашивал Еткун у Березина.

– Нет.

– Почему?

– Придет другой человек, тоже капитана приятель, будет жить у вас. Он хочет посмотреть, как залив вскрывается.

– Когда он придет?

– Скоро!

– А вот у меня что есть... – сказал Еткун. Он ушел и вскоре принес разорванный свиток бумаги, на которой был нарисован орел и было написано по-английски, по-французски и по-русски.

По-русски написано, что извещается от имени Российского правительства: все побережье до Кореи принадлежит России и что никто не смеет обижать туземцев.

– Где ж ты взял эту бумагу?

– Капитан на Тыре дал.

«Отчаянный же Геннадий Иванович! Ему не разрешают дальше шагу ступить, а он раздает дикарям такие бумаги. „Вне повелений!“ – вот его закон!»

– Че, плохо написано? – спросил Еткун, видя, что Березин насупился.

– Нет, хорошо, – спохватился Алексей Петрович. – Только почему в такие ключья изорвана?

– Не знаю. Наверное, маленько крысы ели.

– Пусть Чихачев к нам приезжает, – говорил Араска. – Мы его примем, накормим, а будет больной – вылечим. У нас старики – лекаря. Как доктор из Иски. Мы слышали. И у нас трава есть лечебная.

«А где-то наш Николай Матвеевич? Из благородных, а идет пешком несколько тысяч верст. К счастью Геннадия Ивановича, его помощники себя не жалеют. Но у Чихачева проводник хороший, он его ведет. Чумбока – уроженец Горюна. С ним ли не идти!»

Глава двенадцатая

Морской царь

На Амуре тепло.

Сегодня солнце печет, в полдень такая жара, что хоть снимай полушубок. На душе легче, что именно по Амуру идешь, да еще вниз.

Голод дает себя знать. Медвежати́на, добытая Чумбокой, кончилась. Всю тушу с собой не взяли, половину оставили хозяину, с которым Чумбока ходил на зверя. По дороге делились всюду, где ночевали. Сухарей осталось очень мало. Приходится иногда сухарь заменять пластиной собачьей юколы. Грызешь ее в пути, чтобы не срамиться перед мангунами, чтобы не видели, как русский ест собачий корм.

Мерцал теплый воздух. Кругом горы, и чем дальше, тем становятся они все выше. Величественно. Южные скаты сопот быстро чернеют. Вода бежит из распадков и, проеда́я лед, убега́ет под его толщу. В такую погоду усталость быстро дает себя знать.

Амур все забирал и забирал в себя потоки вешних вод, но заберегов не выпускал. Лед, провисший в зимнюю убыль, все еще не выровнялся. Что огромной реке все эти ручьи! Судя по всему, настоящая весна еще далеко.

– У Амура нынче силы нет! – говорит Чумбока.

Чем ниже спускались по реке, тем холоднее становилось.

На пятый день пути по Амуру до стойбища Кизи, где должен ждать Березин, оставалось, по словам Чумбоки, верст двадцать. Шел сорок второй день похода.

Тут похолодней, снег еще не таял, сопки совершенно белы.

Николай Матвеевич старается не думать, что сегодня-завтра повстречает Березина, опасно зря обольщаться. Алексей Петрович должен доставить нарту с продуктами, лекарства, водку. Может быть письмо от Невельского, известие о том, что делается в Петровском. Если была аянская почта, есть письма из России. Ну, даже если всего этого нет, то просто с Алексеем Петровичем встретиться!

За мысом, в снегу, лежат рыжие крыши стойбища. Обогнули мыс. Открылся тесный ряд бревенчатых юрт.

На берегу какой-то человек малого роста, в полушубке и валенках, смотрит в подзорную трубу.

«Ведь это меня ждут!» – подумал Чихачев. Сердце его застучало. Он соскочил с нарты и пошел, обгоняя заморенных собак.

Человек в полушубке пошел навстречу. Николай Матвеевич узнал его, это топограф Попов, присланный летом из Иркутска.

– Здравствуйте! Как я рад... А где же Алексей Петрович? Вы с ним?

– Алексей Петрович в деревне Кизи дожидается вас, Николай Матвеевич, у входа в озеро!

– Есть у него продукты?

– Как же! Есть. Немного. Он для вас все время берег.

В юрте Попов передал письмо Березина и рассказал новости. По его словам, когда уезжали из Николаевска, о почте еще не было никаких сведений.

Более всего Чихачева поразило известие, что Березин и Попов, не ожидая его, успели побывать в заливе Де-Кастри и сделать там кое-какие съемки.

«А я-то рассчитывал, что это будет мое открытие!»

Попов добавил, что в заливе за льдами ходило трехмачтовое, видимо, иностранное судно и похоже было, что оно ожидает вскрытия льдов, чтобы войти в залив.

«Час от часу не легче!» Усталость сразу стала еще сильнее.

– А что говорят туземцы? Долго будет залив во льдах?

– Вот Захсор уверяет, – кивнул Попов на своего седого проводника, – что на этой неделе лед разойдется и море будет чисто.

– Тогда мне надо спешить туда поскорей...

Чумбока перевел слова Захсора о том, что из этой деревни есть прямая дорога в залив Нангмар. Дорога эта зимняя, надо успеть проехать, пока не начнется таяние снегов. Захсор добавил, что за два куса фланели соглашается провести Чихачева.

– И у меня все готово! – сказал Попов.

– Но вам не придется ехать сейчас со мной.

Николай Матвеевич думал, что можно будет день отдохнуть, подкормить собак, подкупить юколы, найти надежного проводника. Но теперь нечего об отдыхе думать, надо спешить, если, как уверяют, в море ходит иностранное судно и ждет вскрытия залива, а дорога в Нангмар вот-вот может испортиться.

Еще неприятность: Березин не прислал никаких продуктов, кроме сухарей. Водки очень мало, а идет весна, самое сырое, опасное время.

Попов сказал, что в деревне Нангмар на берегу залива живут два туземца, дружелюбные русским – Еткун и Араска, которые знают Невельского, они встречались с ним на Тыре. Березин и Попов останавливались у них. У Еткуна хранится объявление, данное ему Невельским. Оба считают себя гиляками, они своими рассказами расположили все население к русским.

Чихачев достал клоч бумаги и, сидя на кане, стал писать, держа его на планшете на коленях. Он сообщал Невельскому, что благополучно прибыл в деревню Оди, откуда прямая дорога в Де-Кастри, что немедленно идет туда, так как в море ходит иностранное судно.

«Я был на Амгуни и Горюне, всюду расспрашивал о направлении Хинганского хребта, и, по сведениям, полученным от жителей Горюна и Амгуни, как и от маньчжуров, это и есть Становой хребет, из него берут начало Буря, Амгунь. Хребет этот перекидывается через реку Амур и уходит к Корее. Народы, обитающие к востоку от него, видимо, ясака не платят».

Он писал, что встретил маньчжуров и договорился с ними о торговле. Они просят моржовый клык, мамонтовый зуб, сукно, ситец, железные изделия. «Я исполнил все, как вы велели. К августу нам быть на ярмарке, на устье Уссури».

Он писал, что запасы кончились, и убедительно просил немедленно возвратить Березина с распоряжениями и запасом провизии. Написал, что спешит в Де-Кастри, умоляет скорей прислать какой только возможно будет провизии, целует руку Екатерине Ивановне.

Он свернул бумагу вчетверо и подал топографу:

– Вам немедленно следовать в Кизи к Березину, пусть он сколь возможно быстрее отправляется в Петровское с этим письмом. А вы забирайте у него сухари и все, что он может мне отделить, и, пока нет распутицы, спешите с нартами ко мне через озеро Кизи в залив Де-Кастри, где мы вместе будем производить съемку.

Он написал еще одно письмо – Березину. В тот же день Попов с Афоней отправились в Кизи. Попов отдал все свои сухари Чихачеву.

Николай Матвеевич, размачивая их, ел жадно, с мясом и ягодой. Он выпил араки⁴⁰ и улегся спать на кане между Захсором и Чумбокой. Спал крепко, во сне видел, что лето наступило, все цветет, видел сад, в котором стоит родной дом в Новгородской губернии.

Проснулся – жарко от очага. Чумбока кричит за дверью, кормит собак. Мангунка качает зыбку. На дворе опять ветер, стужа. Тяжко проснуться после такого сна, очутиться в юрте, опять возиться с собаками и становиться на лыжи...

А через два дня он с Еткуном и Чумбокой стоял на утесе на берегу волнующегося ярко-синего моря. Огромные волны шли на каменный мыс. В море ни паруса. Кое-где нагромождены льдины на берегу, с косы прибой сбивает, рушит их. А на берегу они, видно, еще долго про-

---

⁴⁰ Арака – водка.

лежат. Волны бушуют торжественно и грозно, завивают вихри, родной вид их волнует сердце Николая Матвеевича, уж немало поплававшего в свои двадцать два года.

Этот прибор – как торжественная симфония, гул волн и величественный шум в самом деле странно походили на музыку.

Он вспомнил, как Екатерина Ивановна рассказывала, что иногда по ночам в тишине ей слышится музыка, словно кто-то играет на фортепьяно. Геннадий Иванович однажды сказал, что это морской царь играет на ее утонувшем инструменте. Мол, наделенные особым слухом природы слышат это. И добавил, что ему самому черт знает что тут мерещится, но только не музыка.

И вот теперь Николаю Матвеевичу в шторм самому слышится. И это страшно и прекрасно, и как-то утоляешь себя этими звуками, становится легче, забываешься.

Он с гордостью думал, что вот он здесь, на берегу залива Де-Кастри, успел и сюда вовремя. Один этот последний переход через хребет сам по себе подвиг. Невельской все твердил об этой гавани, и она мерещилась ему, как в горячке. Чихачев на берегу ее стоит, на мысе, у входа в океан. Прекрасная гавань, и море открытое и свободное. Он уж не досадует на Невельского, он благодарен ему и особенно Екатерине Ивановне, а на душе больно, больно и сладко, и верится во что-то прекрасное, что начинается тут. И всего этого не можешь охватить умом и не можешь понять, но чувствуешь, и это так волнует, что, право, совершенно не жаль, кажется, себя.

Глава тринадцатая

Чихачев в Де-Кастри

Прошло три недели, прежде чем наступила настоящая весна. Чихачев жил в Де-Кастри, ожидая, когда разойдутся льды. Время было Березину возвратиться из Петровского, а его все нет.

Не удалось повидаться с Алексеем Петровичем из-за проклятого иностранного судна! И надежды на пополнение продовольствия не оправдались. Немного привез ему Попов, отвозивший в Кизи письма. Опять разобрала досада. Геннадий Иванович такие планы развивал, так пылко говорил, что Березин послан будет с целым обозом для снабжения, повезет продовольствие и товары, а на деле оказалось – нет почти ничего. Так всегда у Невельского. На словах – одно, на деле – другое.

Чихачев только что вернулся из поездки в соседнюю бухту. В тайге слякоть, он промочил ноги. Его обувь – мангунские улы с загнутыми вверх носами – сушилась, а сам он отдыхал, грея ноги. Опять оброс густой бородой.

В заливе лед посерел и протаял, ветер и волны разбивали его и перегоняли от берега к берегу. Вдали, у мысов, море давно чисто и сверкает по-летнему, как и в тот день, когда впервые пришел сюда Николай Матвеевич и, стоя на скале, отыскивал на горизонте в трубу чужое таинственное судно.

«Но где же Березин? Ведь сейчас весь край залило водой на тысячи верст. Озера стоят на амурском льду. Сможет ли он перебраться через Кизи в такую распутицу? Сухари опять идут к концу, юкола и все эти туземные кушанья осточертели. Неужели что-нибудь случилось в Петровском? Нет сил ждать, я поеду ему навстречу».

Дверь отворилась, в юрту, нагнувшись, вошел Попов с инструментами, поставил их в углу. Он в полушубке, оброс бородой. Следом за ним вошли Чумбока и хозяин дома Еткун.

Николай Матвеевич, лежавший на кане, приподнялся.

– Описали островок! Все закончено, – сказал ему Попов.

– Слава богу! – Офицер спустил босые ноги с кана. – А я, знаете, промерз, так валяюсь.

Попов развернул карту.

– Ну давайте сложим все вместе... Полюбujemy на труды. – Чихачев оживился.

Попов, исхудавший и насупившийся, блеснул глазами. Он полез в ящик, где хранились документы, и достал другие листы. Сдвинули подушки в сторону и на соломенной циновке сложили карту залива с островами и полуостровами.

С риском для жизни на лодке и по льду Чихачев и Попов добирались в самые отдаленные пункты с помощью Еткуна и Араски. Оба мангуна с любопытством смотрят на карту. В ней и их труды. «Если бы не они, еще месяц нам пришлось бы возиться, да и так хорошо не сделали бы», – думает Чихачев.

– Наш залив! – говорит Еткун, показывая себе на грудь, потом на карту.

– Настоящий Нангмар, – подтверждает седой и важный Араска, прозванный еще в прежние годы «адмиралом».

Он похлопал Чихачева по плечу.

– По этому случаю надо заварить свежего чая, – объявил Николай Матвеевич.

Жена Еткуна умела заваривать чай, чайник был, и вскоре вся компания расположилась на кане с чашечками.

«А сухари кончаются», – с беспокойством думал Попов, развязывая мешок.

Еткун безвозмездно кормил своих постояльцев юколой и жиром. В последние дни появилась свежая рыба. Нерпичье мясо было все время. В еде недостатка нет, но все опротивело, и

без хлеба чувствуешь себя голодным. Попов и Чихачев сначала ели по четыре сухаря в день, теперь – по три.

«Наше время суровое, всем трудно, – думал Попов. – Одно слово – эпоха Николая Павловича!» Когда-то Попов гордился, что живет в такую эпоху, а теперь проклинал и эпоху и себя, что не вовремя родился.

Чихачев сказал, что решает ехать встречать Березина, да и надо узнать новости. Он полагал, что если в Петровском случилось что-нибудь, то узнает об этом в Кизи от знакомых туземцев. До прихода Попова он лежал и думами растравил себя. Противно сидеть тут со связанными руками. Его энергичная натура требовала нового дела.

– Чумбока, – обратился он к проводнику, – готовь собак и нарты, завтра едем с тобой встречать Алексея Петровича...

– А Василий?

– Василий Алексеевич останется тут, будет наблюдать за морем и судами.

Попову стало жаль, что Чихачев уезжает. Но все же это лучше, чем самому ехать. Очень тяжело было, когда Чихачев послал его в прошлый раз к Березину. Конечно, встреча с приказчиком, который везет провизию, приятна. Чем скорее встретишь, тем лучше. Но пусть уж сам Чихачев едет. Он помоложе. Да и весна – самая трудная пора...

И в то же время как-то жаль мичмана, привык к нему. Он славный малый. Тут один останешься – слова не с кем сказать. «А если с Чихачевым что-нибудь случится, тогда я совсем один, тем более если что-то неладно в Петровском».

Чихачев и Попов об этом между собой не говорили, но такая тревожная мысль была у обоих.

Вечером кипело в котле, сильно пахло нерпичьим мясом. За маленьким столиком Чихачев, Попов, Чумбока и мангуны играли в китайские карты. Чихачев уже постиг все тонкости игры и отлично разобрался в рисунках.

– Постой, брат, ты же ходишь неверно, – вдруг схватил он Еткуна за руку.

Тот резким рывком отдернул свою тонкую сухую руку и, мгновенно переменяя карту, сунул на стол другую.

– Ты что? – выкрикнул Чихачев, меняясь в лице.

– Обман! Обман! – подтвердил Араска и выхватил карты у Еткуна.

– Тебе какое дело? – разъярился Еткун.

– Я же видел! Зачем жульничаешь! Нет, брат, без передержек, ты же талию ломаешь, – объяснял Чихачев, забывая, что его никто не понимает, кроме Попова. Сородичи кричали на Еткуна, тот на Чихачева, и Чихачев на него, и все по-своему. Кроме Чумбоки, слов никто не разбирал. Но все спорили так, словно отлично понимали друг друга. Чихачев разволновался, словно он не был наследником миллионного состояния, словно игра шла на большие деньги, а не на пуговицы, которые, правда, тут на вес золота. Чихачев доказывал про талию, а Еткун ссылаясь на каких-то злых духов, драконов видимо, как понял Чихачев.

В этот вечер карты долго щелкали о лакированный столик и долго не мог успокоиться косившийся на Николая Матвеевича хозяин. Игра кончилась, уже ели нерпу, а Чихачев пригрозил Еткуну:

– Смотри, я тебя отучу жульничать...

Но проигранные пуговицы отдал. А прошлый раз он выиграл собаку, очень хорошую.

Утром Николай Матвеевич и Чумбока выехали. Едва вошли в лес, как Чихачев увидел, что дорога совсем плоха. Чумбока зол. Он сам хотел бы домой, в стойбище Новое Мео. Иногда он думал, что вообще охотно бросил бы Николая. Только совесть не позволяет, а то поехал бы к своей хозяйке. Если бы ехать домой – Чумбока спешил бы. «А то ведь пойдем в Кизи, а потом опять обратно. А разве плохое питание – нерпа и рыба?» Чумбока прекрасно мог обходиться и

этим. Он не разделял беспокойства Николая Матвеевича. Он еще вчера несколько раз говорил ему, что дорога плохая.

– Надо ехать, надо ехать! – твердил Чихачев.

«А зачем ехать? – думал Чумбока. – Пока лед пройдет, можно отдыхать и никуда не торопиться. Хозяева хорошие, дом теплый, живи в свое удовольствие. И Невельской не может нам ничего приказать и никуда не может послать». Чумбока надеялся, что, когда кончится съемка залива и настанет распутица, можно будет отдохнуть. Но вот Николай опять затеял новое дело. Опять все из-за сухарей! Конечно, плохо, что у него сухарей нет. Но разве без сухарей жить нельзя? «Вот как русские разбалованы – без сухарей обходиться не могут...»

– Тебе надо сухарей, ты бы сам и ехал, а зачем надо меня тащить и собак мучить? Без меня ни на шаг! Искал бы без меня дорогу на озеро, – ворчал Чумбока по-гольдски, так, чтобы Николай не понял.

В душе гольд догадывался, что не из-за одних сухарей Чихачев пустился в путь. Но в Петровском тоже ничего плохого случиться не могло, и не только в Петровском, но и в Аяне, и всюду в тех местах, где бывал Чумбока, в эту пору никаких происшествий не случается.

Собаки затащили нарту на сопочку и стали. Всю дорогу снег глубокий, мокрый, собакам трудно. Вчера Чихачев ездил по берегу моря и не дал им отдохнуть. Чумбока кричал и, ругая Чихачева, ударял собак палкой. Но они ни с места.

Собаки везли лишь палатку с печкой, оружие и небольшой груз. Напрасно Чумбока пытался поднять их. Собаки залегли. Им дали по куску юколы. Вожак поднялся и с большим трудом стал карабкаться дальше. Одна из собак путалась в постромках и висла на них. Чумбока ударил ее, но она не поднималась. Он выпряг ее. Она жалобно выла, отставая и глядя вслед медленно уползающей нарте и уходившим людям.

Ноги у Чихачева промокли. Плохо дело. Возвращаться нечего и думать.

Вчера, вернувшись из поездки, он так проголодался, что, не согревшись, необтерпевшись, застывшими зубами схватил горячее мясо. Страшно грызть мороженое мясо, но еще страшней морожеными зубами схватить горячий кусок. Сначала ничего, а потом весь вечер зубы ныли. Вечером боль стихла, а теперь опять. Грудь дышит глубоко, подъем пологий, идти трудно, погода сырая, мерзнешь хуже, чем в мороз, грудь заложило, спирта так мало, что жаль тратить последнее, да и самое трудное впереди.

– Чумбока! – крикнул он. Хотел спросить, пройден ли перевал, но проводник идет впереди и не отвечает. Через некоторое время остановились, опять дали собакам по ломтю юколы. Посидели на нарте, съели по куску нерпичьего жира.

– Перевал прошли! Вот как раз тут перевал, – сказал Чумбока, показывая пальцем на землю. Он притворно закашлялся.

– Ты болеешь?

– А что же! Конечно болею!

Дальше идти стало легче. На стоянке бросили еще одну собаку.

«А много наблюдений полезных делаешь, – думал Чихачев. – Да бог знает, кому они нужны. Если бы я мог писать! Но таких романов вообще нет на свете. Сам Купер⁴¹, видно, не имел представления ни о чем подобном». Чихачев вспоминал прочитанные книги и думал, что если они написаны правдиво, то очень сухи, как Геннадий Иванович говорит, что-то, мол, вроде шканечного журнала⁴². А занимательные романы – вранье ужасное, так как придумывают то, чего на самом деле не бывает, и всякие приключения приукрашиваются. Чихачев и не собирался ничего писать. Он лишь желал знать, сколько миль от перевала до озера, и, если бы

---

⁴¹ Купер Джеймс Фенимор (1789–1851) – американский писатель, автор исторических романов из эпохи борьбы за независимость США и принесящих ему широчайшую известность книг о жизни индейцев Северной Америки. Романы Купера стали появляться в русском переводе с середины 20-х гг. XIX в.

⁴² Шканечный журнал – вахтенный журнал.

ему удалось вставить эту цифру в рапорт – это для него было бы дороже всякого романа, если бы он даже и мог сочинять. «Черт бы их побрал, этих романистов!» Чихачев идет и считает шаги и следит по часам. Чумбоке велено идти прямо, не сворачивая. «Надо только сухарей и провизии, чтобы были силы поскорее закончить все и убраться в Петровское. „Убраться“, конечно, с умом, сделав все как следует, а не кое-как, лишь бы сбежать».

Вечер. Собаки еле живы. Чумбока стал разводить костер, он разулся и жалуется, что вспухла нога.

А вокруг много любопытного. «Вот солнце заходит и просвечивает сквозь мхи, висящие на деревьях. Ветер качает мхи... Все интересно в лесу, как и на море... А какими страшными глазами смотрит усталая собака, когда ее бросают».

Утром Чумбока опять жаловался на ногу, злился. Чихачев рассердился на него и, когда вышли на берег озера, где стояла одинокая юрта, сказал:

– Знаешь, оставайся-ка ты тут с собаками, я дальше пойду один.

Чихачев видел – дальше нарту везти нельзя, все собаки передохнут. Их всего три осталось.

Чумбока подумал, что Николай шутит. Тот достал высохшие за ночь у костра запасные ичиги, переобулся, уложил в котомку оставшиеся сухари и кусок жира.

– Николай... А Николай! – заговорил смущенный Чумбока.

– Нет уж, ты не хотел идти, так оставайся! – отрезал Чихачев.

Проводник заморгал.

– Да ведь знаешь, я не со зла, суди сам, зачем потащимся вдвоем, – примирительно сказал Чихачев и вышел.

На озере вода и слякоть, все размякло. Но есть путь по берегу озера. Надо пройти тридцать верст.

«Хорошо, что прошел я сам через перевал. Теперь не со слов туземцев, а сам могу объяснить Невельскому все. Перевал протяженностью верст восемнадцать, не больше двадцати во всяком случае, низкий, не выше ста пятидесяти футов на водоразделе». Эти мысли придавали бодрости Николаю Матвеевичу.

Он сам удивлялся, как до сих пор все переносил. Он ел сухую пищу, невкусную, а желудок работал отлично. Спать научился в любой юрте и в нартах. «Но, боже, лягу ли я когда-нибудь после бани на всем чистом? Когда все это будет?» Он часто вспоминал мать, особенно на сон грядущий, когда читал «Отче наш», и помнил всегда, как она его обучала молиться. Одно трудно – грязь, вши. И тех бить научился ногтями. Много чему тут научишься, что в романы не идет и чего у Фенимора Купера не вычитаешь...

А навстречу кто-то брел пешком. Видно, какой-то туземец ехал, а вот Чумбока уверял, что сейчас ни один из здешних жителей не пойдет. Встречная нарта исчезла в ложбинке. Николай Матвеевич зашагал быстрее и вдруг лицом к лицу столкнулся с высоким светлородым человеком в тяжелых рукавицах, в огромной рыжей шапке.

– Алексей Петрович!

– Николай Матвеевич!

– Сухари?

– Сухари и водка!

– Невельской жив?

– Все благополучно! Письма из Новгорода и Петербурга и от Геннадия Ивановича. Да вот еще...

– Что это?

– Крест.

– Как?

– Нателный крест свой послал вам Геннадий Иванович... – Чуть заметная усмешка мелькнула в глазах Березина, но он тут же сдержался, видя волнение Николая Матвеевича. – Благословение... Больше, мол, послать нечего! И запасы все, какие были. Вот письма. В Петровском много больных цингой.

Чихачев взял крест, поцеловал и, расстегнувшись, надел на шею. Потом дрожащими руками стал ломать печати и рвать конверты. Через некоторое время он успокоился и присел на нарту.

– Есть у вас что-нибудь? Я ужасно голоден. У меня осталось два гнилых сухаря, зеленых.

Березин развязал мешок. Николай Матвеевич стал жевать сухарь и глотать кусочками сливочное масло и снова перечитывал письма.

– А где же Бошняк? – вдруг спросил он.

– Тоже в экспедиции. С казаками Парфентьевым и Беломестновым и гиляком Ганкиным прошел мимо Кизи, отправился вверх на озеро Удыль.

К вечеру вернулись в одинокую юрту.

– Эй, Чумбока! – грубо закричал Чихачев, подъезжая.

Заспавшийся проводник испуганно выскочил из юрты.

– Распрягай! Провизию привезли!

На другой день Березин отправился обратно в Кизи. Невельской дал ему приказание измерить глубину протоки в озеро Удыль. Чихачев понимал, чего хочет Невельской. «Невельской ищет мест на озерах, удобных для устройства судостроительных заводов. У него, как всегда, планы великие, и он целит далеко в будущее. Пока что без Еткуна с Араской, Захсора, Ганкина и Чумбоки мы тут ни на шаг». Но, как бы то ни было, Чихачев отчетливо представлял, что план Невельского смелый и вполне выполнимый, и он только удивлялся, как Геннадий Иванович, сидя у себя на косе, посредством малых сил, трех-четырех офицеров и приказчиков, ухитряется находить все, что ему надо. «Он видит все так, словно вырос в этом краю. Чтобы расположить к себе туземцев, он растранижил все, что было в лавке и на складе, гиляки от него без ума, а заведующий факторией в Аяне и правление Компании в Петербурге – в бешенстве, что он у них корабли поразбивал, товары все раздарил, а самих их иначе как мерзавцами и подлецами не называет и сообщает им, что приказаний их велит не исполнять».

Все это понял Николай Матвеевич из письма Невельского.

«А ведь вообще-то, конечно, он два судна разбил. И что у него будет к августу, даст ли ему товар фактория и сможем ли съехаться с маньчжурами для размена, с которыми условлено и дано русское слово? Трудно сказать!»

Березин уверял, что Геннадий Иванович был без ума от радости, узнав из письма Чихачева, что тот договорился о встрече с маньчжурами для торга.

По словам приказчика, Геннадий Иванович не только не чувствует себя виноватым перед правлением, но все время пишет в Петербург к губернатору, требуя уничтожить зависимость экспедиции от Компании. И в то же время Березин уверяет, что Невельской сам хочет сесть в Петербурге на место председателя правления Компании, но для этого ему надо сделаться адмиралом. «Березин, как всегда, привирает, конечно, хочет удивить своей осведомленностью. Умен, а слабости детские. Надо же такую чушь пороть!»

Доволен был Невельской и сведениями, которые сообщил ему Чихачев о направлении гор. А Чихачев и сам не знает толком, как идут хребты и сколько их, но явно – один протянулся к югу. Очень возможно, что Невельской и тут верно предугадывал многое, как предугадал он и пролив у Сахалина.

Геннадий Иванович требовал идти на лодке от Де-Кастри до Петровского, описать побережье. Попова оставить в Де-Кастри на лето, чтобы объявил иностранцам, если явятся, – край наш.

– Смена ему будет летом, – на словах добавил Березин, – придет на зимовку целый отряд с одним из офицеров.

Березин предполагал, что дело поручат ему или Бошняку.

На обратном пути, поднявшись на перевал, Чихачев остановился. Плакать хотелось от сознания того, что не одинок, что в этой огромной стране, кроме него, несколько человек таких же, как он, по месяцам лишенных возможности не только слово сказать друг другу, но и снести письмами, так дружно делают одно и то же дело.

«Вот грязь, вода, собаки дохнут, а я иду, и где-то идет Коля Бошняк, и Березин идет своим путем, и Геннадий Иванович... И Екатерина Ивановна ждет всех нас. „Как можно скорей“, – пишет Геннадий Иванович. И ее приписка в письме: „Ждем вас...“ Боже, счастье какое! А я думал, что вот еще недавно был другим, даже слышался мне Бетховен в плеске волн, а теперь завшивел, весь в болячках, оборванный, из-за карт с туземцами чуть не в драку лезу...»

Получив письма и поговорив с Березиным, он почувствовал, что еще вернется в свой круг, и, как знать, может быть, победителем, и, верно, далеко пойдет!

...В Де-Кастри лето совершенное. Бухта очистилась. На берегу трава, цветы. Араска тащит из тайги пучок лесного лука. Угостил Чихачева и Чумбоку, которые, сложив лыжи на нарты и налегая на ременные петли, помогали собакам тащиться по грязи и песку.

Чумбока разулся.

– У-у! Какая земля тепленькая. Николай, бросай обутки.

– К нам гости приехали, – объяснил Араска. – Хорошие люди из залива Хади⁴³. Это большой залив, не очень далеко. Они как раз остановились у Еткуна, где живете вы с товарищем. Познакомитесь и будете друзьями... Спроси их про залив, я знаю, тебе это надо. И Невельской жадный на это дело.

---

⁴³ Залив Хади (Хаджи) – Императорская, ныне Советская гавань.

Глава четырнадцатая

Казак Парфентьев

Вернулась экспедиция с Сахалина. Бошняк болен, у него опухли ноги. На обратном пути, в пургу, половина собак передохла. Проводник – гиляк Позь – после болезни ослаб и еле шел. Семену Парфентьеву пришлось тащить вместе с тремя оставшимися собаками нарту с больным офицером.

Привезены карты, образцы угля, руд, много интересных сведений о Сахалине. Бошняк и Парфентьев – пока единственные знатоки Сахалина и уголь видели сами. Парфентьев первый поднял его кусок. Потом на стоянке, пока Бошняк в юрте бинтовал больные ноги и читал на память стихи, Семен лазил на гору, рубил уголь. Узнав, что есть жила в обрыве, Бошняк послал его туда. Николай Константинович, перебинтовав ноги, полез в гору и повидал все сам.

Невельской же не был на Сахалине. Он задержался на островах, пытался зимой определить, где фарватер, но из этого ничего не получилось. Но любопытнее всего несколько листов из русского молитвенника, привезенные с Сахалина.

«Мы, Иван, Данила, Петр, Сергей и Василий, – написано на заглавном листке еле разборчивым почерком, – высажены Хвостовым в селении Томари⁴⁴ и потом перешли на реку Тымь».

Невельской не выпускает листов из рук.

– Где вы их достали?

– За три аршина китайки Семен у старухи выменял, – говорит Бошняк.

Лицо у него бледно и обросло черной бородой.

– На Сахалине, на реке Тымь, Геннадий Иванович, местами население состоит из потомков тунгусского племени, переселившихся с материка.

Позь в это время болел, оставшись в деревне у гиляков. Но оказалось, что Семен Иванович прекрасно понимает по-тунгусски. Сначала он о чем-то очень долго говорил с хозяйкой, она разволновалась, потом достала эти листки, которые, кажется, берегла, как драгоценность.

– Туземцы показали нам места, где жили русские. Остались фундаменты изб. Видно, что у них были огороды. Последний из русских недавно умер, но не в этой деревне.

Бошняк рассказал, как к нему подошел в одной из юрт, где они обосновались, голубоглазый мальчик, потомок русских.

– А по-русски не понимает ни слова. Взял меня за руку, прижался щекой. На другой день, когда мы уезжали, он пошел провожать нас и долго держал меня за рукав. Потом попрощался и побежал домой.

Казак Семен Парфентьев считается тихим и молчаливым. У него худое длинное лицо в светлой бороде, большие, сильные, широкие в кости руки.

Он стесняется своего выговора при «российских», но он на хорошем счету в экспедиции.

– Оставайся обедать! – сказал ему капитан.

– Шпашибо, Геннадий Иванович. Нынче уже накормили нашу экспедицию дошита.

– Чем же?

– Шобачиной-то! – ответил Семен.

– Как это?

– Да так, двух шобак шъели, опоганилишь!

– Оставайся обедать.

---

⁴⁴ ...высажены Хвостовым в селении Томари. – В 1806–1807 гг. Н.А.Хвостов и Г.И.Давыдов на кораблях «Юнона» и «Авось» совершили плавание к Южному Сахалину в залив Анива. Хвостов объявил айнам о принадлежности Сахалина России. Вопрос о том, оставлял ли он на Сахалине матросов, о чем писал в своей книге Г.И.Невельской, исследователям представляется спорным.

– Нет, шпашибо, – повторил казак.

– Рассердился Семен не на шутку! – сказал капитан.

– Он с характером, – ответил Бошняк.

– В Охотске лучшим лоцманом считался для ввода судов в устье Кухтуя. Я удивился, что Завойко⁴⁵ его ко мне прислал.

Парфентьев ушел в казарму, там жена его Матрена приготовила мужу обед из свежего оленьего мяса, которое заморожено у нее давно. Нашлась и припасенная для мужа арака. Вечером после бани Парфентьев опять пил араку, потом пошел пройтись и встретил у магазина сходявшего с трапа капитана.

– Вот тебя бы на Шахалин. Там еще снег холодно шкрипит.

– Зачем же мне на Сахалин?

– Штобы жнал! А то шам не жрешь и другим не даешь! На чем душа держитшя! Дворянин, людьми можешь торговать!

Невельской взял его крепкой рукой за рубаху, а другой хотел схватить за бороду. Парфентьев захватил его руку своей огромной ладонью и покачнулся.

– Ну так, паря, это ково же! Ты наш швоей рукой крепко не хватай. Мы жажотим – уйдем! Шкажи шпашибо, у наш швой ум ешть!

Алена Калашникова в это время вбежала в казарму и сказала Матрене, что Семен с капитаном у магазина дерется.

– Да что же это он, на виселицу захотел! – испугалась Матрена. Пока она бежала к магазину, Невельской и казак некоторое время о чем-то говорили, держа друг друга за руки, и потом мирно разошлись.

– Ты что, дурак, камчадал проклятый! – стала бить Семена жена кулаками по голове. – Ково же ты лезешь, дурь ты собачья! Ах ты, тварь!

– Мы штараемшя, они думают – от штраха. Нет, их можем перевешать и уйти. Наш любой джонка вожмет.

– Это ты сказал ему?

– Шкажал! Он всех порет, а шамого Невельшконого надо бичом жа такие экшпедичии!

– Ты и это сказал?

– Шкажал! А он: мол, я, Шемен, отдал вше, што было, штаралшя... «Тебя бы, – шкажал я ему, – шобачину жрать жаштавить!»

– Замолчи! Дурь ты собачья! Куда ты нас теперь денешь?

– Вот и говорю, што терпим, а ково же морят! Ражве мы не понимаем, жачем экшпедичия. Да ты не деришь... Шмотри-ка, мешяц-то какой, это шолнышко его ушшербляет, ден-то шветлее, длинше, к вешне дело пошло.

– Нагулялся! – объявила Матрена, втокнув мужа в казарму. «Слава богу, если никто не видал».

На другой день не садились завтракать. Невельской прислал боцмана за Семеном.

– Че, шуд? – спокойно спросил Парфентьев, придя к капитану и стоя в дверях.

– Нет. Садись чай пить... Я тебя должен в новую экспедицию назначить.

– Куда?

---

⁴⁵ Завойко Василий Степанович (1809–1898) – кругосветный мореплаватель, впоследствии адмирал. В 1827 году мичманом участвовал в Наваринском сражении. С 1840 по 1850 год служил в Российско-американской компании, был начальником Охотской, а затем Аянской факторий. С 1850 года – военный губернатор Камчатки и командир Петропавловского порта, возглавивший его оборону при нападении англо-французской эскадры в 1854 году. В 1855 году с переносом порта на Амур назначен командующим всеми находившимися там морскими и сухопутными силами. В 1856 году переведен в Петербург в морской генерал-аудиториат. Автор воспоминаний «Впечатления моряка» (1840) и статей «Залив Аян» и «Нападение на Петропавловск англо-французской эскадры» («Морской сборник», 1854). Для характеристики обстановки в Петропавловске-Камчатском во время англо-французского нападения представляют интерес записки жены В.С. Завойко – «Воспоминания о Камчатке и Амуре Юлии Завойко (1854–1855)». М., 1876.

– Вверх по Амуру, на Удыльскую протоку. С Николаем Константиновичем.

– А че его нет? Он же у ваш штолуется?

– Он еще отдыхает, болен. Но идти не сейчас, через две недели. Ты понимаешь, зачем производим исследование?

– Я вчера шкажал, што понимаю, Геннадий Иванович!

Невельской достал карту.

Парфентьев стал объяснять, что надо не так снаряжать экспедиции, как до сих пор.

– Офицеры, бочмана ли, откуда они жнают тайгу! Ну так это ково же! Штрой – знают.

А имя тайга – мачеха!

– А ты понимаешь?

– Как же!

– А зачем наша экспедиция, понимаешь?

– Я не понимал бы, так эти лиштки бы штарухины брошил бы, штарухе бы оштавил!

– Я это вижу!

В этот день Невельской так обсуждал с Парфентьевым предстоящую экспедицию, словно казак был назначен ее начальником.

– Конечно, надо мешто большие корабли штроить! – соглашался Семен. – Ешли хорошее мешто, надо пошмотреть.

– Вот и надо исследовать протоку, соединяющую озеро Удыль с Амуром. Остановитесь в деревне Ухтре и будете ждать весны. Будешь наблюдать, покроются ли водой берега протоки, можно ли выбрать там место для завода. Если глубина хороша и берега ее не затопляются, то, может быть, место окажется удобным для эллинга.

Невельской велел ему взять под расписку товар, отдельно на себя и на Бошняка, и торговать отдельно.

Парфентьев к этому отнесся серьезно. Он уже знал, что Чихачев встречался с маньчжурами из стойбища Пуль и что был голоден и стыдился этого.

Парфентьев потребовал разных товаров.

– Второй раж подряд показать им наш голод и ошрамиться нельзя, Геннадий Иванович!

– Это верно! Вот и постарайся не ударить лицом в грязь. А ты слышал разве что-нибудь?

– Про что это?

– Ну, когда шли и у гиляков ночевали. Они что-нибудь про нас говорят?

– Как же!

– Что мы бедней маньчжуров?

– Нет, не про это. Я вот жапамятовал, кто... Кажется, штаруха гилячка на Удде говорила: жачем, мол, капитан у ваш вшех порет и ешть не дает? Такая, говорит, жаража на ваш навязалась. Его бы, мол, шамого бы бичом выпороть. Мол, у ваш люди ходят как тени.

– А что еще эта старуха говорила?

– Да пока больше ничего. Я их плохо понимаю. Вот по-тунгушки я могу. Это шамый хороший народ – тунгушы. Ш рушскими нельзя шравнить. Даже ш гиляком и то нешравнимо! Тунгуш – чештный, не обманет, пошледним поделитися, ш голоду умереть не дашт!

Глава пятнадцатая

Для судостроительного завода

Николай Константинович сидит у входа в мангунский зимник, строенный из тонких, стоймя вкопанных жердей со столбами. Все это обмазано яркой глиной, крыто ладной крышей, крайние жерди не отпилены и украшены резьбой, поэтому низкий желтый дом как бы с огромными рогами.

Окна все на протоку, и в них цветная бумага. Рядом с Бошняком сидит хозяин Куйча в красном ватном халате с отделкой в три разноцветные полосы по расхлесту.

Небо ясное; на берегу, над широкой, как река, протокой, чащи леса красны в лучах раннего солнца, и красные отблески видны по лужам, натаившим на льду.

Весна и на душе у Бошняка, какое-то ликование, оттого ли, что света так много и тепло, оттого ли, что выздоровел и чувствует себя хорошо или что попал в этот новый мир, к другому народу, гостеприимному, так разнящемуся от гиляков. Те, как моряки, суровы, чуть что – за ножи, одежда их – тюленьи шкуры, желтые, как бархат, и собачьи шкуры, да изредка лишь носят по праздникам покупные вещи.

А мангуны все в ярком, видно перекупленном у маньчжуров. Они нарядились, ждут весны. На протаявшей, без единой льдинки или сугроба, сплошь галечниковой отмели приготовлено множество лодок, и каких тут только нет: берестяные, дощатые, долбленые.

Бошняк и Семен едва успели доехать. Спешили по Амуру; Невельской велел все время следовать вдоль левого берега, так что справа день за днем тянулись обрывы, и чащи, и поймы, а правый берег синел слева, как далекая загадочная страна.

Мангуны в стойбище все дома, охота у них закончилась, встретили приезжих радушно. У них тут не только собаки, но и свиньи, коротконогие, черные, со щетиной на хребтине, как у диких кабанов. У хозяина есть кошка...

Куйча – скуластый, белолицый, пожилой, безбровый, с умным взором. Его дочь, стройная, в красном платке и синем халате, стоит вдали на камне и смотрит туда, где протока сливается с Амуром.

Куйча рассматривает секстант, которым Николай Константинович производил съемки. Бошняк объясняет. Семен переводит и тоже объясняет. Верно советовал ему Орлов: «Вслушайся и будешь понимать по-мангунски». Мангунский язык в самом деле похож на тунгусский, который Семен знает с детства, отец еще дружил с тунгусами. И Семен чувствует себя так, словно приехал к своим.

Вдруг Куйча вскинул обе руки и раскрыл рот.

– Понял! – сказал он, как бы сильно испугавшись.

Целая орава стариков и мальчишек в расшитых длинных и коротеньких, чуть ниже пояса, халатах пришла в восторг.

Куйча знал, что такое часы и зачем они. Но секстант дался ему трудней. Гости долго и терпеливо объясняли. Семен бывал с офицерами в экспедициях. Он умел, как и многие нижние чины экспедиции, производить съемку.

Объяснив все, гости покорили любознательного ульчу более, чем подарками и платой.

Пролетела стайка уток.

Парфентьев обрадовался, открывая солнцу ряд крупных зубов, и воскликнул, показывая рукой на воду:

– Это шилохвостки! На хвосту два шильча, как у лашточки.

Удалой мальчишка ударил из лука. Утки поднялись и улетели.

– Самая первая летит ворона, – говорит Куйча. – Ее первую слышно. Лед пройдет, тут много птицы полетит. Сразу много рыбы будет. Уже сейчас на заберегах люди ловят. Как лед начнет ломать, рыба кинется к берегу... Потом под водой пойдет трава, сохатый придет.

Красноносый сынок Куйчи принес убитого острогой тайменя, двух сазанов и черно-золотистого амура. На берегу бьют рыбу, собаки бегают по берегу и тоже ловят на мелях.

Утром похолодало.

– Лед будет рашходитьша, – говорит Семен.

Куйча подтверждает.

Тут между матерыми берегами ширина реки с островами и поймами, по зимней съемке Чихачева, двадцать пять верст. Матерые берега крутыми сопками в густых лесах стоят над огромной площадью вод, пойм и травянистых островов. Видно, как с одной из сопки туман поднимается тремя косыми столбами, словно там курятся в ее вершине три огромных костра. Несмотря на то что забереги выступили, и начался лов рыбы, и лед покрыт водой, люди на нартах ездят по реке и протоке.

– Собаки веселые, – объясняет Куйча, – быстро бегают. Знают: скоро будет много еды.

– Шейчаш время рубить леш на мелкие поделки! – говорит Семен хозяйственно. Ему скучно без дела. Он взялся ладить хозяину столик, но нет нужных инструментов.

Бошняк попросил женщин показать вышивки и праздничную одежду.

– Лебедь прежде был девкой, – говорит Семен, строгая палку.

Хозяйка принесла халат из бордового китайского шелка, вышитый ярко-синими птицами и цветами. Маленький старик с тонкой переносицей и птичьим лицом, скаля зубы, сказал:

– У меня тоже халат есть, да крови нет, не греет.

Все засмеялись.

На девичьем халате искусно вышиты змея, дракон, бабочка, утка и цветы. У зеленой змеи язык красный, утка зелено-желтая, а глаз тоже красный, цветы подобраны умело, со вкусом.

«Уйма вкуса! – думает Бошняк. – Вот тебе и на! Нет, это не дикарки!»

Появилась девичья шапка, расшитая белым бисером.

...Сейчас нельзя искать удобное место для судостроительного завода.

Невельской говорил: «Оставляя за Николаевском всю важность крепости, защищающей вход в реку, необходимо приискать место, более удобное для постройки судостроительных эллингов, в то же время вблизи берегов Амура, чтобы можно было пользоваться вековыми лесами, в которых есть все нужные для судостроения породы».

Протока из Амура в огромное озеро глубока, широка, удобна. Леса – рядом. В них и дуб, и ясень, и – показывали туземцы – орех, вроде грецкого, и на сопках – кедр, сосна преотличнейшая. Место – удаленное от побережий, скрытое от врага. Но Семен говорит, что тут высоко вода в Амуре подымается, судя по следам на деревьях, все топит, кроме холмиков.

Невельской дал в эту экспедицию лучшие свои инструменты: пелькомпас и новый секстант, хронометр... Военное поручение!

Если в самом деле место здесь окажется неудобным, что делать? Бошняк расспрашивал у Куйчи, где еще есть озеро глубокое, соединенное с Амуром и при высоких берегах.

– А зачем тебе? – спросил маленький старик с тонкой переносицей.

Куйча обстоятельно объяснял, что такие хорошие места есть напротив деревни Мылки вверх по реке, на озере Додьга, там очень высокие берега в лесу и без леса.

Куйча подарил Бошняку свой нож в ножнах из кусочков дерева, перевитых плотно ремешками. Николай Константинович отдал кинжалом в оправе, усыпанной яркими стеклами.

Вечером приехал сын хозяина и рассказал, что был далеко на Амуре, заезжал к маньчжурам в стойбище Пуль, и они там до него узнали, что в Ухтре проехали русские. Маньчжуры собираются сюда.

– Пронюхали!

Куйча плюнул с досады и стал браниться.

– Это не беда! – остановил его Парфентьев. – Мы их ждем и хотим видеть. Они наших нынче выручили. Надо нам их отблагодарить и угостить как следует.

Водка с собой была. Бошняк согласился, что нельзя осрамиться. Решили угостить маньчжуров обедом.

Куйча показал белую баранью шубу, которая называлась бальды. По его словам, такие шубы в большой цене всюду.

– Их покупают у маньчжуров, и маньчжур же их портит! Приедет собирать албан – так прежде было, – и если не дашь соболя за каждого мужика и мальчишку, он возьмет ножницы и срежет с бальды шерсть! Купец богатый так же сделает, если не отдаешь долги.

– А у тебя бальды штрижены? – спросил Семен.

– Нет. У нас выдр много, и я всегда отдавал долги выдрами. Это вы, русские, цените соболя. А маньчжур хорошую выдру ценит дороже. У них выдра идет на одежду амбаням... Видишь, маньчжуры как всполошились, когда вы приехали. Они все хотят узнать, зачем вы на нашу протоку приезжаете.

Куйча согласился за хорошую плату зарезать одну из своих свиней.

На заберегах мальчишки наловили рыбы. Водка, мука и масло были. Семен готовил обед. Женщины помогали ему. На сковородках жарились лепешки.

– Маньчжур берет юколу даром почти, – говорил Куйча, срезая шкуру с убитой свиньи, – а весной, когда охотники вернутся из тайги, если у них нет мяса на корм собакам, купцы продают по двадцать пластин юколы за соболя!

– Николай Константинович! Дров тащи, – велит Семен. – А то мне от тещи не оторваться.

И Бошняк шел, рубил лесину на поленья, ломал хворост.

Но вот на прогоне видны нарты, красные, широкие, как кресла. У передней собаки – дуга с колокольчиками. Из нарт вылезли Ургэн и Тин Фа. Из других нарт еще трое. Бошняк и Парфентьев обнимали их по очереди и приглашали в дом.

– Скоро начнется большой перелет. Очень большой, – говорил за обедом тощий уса-тый Ургэн, – потому что наш государь выпустил гуся. Этот императорский гусь с золоченым клювом полетит первым, подавая пример от имени императора... Давая правильное направление...

Мангуны ели свинину, кашу, пили вино и слушали, тая дыхание.

«Маньчжур, как и всякий обманщик, всегда рассказывает что-нибудь очень любопытное», – думает Куйча.

Ургэн рассказывал Бошняку, что у него и у Тин Фа по пять приказчиков, что они служат на паях, держат деньги в деле, что своих лавок ни у кого нет. Купцы останавливаются в юртах у знакомых, которые известны давно.

– Приезжай к нам в гости обязательно. Будем играть в карты, научим тебя в наши карты. Еще у нас есть игра в кости. Бабу положим с тобой молоденькую и твоему товарищу дадим по вкусу.

– У нас это не делается! – гордо ответил Бошняк и густо покраснел, услышав от Семена перевод.

– Твари они, – заметил Семен по-русски. – Вон Куйча и то плюетшая!

Вдруг, к удовольствию торговцев, Семен развернул плис, красное сукно, потом достал моржовый зуб, кость, шапки казанской работы.

– Ое-ха! – в восторге вскричал Тин Фа.

Даже суровый Ургэн вскочил и хлопнул себя руками по бедрам. Впрочем, на Парфентьева это мало действовало, он знал, что тут не столько восторгов, сколько желания соблюсти

вид и вежливость. Потом опять пили вино, ели леденцы, хлеб, сладкое печенье на свином сале, которое настряпал Парфентьев.

Маньчжуры заночевали, утром Семен и Бошняк опять их угощали. Николай Константинович поблагодарил их за помощь Чихачеву, раздал подарки – ножи, сигары, кошельки с отделкой. Довольные маньчжуры взяли слово с Бошняка и Семена, что приедут в Пуль. Купцы укатили на собаках, звеня колокольчиками.

Через день Бошняк, Парфентьев и Куйча отправились.

Стойбище Пуль стояло над Амуром на высоком берегу.

Маньчурам отведена половина у богатого гиляка в длинной фанзе, у них свой отдельный очаг, свой повар. Снова начался пир, разговоры.

Приехал красивый старик купец, большого роста, с белокурыми усами, в белой шубе, в такой же бальды, как у Куйчи. Маньчжуры встретили его с почетом, познакомили с гостями. Всего собралось семнадцать маньчжуров. Они веселились, играли в карты, проигравшие пили водку; один из маньчжуров-приказчиков проиграл несколько раз и был мертвецки пьян. Все смеялись над ним.

Старик ласково беседовал с русскими. Кто он такой, никто не говорил. Бошняк помянул про англичан; старик смутился, вынул платок, вытер вспотевший лоб. Он быстро овладел собой.

«Много же их тут, – думал Семен. – И старые, и больные, и вороватые».

В обратный путь ехали почти все время по воде. Лед почернел. Торосы оттаяли и сверкали как зеркала. Бошняк думал, как сумеет Невельской достать товар для будущей торговли. Маньчжуры просили приходить чаще, назначили дни и места, где бывают торговые сборища вроде ярмарок.

– Если китаец услышит, где поймали черную лису, – рассказывал дома Куйча, – хоть неделю ему ехать – явится. Бегают по Амуру, ищут.

– А как охотитесь?

– Молимся!

Разговор зашел о шаманах. Куйча уверял, что надо молиться и тогда будет удача.

– Он шаманит, – пояснил Семен, – и на тот грех ему лучше дается.

– Кури, Кури! – ласкал Куйча вбежавшую собаку; у нее почти желтая шерсть, хвост не лохматый.

– Хорошая шобака! – заметил Семен.

Куйча сидел на нарах, поджав под себя ноги с черными пятками. Бошняк взял в руки его улы из рыбьей кожи.

– Гиляки легковешные, – заметил Семен, – поджарые, им хорошо в таких, а мне эти обутики на один день.

Амур ночью грохотал и быстро, в два дня, прошел. Над всем пространством очистившихся вод, над лесами и затопленными островами, словно по громадной трубе, как бы в несколько слоев летели птицы.

«Где тут императорский гусь?» – думал Бошняк, удивляясь хитрости торгашей.

– Чирки-то, чирки... – говорил Семен, держа ружье в руке.

Кулики прилетели, уселись на перевернутые лодки. А на протоке вода кишит, вся в пузырях от множества рыбы. Жена Куйчи пришла из тайги, принесла охапку сухого орешника, а дочь – пучки тоненьких побегов дикого лука и жесткой черемши. В тайге уже много белых цветов. Мальчишка с красным носом поймал сазана. У очага готовится строганина, женщины режут лук и рыбу.

– Сейчас самая вкусная дикая капуста! – говорит Куйча.

Утки стаями носятся над протокой. Летят бакланы, правильными, волнующимися черными косяками двигаются гуси. Их косяк похож на громадного тонкокрылого гуся.

В глубине неба, над всей этой массой птиц, идут белые лебеди, и кажется, что кричат девичьими голосами: «Ой-ой... ай-ай-ай».

– Лебеди прежде были людьми, – говорит Куйча, – они летят и жалуются...

– Лебедя за шею подынешь – ноги на полу, – говорит Семен. – Его бить – грех!

По протоке лодки идут в тайгу за клюквой, черемшой, дикой капустой.

Летит крохаль с длинным, зубастым, совсем не утиным носом, в полете – белобрюх, лапы – багровые. Мчатся маленькие нырки и рассыпаются по воде. Чайки кричат, как дети. Летят дикие голуби.

Уж вялится рыба: чебаки, щуки и разная мелочь – на шестах и прутиках, продетых под жабры.

Подул ветер. Волны пошли с Амура в протоку, бьют в берег, перехлестывают через лодки. Нагнало тучи. В лодках полно воды. На берег вытаскивают лодки, переворачивают, выливают из них воду. Бошняк заметил, что у молодых побегов ясеня острые верхушки черны, как накопечники червленой стали.

– Вон... Вон... – кричит Куйча.

Какой-то хищник с пегими крыльями поймал рыбу. Она забилась, вырвалась из клюва и упала. Он метнулся, норовя ухватить на лету. Но не удалось. Пролетел, зло крича, со стоном, виден был его горбатый нос и жесткие крылья с нежным изжелта-зеленым брюхом.

Бошняк сходил за ружьем. Низко летели гуси. Когда раздались выстрелы, гуси сбились, задние пошли быстрее, перегнали передних. В их вытянутых шеях – испуг. Один полетел обратно.

Семен принес сбитую птицу. У большого гуся оранжевые лапы и помутившиеся белесые зрачки. Поперек пепельно-серых крыльев коричневые полосы в красную крапинку.

Волна прибила к берегу огромного мертвого сома с выеденным брюхом.

– Шом погиб, – с сожалением сказал Парфентьев, – его выдра ела.

Река все прибывает. Надо оттаскивать лодки от воды. Семен смотрит на тальники. Вода пока еще не дошла до следов прошлогоднего наводнения.

– Пошулай, Куйча, – говорит он, – а у ваш шамая большая прибыль, видно, бывает не вешной?

– Конечно! – ответил мангун. – Ведь по деревьям видно.

– Мешто удобное, а жатопляетшя, – сказал казак Бошняку. – Однако нельзя тут штро-итышя!

По слухам, на озере были высокие места. Куйча согласился проводничать за десять аршин китайки и за два топора.

Ранним утром подняли парус и пошли по протоке между ровных зеленевших берегов. Предстояло описать озеро Удыль со всеми впадающими в него речками и все осмотреть и промерить. Куйча не спрашивал, зачем допытываются, жатопляет ли эти места вода. Ясно, что тут хотят поселиться. Он радовался этому, никто не будет стричь бальды и продавать юколу за соболей.

– А не нарушим мы, Семен, жизнь этих людей? – спросил Бошняк. – Не обидим их?

Семену и самому было жаль мангун. Построится завод, эллинги, нагонят сюда каторжных, кобылку, прощай все гиляцкое раздолье.

Бошняк замечал – казак умен, живой, все видит.

Николай Константинович все больше привязывался к нему, признавался в душе, что спокоен, только когда Семен рядом. Николай Константинович счастлив, что судьба послала ему такого спутника. Недаром Невельской говорит, что ему и Беломестнову доверяет не меньше, чем офицерам.

В этот вечер, после промеров и черчения карт Бошняк ставил палатку, а Куйча с Семеном ловили неводком рыбу. Принесли сазанов, сома, косаток, верхоглядов, лещей.

– Тут не только шеткой, можно багром ташкать, – сказал Семен. – Рыба хорошая, не моршкая... А ветер дует в палатку, неверно поштавлена! – заметил он. – Придется перештавлять.

– Видел три выдры, – рассказывал Куйча.

– Не стреляли их? – спросил Бошняк.

– Нет! Нам не надо сейчас.

– Прыгает, как колонок, – рассказывал Семен, – ижвиваетшя, как жмея. Ножки короткие. Животом так и борождит. Жрет рыбу.

– Она зимой живет подо льдом, где пустота, – объяснял Куйча, – на пропаринах. Есть теплые места на речках. У нас живет черная птичка – ойфо. Выдра налима любит, саму рыбу не кушает, а выгрызает из нее максу. Сейчас у нее шкура худая.

– А как выдра плодится у вас?

– Два-три детеныша, – отвечал Куйча. – Маньчжурам на курмы⁴⁶ хватит.

– Это я видел, у них хохотунчики иж выдры, – сказал Парфентьев.

---

⁴⁶ Курма – куртка.

Глава шестнадцатая

Огороды

На Петровской косе весна наступала медленно. Начался июнь, а в море все еще льды. Залив скован почерневшим льдом. Местами на нем синие озера.

Около шлюпочного сарая, на стапеле, строится палубное суденышко. Бимсы⁴⁷ скреплены со шпангоутом⁴⁸, и весь ботик кажется издали скелетом кита с белыми ребрами, которого прибуksировали и ободрали на косе.

На море лед разбило, ветер и течение гоняют его мимо кошки то в одну, то в другую сторону. Там, где нет льда, видны черные в тени головы сивучей и их туши, стоймя вытянутые из воды чуть ли не на треть. Кажется, что по всему морю вылезли монахи в капюшонах и молятся, обращаясь к небу.

Снова приехал Березин. Доложил, что доставил продовольствие Чихачеву, привез от него письмо, новые карты. Березин вымылся в бане, напился пьян и после этого пришел к Невельскому и стал уверять, что всю дорогу не пил, а теперь решил отвести душу и просит простить, но сказал, что в Николаевске будет бунт и хваленый Шестаков на самом деле не образец матроса, а прохвост. А матросы там в сговоре с маньчжурами и гиляками перейдут на службу в гвардию богдыхана, о чем тот им писал лично.

Все это была такая чушь, что и слушать не стоило.

Березин получил «распеканцию» и пошел спать во флигель. Наутро Невельской послал за ним. Они поехали на речку Иски, которая давно вскрылась. Алексей Петрович как-то уверял Невельского, что там есть золото. Самодельный лоток в экспедиции был. В тот же день Невельской и Березин брали пробы песков. Как заядлые приискатели, мутили они руками воду в лотке и радовались каждой мельчайшей желтой крупнице.

– Отовсюду идут сведения: весна наступила, уж все реки вскрылись, вон какая в Иски вода теплая, – говорил Геннадий Иванович, выплескивая желтую муть из лотка. – По Амуру на лодках разъезжают торговцы! Уж вскрылся Амур. На устьях у Лангра чисто, лед прошел в лимане, а наша Петровская коса затерта со всех сторон. Никакое судно не может подойти. Мы связаны по рукам и ногам, как в карцере сидим, а весь край открыт для любого смелого пришельца. Входи в реку – пожалуйста. А мне запрещено идти дальше этого распроклятого места. Я, как тать под фуркой у купца, прячусь в самом гнилом углу края.

– Вот тут земля-то получше, – говорил Иван Подобин, выворачивая лопатой комья песка и гальки.

– А ты уверен, что будет расти? – спрашивала Екатерина Ивановна.

– Как же! Картошка-то... Место чистое – не болото, посадим, так и вырастет.

– Но ведь ты, Подобин, моряк, а не пахарь, как ты можешь знать, что тут растет? Ты уроженец не здешний.

– Это мало важности!

– Тут все вырастет, Катя, – говорит высокая старая Парфентыха. – В Охотске картошка растет на дресве. Промеж гальки есть же песочек, и она корнями схватилась. И какая ладная родится!

Екатерина Ивановна улучила миг, когда Подобин оказался подле нее.

– Ты вчера опять с Калашниковым побранился?

---

⁴⁷ Бимсы – подпалубные поперечные связи судна, служащие основанием для палубного настила.

⁴⁸ Шпангоут – поперечная связь бортового перекрытия корабля, к которой крепится обшивка.

Брови у Подобина дрогнули, но он смолчал. Он никогда не говорил о причине своих ссор с Мокеем. Невельской, узнав однажды, что Калашников и Подобин чуть не подрались, пригрозил высечь Ивана, но тот и тогда не вымолвил ни слова. Казалось, он молча готов лечь под розги.

– Гиляки говорят, что тут, мол, ничего не родится, – заметил Конев. Сегодня и он на огороде.

Конев загорелый, худой, с костлявой грудью, выпирающей сквозь рубаху, и с жилистой, дочерна закопченной солнцем шеей.

– Мало ли что они говорят! – ответил Подобин. – Их послушать, так и землю копать грех. Отец Питкена вчера шел, увидел, что огород мы стали у казармы копать, и говорит мне: «Не копай, Ванька». – «А что?» – «Худо!» – «А что худо?» – «Помрешь!» Право!

Геннадий все твердил, что здесь самый отвратительный гнилой угол Охотского моря. Кате больно слышать это. Да, для моряков здесь плохо, им неудобно, их суда могут сесть на мель, им нет простора деятельности, трудно пресекать хищничество иностранцев. А ей иногда кажется, что тут милое и счастливое место. Тут она живет с мужем, текут месяцы ее беременности. Она никогда не забудет этих печально склоненных стелющихся кедров, этих очень нежных весенних ростков травы, редких солнечных дней и робкого сверкания утихшего моря, всей этой северной, нежной и скромной, но по-своему страстной и как бы стыдливой весны.

А пески шелестят под ветром. Сошли снега, и все ветер и ветер. На гребне косы заросли стелющегося кедрового дрожат, сдерживая порывы ветра. На море льды редки, под берегом – пена, засохшая желтеющей каймой. На горах водорослей, напоминающих черное гниющее сено, разбросанное повсюду, и морские звезды, и дохлые, расклеванные рыбы. Гомон чаек. Прилежавшие стаями кулики носятся над заливом, словно проверяя, не застроены ли тут их гнездовища. И рады, что все пока цело, кричат восторженно.

В отлив льды вынесло из залива. В несколько слоев песчаное дно покрыто темными, в цвет песка и ила, живыми пластинами. Это камбала.

Где-то Италия, Франция, Средиземное море с их кидающимися в глаза южными пейзажами, с контрастами ярких красок, с живописными лохмотьями толп в портах. Кате предназначено было жить там. Она должна была уехать в Париж, куда стремятся за радостью и наслаждениями со всего мира.

Пехтерь умел радоваться жизни и понимать ее прелесть, несмотря на то что был молод. Но он лишь блестящий ученик цивилизованного мира. Он оказался бы беспомощным там, где Геннадий величествен. Невельской обнаруживает неумение там, где он соприкасается с «обществом», чиновниками, традициями, становится суетлив, постоянно страдает. Иногда кажется, что он не может решить что-нибудь. Но его планы необычайно ясны. Исполняя их, он выказывает поразительную энергию и ясность ума. Он один из тех, которые создадут новую, еще более величественную цивилизацию. Он всему учится. Ради великого будущего, в которое еще никто не верит, он открывает огромную и прекрасную страну. И в нем есть что-то такое молодое, что он кажется иногда юней благородного, разумного и всегда с восторгом принятого обществом Пехтеря. Геннадий мог очаровательно петь и танцевать, и у него есть вкус, но он губит свой блеск и вкус ради своей цели. Теперь на первый взгляд в нем все может показаться тусклым. В браке с ним нет Парижа. Но Катя знает, что муж велик, и нет ничего удивительного, если со временем все красоты мира откроются ей. Это так естественно. Но не в красотах этих счастье!

Ни Париж, ни Средиземное море никогда не будут ей так милы, как эти нежные картины слабо пробуждающейся природы севера, среди которой она любила. Она сама выбрала Геннадия, Петровскую косу, труд во имя будущего.

Весна! Как оживились гиляки! Они уже возвратились из зимнего стойбища в летнее, на косу. Зимой тут жили всего три семьи. Все время ездят по заливу на своих лодках и бьют тюленей. Лов рыбы в разгаре. Целые выставки из музея естественной истории у каждого гиляцкого

дома. В залив зашла белуха. Несколько лодок перед отливом загнали ее на мель. Гиляки доби-
вают ее копьями и ножами.

– Наш Андриан с ними! – говорит Конев. – Вон какой заметный.

У Андриана дружба с гиляками, он намерен жениться, нашел себе невесту, сватается.

Белуху подтянули к берегу. Это большое, толстое животное с маленькими лапами, похо-
жее, по мнению Кати, на рыбу. Шкура бела и без шерсти и, кажется, покрыта чем-то белым, как
замазкой. Ее не могли вытащить на берег. Конев подбежал, схватил багор и воткнул в широкую
рану белухи, гиляки взялись за ласты, и все вместе потащили.

Коневу нравится тут жить. Хотя холодно, но богатства велики. Он видел, как народ
живет в Финляндии, места – камень, сосны – бедней здешних. На камнях – мох, как на хребте
Джугджура. А как эти финны стараются, все разработали. И не жалуются, что им холодно, а
зимой у них самое веселое время. На лыжах ходят – куда тебе! Конев решил твердо: здесь
жить, окорениться после службы, жену привезти с родины. «Я бы тут развернул дело, – думает
он. – Сколько тут леса, сколько рыбы, ей никто названия даже не знает».

...А в казарме умер старик Мокринский. Другие больные цингой поправляются, их спа-
сают свежая рыба и дикий лук.

Утром на другой день появились на огороде Питкен с Лаолой.

– Почему птиц еще мало? – спросила гиляка Невельская.

– Еще не приехали! – ответил Питкен.

– Ну, на, покопай, Питкен, – сказала Екатерина Ивановна, давая гиляку лопату.

Он был услужлив и никогда не отказывал ей в помощи. Но на этот раз он взял лопату
с растерянным видом.

– Копай! – сказала кареглазая худая, быстрая на работу Матрена Парфентьева.

Питкен ухмыльнулся. У него узкое лицо, покатый лоб, горбатый нос.

– Грех! – нерешительно сказал он.

– Что за грех? – воскликнула казачка. – Землю копать грех? Эх ты! Сам-то ты грех! –
Она быстро стала копать землю около его ног, с силой разбивая лопатой комья.

– Бери, не бойся. – Конев стал показывать, как держать лопату. Питкен взглянул на жену и
увидел, что лицо ее выражает и страх, и надежду. Он понимал, что не зря она позвала его сюда.
Конечно, она хочет копать. Этот взор окончательно заставил Питкена переступить страшную
черту закона. Он поставил лопату так, как это делали русские, и изо всей силы нажал на нее
ногой. Дело пошло. «Страшно! – подумал он. – А ловко получается».

Через некоторое время тихо подошел высокий, худой, мрачный гиляк. Он остановился
поодаль и смотрел на работающих исподлобья.

– Эй ты, грех! – обратилась Алена Калашникова к Питкену. – Это кто пришел?

– Это брат!

– Чего же он стоит? Эй, брат-половина, иди-ка сюда, бери лопату в руки. Да вон корни
надо выдрать, – обратилась она к Питкену.

– Половина! – ухмыльнулась молодая Парфентьева.

– Он боится! – ответил Питкен.

– Что же мы, звери?

– Пусть и он поработает! – ухмыльнувшись, сказал Конев.

Лаола не обращала внимания на этот разговор. Долговязый гиляк быстро взял лопату в
руки и стал старательно копать. Изредка он косился на Екатерину Ивановну.

«Теперь важно узнать, – подумал Питкен, – умрешь ли, если огород копаешь? Не может
быть, что умрешь. Старики любят ходить к русским кушать картошку, но садить ее не умеют.
Капитан тоже сказал – глупости. А Катя говорит – заведи, Питкен, огород».

– Дай-ка я покажу тебе еще раз, – сказала Матрена.

– Ну, еще не помер? – спросила, смеясь, красавица Калашникова.

– Нет...

– А то смотри помрешь, – с любопытством поглядев в лицо гиляка, сказала она. – Вот, давай дери куст. Видишь, как наострился, не хуже казака работаешь.

Рослая, сухая, с тяжелыми плечами, мать Матрены легко работала лопатой. У нее крупные черты свежего лица, седые волосы опрятно подобраны под платок.

«Лучше молодых баб управляется, – думал Конев. – И из-за нее не грызутся, и порядок знает лучше молодых. Она и больного может вылечить лучше фершала».

Тут и жена казака Беломестнова, маленькая ростом, бойкая и ловкая, но молчаливая. «Это тоже хорошо. Иначе можно погубить всю казарму. Счастье Геннадия Ивановича, что у нас такие бабы».

Ребятишки тоже на огороде, помогают матерям.

Питкен вскоре утомился. Екатерина Ивановна велела ему принести со склада картофель.

– Через залив гребет до самого Лангра – не пристанет, – а тут устал, – удивился Конев.

Как только сели отдыхать, долговязый гиляк сразу ушел, желая, видно, показать, что знает отношение жены капитана и компании портить не желает.

В кедровом стланике кое-где снег. Кедров давно уж подняли свои склоненные головы из самых больших сугробов. Теперь сугробы совсем опали и ушли в землю. Только кое-где под ветвями тех самых стланцев, что так долго придавлены были этими сугробами, приютились их остатки, спасаясь от солнца.

Под прикрытием леса, на поляне, маленький белый цветок.

– Подснежник! – воскликнула Екатерина Ивановна.

– Вот и весна! – сказал Геннадий Иванович. – Если бы не проклятые льды. Опять вон тянутся. Судно не сможет подойти.

– А ты забудь о своих льдах!

Легко сказать – забыть льды. Только в эту минуту можно их забыть! Лицо Кати в веснушках, румяно от загара, солнце светит в ее глаза: они добры, нежны и застенчивы.

– Какая прелесть, не правда ли! Я поставлю их в воду.

Он хотел сказать, что нашел золото, правда крупинки мелкие, но при виде белых подснежников смолчал.

– Как ты думаешь, можем мы Питкену дать картофеля?

Невельской на миг нахмурился.

– Дать придется, – сказал он. – Слава богу, что нашелся гиляк, который решается переступить предрассудок глупый. Почин дороже денег!

Вышли из стланика. Невельской снял куртку и взял лопату.

Вечером Невельские, Дуняша, казачки, Конев, Питкен с женой и братом ужинали свежей ухой у костра на огороде. Подобин куда-то ушел. Мрачный Калашников принес ложки, чашки и мутовки. Стемнело, и над половинкой луны, похожей на золотую чашу, в черном небе звезды – как огненные брызги.

Было уже поздно, когда Невельские шли домой.

– Ты не голодна? – спросил он.

На ужин к ухе получили все по небольшому куску хлеба.

– Нет. Я люблю уху. Свежая рыба – прелесть.

В домике тихо и тепло. Дуня затопила печь. Катя зажгла свечу. Она старательно расставляла в стакане подснежники.

– Бог знает, что мне ответят из Петербурга!

Он со дня на день ждал прихода судна, почту, людей, товаров и новых неприятностей. Он готов был к ним, но в глубине души надеялся, что будет много и хорошего. Ведь не тунгус приедет с письмами, а придет военный корабль. При мысли о том, что об экспедиции где-то

заботились, теплое чувство согревало душу. Надежды пробуждались: весна идет, все копают землю, костры горят, рыба ловится... «Как прекрасно, если бы все доставили. Мы могли бы продолжать исследования, лишнего я не просил, только чтобы нам с голоду не умереть, не хворать, не унижать русского имени, обнаруживая перед всеми страшную нищету... Николай Николаевич даст отпор нашим противникам. Может быть, разрешат мне идти вверх по Амуру. Он поможет».

Катя заставила его в этот вечер рассказывать. Когда-то он поразил ее своими рассказами о Чили, Бразилии и о шторме в Тихом океане. Но она никогда не предполагала, что у него множество подобных историй. Сегодня он говорил про Венецию. Она лежала в постели, а он сидел рядом и говорил об итальянцах, о древних улицах, дворцах и каналах.

Ей казалось, что эти картины видит не только она, но и то слабое существо, что у нее под сердцем... Эти сильные впечатления отзовутся и на нем, отец баюкает и радуется его своими рассказами.

Весной Кате вспоминались балы, спектакли, праздники и веселые прогулки, которые она совершала когда-то вместе с родными.

– А ты знаешь, может быть, все-таки тебе уехать? – вдруг спросил он.

– И осенью ты будешь сам копать картофель и вспоминать меня? – спросила она.

– Да... – Он поцеловал ее руку. – Путь, конечно, тяжок. В твоём положении нелегко совершить такое путешествие. Но что делать! Пока еще не поздно, я мог бы послать с тобой кого-нибудь из офицеров, все равно придется кому-то ехать к губернатору и все рассказывать. Всего не напишешь. Впрочем, посмотрим, что будет с судном...

...Утром Дуня сказала, что Питкен и Лаола копают огород, а вокруг собрались все гиляки и смотрят. Старики ругают Питкена, но долговязый брат заступился за него и чуть не подрался. Пришла старуха Парфентыха и подсобляет им, указывает.

Через залив шла лодка. На берег вышел высокий бородатый мужчина в изорванной куртке, из которой вата лезла клочьями.

– Николай Матвеевич! – вскричал Невельской, кидаясь ему навстречу. Чихачев прибыл на лодке из Де-Кастри, прошел Татарским проливом и дальше берегом лимана и все время производил опись.

Чихачев, завтракая у Невельских, объяснял у карты свои открытия, совершенные по пути в Петровское.

– Но есть одна из ряда вон выходящая новость, которую я узнал в Де-Кастри перед отъездом сюда. Я услышал от туземцев, гостивших в Де-Кастри, в доме у нашего приятеля Еткуна, что они прибыли из залива Хади, или Хаджи, который находится в нескольких днях пути на лодке к югу от Де-Кастри. Я постарался расспросить их. Оказалось, что это замечательная бухта, которой, судя по рассказам ее обитателей, видимо, нет равной не только на этих берегах, но и вообще мало где найдется что-либо подобное... Закрытая со всех сторон от ветров, с приглубыми берегами, – говорил Николай Матвеевич, все чаще обращаясь к Екатерине Ивановне. – Что-то поразительное! Я не поверил сначала. «Верно ли то, что они говорят?» – спросил я у Еткуна. «У-у! Это большое озеро, – ответил Еткун, – не как Кизи, не с Амуром соединяется, а с морем. Как наш Нангмар, только больше! От нашего Нангмара идти туда семь дней на лодке. Или пять! Там не один залив, а пять штук, все глубокие, вход в Хади глубокий, в скалах, широкий, и с моря его незаметно». Я спросил: «Бухта больше, чем Нангмар?» – «У-у! Больше! Каждая из пяти бухт больше. Десять, двадцать раз такая, как Нангмар! Да ты послушай сам их, они тебе еще расскажут. Я им рассказал, что ты мой приятель. Они зовут тебя к себе. Если хочешь, поезжай с ними». – «А берега? – спросил я. – Глубоко ли под ними?» – «Очень глубоко, любой корабль подойдет прямо к берегу». – «Похоже на сказку», – подумал я и спросил у Чумбоки: «Не врут они?» – «Однако, не врут». – «А спроси у Араски, он раньше слышал про Хади?» – «Конечно, слышал, – ответил Араска. – Да мало ли на побережье разных

заливов и заливчиков. Мы не знали, что тебе надо про все говорить». Так все подтвердили мне, что залив действительно грандиозен и удобен.

– Ну и что же теперь?

– Первой моей мыслью было немедленно отправиться туда, написав вам об этом рапорт.

Но когда я подсчитал все мои ресурсы, то мне оставалось лишь горько разочароваться.

Невельской закусил ус.

– Я очень хотел пойти туда, Геннадий Иванович, но, как вы видите, я не мог этого сделать. Я был в отчаянии и часто думал, что неужели мне не суждено стать самостоятельным открывателем! Или мне на роду написано всю жизнь лишь исследовать то, что открывают другие? Такая встреча! Такая бухта! – восклицал он, перебивая Невельского, который стал было уверять его, что открытия, совершенные им, и так велики, что история их оценит...

– Я был измучен, – продолжал Чихачев, – и сухарей у меня мало оставалось. А идти в Хади – значит, сидеть на сырой рыбе и без хлеба. Поэтому не пошел. А мог бы, послав вам письмо с Поповым или с кем-нибудь из гиляков. Да кажется, если бы там был не вход в Хади, а ворота в рай, и то у меня не стало бы сил. Опись от Де-Кастри до Петровского потребовала огромного напряжения, но это хоть по пути домой.

Я дал людям из залива Хади объявление на французском языке, что они находятся под покровительством русского царя и что весь край до Кореи принадлежит России. Раздал им подарки и обещал, что летом будущего года к ним придет русский отряд. А сам на другой день с компасом и карандашом в руках сидел на корме гиляцкой лодки, держа курс на Петровское. Попов остался в Де-Кастри следить за судами иностранцев.

Николаю Матвеевичу в пути все время хотелось лечь на дно лодки, смотреть в небо и ни о чем не думать. Или мечтать о том, что когда-нибудь на большом корабле пойдет он в те далекие южные гавани, о которых слышался за эти дни от туземцев. А может, тогда уж будет построен там порт и город...

Пока что пошли на огород, и Невельской дал ему лопату.

Вечером подул ветер, похолодало, повалил снег. Птицы исчезли. Зверей в море и тех не видно. На косе бушевали вихри. Утром пашни были покрыты снегом. Днем все стаяло. Льды за кошкой опять исчезли. До горизонта море чисто. Под вечер видно было парусное судно, направлявшееся к Петровскому.

Глава семнадцатая

«Оливуца»

На рейде – корабль. Это долгожданный крейсер «Оливуца». «Слава богу, Иван Николаевич Суцев прибыл. Гора с плеч моих долой», – думал Невельской, стоя со своими офицерами на берегу и поджидая шлюпку с судна, которая ныряла в волнах, направляясь ко входу в залив Счастья.

– Что-то уж очень далеко они бросили якорь, – заметил Чихачев, которому хотелось взглядеться в черты родного корабля. Он трепетал от нетерпения увидеть своего командира и офицеров, с которыми прошел кругосветное плавание и сдружился, у которых так уютно и приятно на корабле и которые, конечно, не подозревают, как прожил их товарищ эту страшную зиму, что он увидел и открыл... – Так далеко на якорь стали, словно боятся нас, – шутливо заметил он. – Ведь у нас не чума и черного флага нет. – В его голосе был оттенок обиды.

Невельской тоже заметил, что корвет стал на якорь уж очень далеко от берега. Где же это рейд у них? Чего Иван Николаевич опасается? На него не похоже.

Шлюпка вошла в залив. На ней убрали парус и пошли на веслах.

«Сейчас все узнаем!» – подумал Николай Матвеевич.

Невельской чуть не побежал под обрыв, когда шлюпка пристала и из нее вышел молодой статный мичман Овсянкин. Он вытянулся и отдал честь.

– Здравствуйте, Алексей Иванович! – раскидывая руки и как бы желая обнять его, воскликнул Невельской. – А где же Иван Николаевич?

– Иван Николаевич Суцев погиб, – строго, официальным тоном отчеканил румяный чернобровый Овсянкин.

– Не может быть... – изумился Невельской, отступая на шаг. – О боже... – Он схватился за голову.

– Право, так, ваше высококородие. Он утонул... Катался на вельботе в Авачинской губе и перевернулся, – добавил мичман помягче. – Теперь корветом командует лейтенант Иван Федорович Лихачев⁴⁹.

«Какой ужасный удар!» – подумал Невельской.

– Мы доставили груз, почту и посылки. Да вот письмо лично вам от Ивана Федоровича.

– А груз?

– Груз четыре тысячи пудов здесь.

«Лихачев... – подумал Невельской, ломая печать. – Что же он сам не съехал?»

– Да что же стали чуть не у Сахалина? – Невельской стал читать письмо.

Быстро подошли офицеры.

– Овсянкин! Здоров, брат! – воскликнул Николай Матвеевич.

– Чихачев! – просиял мичман. – Ты ли? Как я рад, Николушка! Ну, цел? А у нас только и разговоров о тебе... Но ты знаешь, – делая скорбный вид, добавил он, – Суцев утонул...

Чихачев переменился в лице.

– Где же это он? Ведь плавал отлично. Вот судьба...

Чихачев на минуту задумался.

Новости были неприятны, но разговор живой и радостный, и Овсянкин держался с Чихачевым куда проще, чем с Невельским.

Геннадий Иванович кончил читать. По выражению лица его Чихачев понял, что письмо не содержало приятных известий.

---

⁴⁹ Лихачев Иван Федорович (1826–1907) – мореплаватель, кругосветный путешественник, участник обороны Севастополя, впоследствии вице-адмирал. В 1860–1861 гг. командовал эскадрой на Тихом океане.

– Комедию они собрались разыгрывать, – проговорил Геннадий Иванович. – Да что вы, мичман, со мной дурака валяете! – вдруг грозно сказал он. – Строите из себя бог знает что. Извольте говорить ясно, что за филькину грамоту прислал мне ваш лейтенант Лихачев?

– Мне приказано сказать, что к этому письму, – опять принимая официальный вид, отчеканил Овсянкин, со страхом глядя на Невельского, – сказать ничего не имею, ваше высокоблагородие!

– Николай Матвеевич! Что же это? Лихачев пишет, что офицерам и матросам запрещено сходить в Петровском и сноситься с нами. Да что вы, нам войну объявили?

– В самом деле, что это, Алексей Иванович? – спросил Чихачев.

– Мне приказано сказать, что ничего не имею добавить...

«Видно, сильно настроили тебя против нас, – подумал Невельской. – Такой славнецкий малый, лихой моряк, а смотрит букой. Да, видно, немало извели на нас бумаги за зиму! Ну, малый, я из тебя и из твоего Ивана Федоровича попытаюсь этот дух выветрить!»

– Пишет, что прибыл груз в четыре тысячи пудов и что я должен немедленно выгрузить его своими силами. И что мне на службу доставлено два офицера. Это все! Я ждал, что командир русского корвета, прибыв на пост, где люди с нетерпением ждали корабля так долго, съедет сам, и рад был бы ему несказанно. А вместо этого вы привозите краткое письмо, из которого неясно, получу ли я груз. У нас сил нет выгрузить четыре тысячи пудов. Да прислан ли корвет в мое распоряжение или только вы доставили груз?

– Так точно, в ваше распоряжение до первого августа.

«До первого августа, когда сегодня восемнадцатое июля».

– Да что за официальности, господин мичман? Да что вы, мичман, смотрите букой? Не смей здесь разыгрывать передо мной парламентаря, вы не во вражеском стане! Говорите все прямо и откровенно. «Мы в отчаянье! У нас голод! Последняя корова забита!» – хотелось сказать. – Почему вы прибыли с корветом и стали на таком расстоянии, как будто тут вражеская страна и вот-вот вас начнут бомбардировать? Что же вы молчите? И почему Иван Федорович сам не съехал? Или он тоже боится утонуть? Так не надо было становиться за пять пушечных выстрелов.

– Он, как командир судна, не обязан...

– Я знаю, что он не обязан... – строго и холодно перебил Невельской. – Но ведь мы ждали... Мы все... Целый год, господа... – Невельской разволновался. – В прошлом году вы так много сделали для нас, это давало надежду!

Чихачев стоял насупившись, внутренне теряясь, как человек, два приятеля которого ведут разговор к опасной и серьезной ссоре. Он не понимал причины, почему действительно так ведет себя командир судна.

– Уверяю вас, Геннадий Иванович, если бы Иван Федорович и захотел съехать, то не смог бы... – краснея и сбиваясь с официального тона, ответил Овсянкин.

– Ну что ты говоришь!.. Я думаю, что тут нечего считаться, – с укоризной заговорил Николай Матвеевич, принимая сторону Невельского. – Ведь у нас тяжелейшее положение, голод, болезни, дух у людей падает. Подумай сам. А вы так себя ведете.

Овсянкин покраснел еще гуще.

– Именно не мог бы! – твердо и решительно заявил он. – По инструкции, которая вручена ему... – Овсянкин снова сбился. – Оставлять судно, находясь здесь, в Петровском зимовье, он... ну... словом, не смеет этого делать.

Глаза Невельского удивленно расширились.

– В инструкции это сказано? Кто же составил такие дурацкие инструкции?

– Губернатор Камчатской области, его превосходительство генерал-майор Завойко.

– Делать ему было нечего! Что же, Завойко мне войну объявил? Боится, что я, как вождь краснокожих, в плен возьму вашего командира? А тот послал вас во вражеский стан для пере-

говоров? Или Завойко боится, что Иван Федорович увидит до какой степени нищеты и позора довела Компания и расподлейшая ваша камчатская бюрократия всю нашу экспедицию...

– Я не могу этого передать, ваше высокоблагородие! – пугаясь, отчеканил Овсянкин.

– А что же вы стали на рейде чуть ли не у Сахалина? Тоже инструкция?

– Так точно, ваше высокоблагородие!

– Так и это инструкция? Благодарю вас, мичман! Да в уме ли ваш командир, что он эту инструкцию не выбросил за борт или не кинул в лицо генералу!

– Не могу знать, ваше высокоблагородие. Иван Федорович приказал, если у вас будут сомнения, то объявить, что корвет по инструкции не должен приближаться к берегу и входить в залив, так как здесь погибли в прошлом году «Охотск» и «Шелихов» и сам корвет однажды уж подвергнулся опасности...

– Ну что же, раз так, то будем играть в комедию! – сказал Невельской. – Нам нечего тут обмениваться любезностями, прошу вас, мичман, пожалуйста на пост, где мы будем с вами официально разговаривать.

Мичман вытянулся и отдал честь.

Невельской тоже откозырял и, повернувшись, пошагал к строениям. «Затеем переписку! – думал он. – Этого не хватало».

По дороге Овсянкин рассказал, что на судне идет в Камчатку ученый Дитмар⁵⁰ из Петербурга, который тут съедет на берег для исследований. Он хочет познакомиться с новым заселением, пока стоит судно.

Невельской смягчился. «Может быть, живой человек приехал...»

– Попросите его, пожалуйста, съехать. Скажите, что я буду очень рад.

Через час мичман отправился на шлюпке с ответным письмом Невельского к Лихачеву.

В канун отхода «Оливуцы» из Петропавловского порта⁵¹ командира корвета Лихачева пригласил к себе генерал Завойко и сказал ему:

– Так я приказываю вам к зимовью близко не подходить и на берег людей ни в коем случае не спускать, а то Невельской захватит их в свою экспедицию. Вы не знаете, что это за человек. Он забирает себе все суда. Он «Шелихова» забрал и погубил. Поэтому приказываю вам быть на корабле и ни под каким видом не съезжать к нему на берег.

– Слушаюсь, ваше превосходительство. Но как я объясню это Невельскому?

– А вот слушайте меня дальше, я уж знаю, как вы объясните. Как в прошлом году «Оливуца» чуть не села на мель на бере⁵², то мы про то можем сказать, что она подверглась опасности. Так объясните: раз она подверглась, то подойти я не имею права, а выгрузку на рейде произведем, но силами Петровского зимовья! У них для этого есть гребные суда, баркас Геннадий Иванович у вас отнял в прошлом году.

– Да, он взял у нас баркас с обещанием вернуть.

– Боже мой! Ох, не вовремя затеяли всю эту канитель с Амуром! Амур режет и душит меня, и я не могу здесь служить со всеми этими заботами. Невельской все суда обчистил. Это же настоящий пират! Он забирает товары где хочет, людей забирает. Из-за него я не могу исполнить того, что требует от меня долг службы и мое положение губернатора новой области,

---

⁵⁰ Дитмар Карл (1822–1892) – геолог, исследователь Камчатки. Окончил в 1846 г. университет в Дерпте (Тарту). В 1851 г. был прикомандирован к губернатору Камчатки чиновником особых поручений по горному делу. Его труд – «Поездка и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг.» – важный вклад в изучение полуострова.

⁵¹ Петропавловск-Камчатский – город и порт на восточном побережье Камчатки. Основан в 1740 году второй камчатской экспедицией Беринга, прибывшей сюда на двух кораблях – «Св. Петр» и «Св. Павел», по имени которых был назван город. Петропавловск-Камчатский вскоре стал административным центром Камчатки и имел большое стратегическое и торговое значение.

⁵² Бар – песчаная отмель, которая намывается рекой при впадении ее в море.

которую надо развивать. Так вы потребуйте, Иван Федорович, этот баркас обратно, чтобы ему неповадно было пиратствовать в другой раз.

– А если там война?

– Боже мой, с кем там может быть война?

– С гиляками или с маньчжурами. В прошлом году, когда мы были там, гиляки волновались.

– Там – я вам прямо скажу – нет ничего подобного! А если есть война, то только у капитана с молодой бабой в теплой избе!

– Ну если...

– Ну уж если, то тогда нет иного от меня приказания, как защищать всеми средствами Петровское зимовье и действовать с его гарнизоном заодно, до последней капли крови исполняя долг свой перед престолом и отечеством. И тогда посылайте команду на берег с ружьями... И подчиняйтесь старшему по чину.

– Слушаюсь, ваше превосходительство.

– Невельской поймет, почему я вам дал такой приказ. Я губернатор! Фантазиям верить не могу. Открытый им залив Счастья на самом деле есть залив несчастья, если в нем гибнут все суда и к нему нельзя подойти из-за мелей, как и к самому Невельскому из-за дурного характера, как к уросливому жеребцу. Вот поэтому он не может придраться, когда «Оливуца» станет от берега далеко. И он поймет, что не сможет захватить ее и не может отнять у вас гребные суда, а может только кусать локти. А чтобы он не покушался на ваши гребные средства, заявите, что вы требуете с него тот баркас, который он забрал с «Оливуцы» по доброте Сущева в прошлом году, а товары пусть он выгружает сам. Но на самом деле не забирайте у него баркас. Да он и не отдаст, это не такой человек. Пусть он увидит, что его повадки знают. Так вот: идите в Аян, берите груз и почту, какие приготовлены для Петровского зимовья Кашеваровым, не вдаваясь в подробности, что это за груз. И берите почту, если готова, оставляя все это на ответственности Кашеварова, немедленно отправляйтесь в Петровское. И можете две недели исполнять приказания Невельского, однако не позже первого августа. Соблюдайте все, что я вам приказываю. А если из Петровского будет в Аян обратная почта, заберете ее и, подойдя на вид Аяна, отправите на шлюпке. И сразу сюда – на Камчатку. Чтобы быть тут пятнадцатого августа.

А если Невельской будет придраться, вы скажете, что потому не велено людям съезжать на берег, что есть подозрения, что в экипаже «Оливуцы» пять человек заболели французской болезнью и что мы заботимся о самом же Невельском и его экспедиции и потому зараженных людей, которые есть под подозрением, не пускаем на берег. А то, если увидит матросов, это такой человек, он их сразу схватит и заберет к себе в экспедицию, так как матросов ему надо и у него их нет. Завтра вы получите конверт с приказом и с богом отправляйтесь.

Екатерина Ивановна была довольна. Пришли французские журналы, «Отечественные записки», «Северная пчела», «Петербургские ведомости» сразу за полгода и куча писем от родных с разными новостями.

– А вот от графа Гейдена⁵³... – сказал муж.

Они вдвоем сидели за столом в большой комнате напротив друг друга.

Еще в прошлом году Невельской обращался к начальнику инспекторского департамента морского министерства всесильному графу Гейдену, который ведал всеми назначениями, повышениями и наградами. Он писал, что покорнейше просит за брата своей жены Николая Ельчанинова. Тот желал оставить университет и во что бы то ни стало отправиться на Восток, поступить на службу в Амурскую экспедицию. Граф Гейден очень обязателен, он сразу отвечает. Он всегда благоволил к Невельскому. Он исполняет его просьбу, и Ельчанинов на одном

---

⁵³ Гейден Логгин Логгинович (1806–1901) – генерал-адъютант, адмирал.

из кораблей, отправляющихся вокруг света, будет в ближайшее время на Крайнем Востоке. Затем граф Гейден в нескольких добрых и сердечных выражениях обращается к Невельскому. Он пишет: «Не пора ли вам в Петербург, не надоело ли?»

– Какая радость! Колька будет с нами! Николенька! – в восторге воскликнула Екатерина Ивановна.

– Да, это очень хорошо... Будет у меня друг и товарищ! – Но глаза Невельского так и тянулись к письму. – Меня другое удивляет: как просто в Петербурге представляют все, что мы тут делаем. Ты не чувствуешь, что граф как бы спрашивает осторожно, не пора ли мне отсюда в Петербург? Бог знает! Не хочу быть излишне подозрительным, но при всей доброте графа и при том, что он брата Колю пришлет сюда, скажи помилуй, что же это за письмо! Что за намеки в нем читаются? Как он обращается ко мне, как будто здесь самое распроклятое богом захолустье, из которого каждый мечтает вырваться. Как это обидно! Ведь он тогда не отличает меня от всех приближенных к великому князю. Да понимает ли граф Гейден, при всем его расположении всегдашнем ко мне, зачем я тут и смею ли я исходить из личных соображений, надоело ли мне или не надоело...

Она тоже заметила, что как-то странно выражал граф свою милость к мужу... Неужели столь высокий и умный человек не представляет себе сути дела?

– «Отдохнуть в Петербурге!»! Нет, тут не до отдыха... Кажется, плохой признак такие советы!

Невельской знал: Гейден свой человек с Врангелями и с Компанией⁵⁴. А казалось бы, сочувствовал... И так понимал все, что желает великий князь Константин! Невельской снова стал рыться в бумагах.

– Но самая поразительная новость в письме Николая Николаевича – ответ на все загадки. Муравьев сам возмущен петербургскими интригами, жалуется, что ему там вставляют палки в колеса. А верил в умиротворение по причине европейского спокойствия. А вот теперь пишет, что в самом лучшем случае сплав по Амуру придет к нам, вероятно, в пятьдесят третьем году.

Послушай, друг мой, как он объясняет это. «Я должен предупредить вас, что возмущение в Китайской империи продолжается⁵⁵ и распространяется, и, может быть, нынешняя династия не удержится, а потому неловко иметь вам людей далеко вверх по Амуру, а надобно, чтобы все они были ближе к морю, к Николаевскому посту». Вот в чем, оказывается, собака зарыта! Революция в Китае, как бы наши люди не насмотрелись да не набрались. Там везде и всюду, во всем политическая причина... Это не Николай Николаевич революции боится, а в Петербурге!

Утром Невельской опять пересматривал бумаги и реестры товаров, обсуждал с офицерами дела.

Нужных для торговли материй, сукна, моржового зуба, мамонтовой кости – всего, что просили привезти маньчжуры, нет. Правление Компании из Петербурга опять обращается не к Невельскому, а к Орлову, именуя его начальником экспедиции. Еще в одном письме извещают Орлова об отправке маленького парохода. А парохода нет... Требуют сообщить подробно, кому что из товаров продано, сколько, в рассрочку или в долг, по какой цене куплено, если мена, то как исчисляется стоимость мехов.

– Что они, с ума сошли? Ответность им нужна! Из Компании упреки опять: разбил «Шелихова», тридцать шесть тысяч убытка, кто будет покрывать! Израсходовал все средства уже за пятьдесят четвертый год, а сейчас только середина пятьдесят второго! Требуют отчет-

---

⁵⁴ ...с Врангелями и с Компанией. – Фердинанд Петрович Врангель (1796–1870) – адмирал, известный путешественник и исследователь Арктики, трижды обогнувший земной шар, один из учредителей Русского географического общества, в течение многих лет был связан с Российско-американской компанией. В 1829–1835 годах он был главным правителем Русской Америки, затем – председателем Главного правления Компании. Акционерами Компании были многие его родственники.

⁵⁵ ...возмущение в Китайской империи продолжается... – Речь идет о восстании тайпинов (1848–1864), китайских крестьян и городской бедноты, направленном против феодального гнета и власти иностранного капитала.

ности и прислали образцы бланков. Надо привезти чернил из Петербурга и всю экспедицию вооружить перьями и всем нам писать ответы и отчеты с утра до ночи. Сегодня же отдам Дуняше все эти бланки на растопку или матросам на козьи ножки...

Он небрежно смял их и кинул на пол.

– Наглее всех письмо Кашеварова. Он уж не знает, как выслужиться... По всем признакам, нам объявляют войну не на жизнь, а на смерть. Вот с кем война страшна! Катя, ангел мой, собирайся и уезжай. Будущая зима предстоит тяжелая, нас будут брать измором... И не губи дитя. Я выйду с тобой на «Оливуце», провожу до Аяна и все устрою, pošлю письма и объяснюсь.

– Теперь об этом не может быть и речи! Я ни за что не покину тебя! – твердо сказала Екатерина Ивановна. И воскликнула весело: – Коля плывет! Братец Колюшка! А от тебя я никуда, никуда! Ах, милый, милый мой! Мы проживем, у нас будет такой прекрасный картофель, и такая рыба заморожена на зиму, и соленая черемша. И мы не умрем!

– А дитя? Катя... Не губи дитя.

– Нет-нет! Об нем не может быть и речи!

Быстро вошел Чихачев.

– Геннадий Иванович, беда!

– Что такое? – вскочил капитан.

– Гонец от Бошняка. Вот письмо. В Николаевске сбежали матросы, обокрали денежный ящик, угнали вельбот.

– Что вы говорите!.. – Невельской побледнел, взял дрожащими руками письмо. – И вельбот, подлецы, украли! Это охотские. И Шестаков с ними? О боже! Мой Шестаков! Как мог он с ними уйти? На своих байкальских я всегда надеялся. Может быть, его убили? А ну, Березина сюда!

Глаза Невельского забегали.

– Березин, вернувшись в пьяном виде, уверял, что в Николаевске будет бунт, а я значения не придавал.

Приказчик живо явился.

– Что вы говорили о бунте в Николаевске? А теперь так и случилось. Что было вам известно и откуда?

Березин усмехнулся, но сразу же сделал серьезное лицо и рассказал, что толком сам ничего не знал, слышал лишь разговоры, в которых проскальзывали намеки...

Вошел часовой и сообщил, что идет баркас. Екатерина Ивановна вышла. Через некоторое время явился молодой белокурый офицер невысокого роста. Невельской знал его по прошлому году. Это мичман барон Розенберг, родственник помощника управителя колонии на Аляске. Лихачев почему-то послал его вместо Овсянкина. Розенберг привез ответ командира на вчерашнее письмо Невельского. Лихачев благодарил Геннадия Ивановича за присланные карты залива, но сообщил, что воспользоваться ими не может, так как корвету воспрещено входить в залив. Он сообщил, что ему приказано давать команду на берег только в крайнем случае, если потребовалась бы она для защиты с ружьями, поэтому он не может дать людей для разгрузки и что к первому августа он должен непременно быть свободен, а распоряжения может исполнять лишь до этого. «Офицеров, прибывших на службу в экспедицию, я отправляю», – писал он.

Невельской поднял взор.

– Честь имею явиться. Мичман Петров⁵⁶, – отрапортовал рослый, высокий офицер с широким умным лицом. Он понравился капитану с первого взгляда.

---

⁵⁶ Петров Александр Иванович (1828–1899) – мореплаватель, впоследствии контр-адмирал. Один из активных участников Амурской экспедиции 1850–1855 гг., долгое время был начальником Николаевского поста. Преподавал в Николаевском мореходном училище, где учился будущий прославленный адмирал С.О.Макаров. Служил на Дальнем Востоке до 1863 г.

– Мичман Разградский⁵⁷! – громко и с сильным украинским выговором произнес его товарищ, тоже славный и видный, коренастый, румяный и черноволосый. – Прибыл в распоряжение вашего высокоблагородия для прохождения службы во вверенной вам экспедиции.

Невельской перевел взор на спокойное и самодовольное лицо Розенберга, потом на письмо Бошняка, затем на Чихачева и опять на вновь прибывших офицеров. Капитан был взбешен и письмом Лихачева, и известием из Николаевска.

Он уставился на груды бумаг на столе, забыв подать руку прибывшим офицерам. Нервы его были напряжены до крайности. Он не мог не думать об этой куче оскорблений, лежавших у него на столе. И как результат голода в экспедиции – бунт, бегство. Уставшие, измученные за зиму люди не выдержали. Слишком велики были тяготы, взваленные на них. Казалось, и сам вот-вот рухнешь под этой ужасной тяжестью. А офицеры, прибывшие для службы в экспедицию, молоды, полны сил, улыбаются до ушей.

– Нечего улыбаться, господа, – вдруг грубо сказал Невельской. – Да сбросьте ваши мундиры, – повелительно и грозно добавил он. – Прочь их! Здесь форма не нужна. Вы здесь должны будете уметь делать все, как простые казаки. Каюрить, то есть управлять собаками, – пояснил он, заметя вытаращенные от удивления глаза Петрова. – Ходить на лыжах, грести, спать на снегу, в нарте... Да, да! Забудьте все ваши дворянские привычки! Вы тут такие же, как все! Понятно? Николай Матвеевич, – вдруг обратился он к Чихачеву, – немедленно выстройте всю команду перед казармой да пересчитайте всех. А я сейчас явлюсь.

Николай Матвеевич понял, что Невельской опасается, нет ли у николаевских бунтовщиков сношений и заговора с кем-нибудь из здешних людей и не бежал ли кто-нибудь отсюда. Березин только что сказал, что корни могут быть и тут.

– Под страхом смерти, чтобы весь гарнизон стоял в строю. Строить без оружия!

«Боже мой милосердный, – подумал Разградский, – куда мы попали?...» Он переглянулся с товарищем.

Невельской замолк и уставился на офицеров.

Петров, видя, что ни о каком деле речи нет, и не понимая, отчего такая суматоха, спросил с холодной неприязнью у Невельского:

– А где же нам поместиться, ваше высокоблагородие?

Невельской глянул на него со злом, распахнул окно и показал вдаль на одинокое дерево.

– Вон, под елкой!

– Что же, мы должны помещаться на открытом воздухе, под тем деревом? – спросил Разградский.

– Да, так точно!

Невельской вызвал Орлова.

– Поместите господ офицеров под елкой. Да объясните им все.

«Вот ад! – подумал Петров. – И что мы тут можем ожидать хорошего...»

Орлов представился, пожал руки и повел офицеров к себе. Выйдя на улицу, он сказал, стараясь выручить Невельского, что даст палатку, которую и надо разбить под елкой, и что именно это имел в виду начальник экспедиции.

Тут Орлов добавил с улыбкой, что капитан очень хороший, но есть причины, по которым нынче он не в духе, и что они привыкнут и сами убедятся. А сейчас неприятности.

«Ну и ад! – подумал упрямый Петров. – Что же тут может быть хорошего! Куда нас занесло!»

---

⁵⁷ Разградский Григорий Данилович (1830–1899) – капитан II ранга. Мичманом участвовал в Амурской экспедиции, был начальником Александровского и Мариинского постов. Служил на Дальнем Востоке пятнадцать лет, был начальником Муравьевского поста на Сахалине, Усть-Стрелочного поста на Амуре.

А капитан доказывал Розенбергу, что ни один порядочный человек не смеет действовать так, как Лихачев, если у него даже и есть такая инструкция, и что командиру «Оливуцы» придется со временем нести ответственность, что об этом сообщено будет генерал-губернатору и в Петербург князю Меншикову и великому князю Константину и что пусть Лихачев, если он затеял переписку и желает обелить себя, представит немедленно копию инструкции, которая дана ему от Завойко.

Вернулся Чихачев. Невельской увел его в соседнюю комнату и долго говорил о чем-то. Вскоре они вышли. Чихачев с Розенбергом отправился на шлюпке на корвет объясняться с Лихачевым.

Невельской и Орлов пошли к казарме, где был выстроен гарнизон. Вид у людей живой и веселый, и сразу видно, что про николаевский бунт и бегство матросов никто ничего не знает. Все рады, что пришло судно, что прекратится голод. Все готовы идти на выгрузку товаров и продуктов. Невельской успокоился и приказал команде разойтись.

Когда с корабля возвратился Чихачев, Невельской собрал военный совет. Решено было немедленно действовать, в помощь Бошняку отправить Березина с четырьмя самыми надежными людьми. Поедут Подобин, Конев и двое казаков. Подобина при всяком удобном случае Невельской старался посылать в командировки.

Орлов на только что спущенном ботике отправился в лиман искать беглецов. Бошняку было написано краткое письмо. Он должен объявить гилякам, что за поимку беглецов назначается награда.

Во второй половине дня шлюпка несколько раз ходила с берега на судно. Переписка продолжалась.

Наконец Лихачев уступил и согласился помочь при выгрузке, посменно поставить на работу сто человек своих матросов.

На другой день выгрузка началась. Работали экипаж «Оливуцы» и гарнизон Петровского.

Чихачев снова поехал на судно с новой просьбой. Лихачев снова уступил настояниям старого своего товарища и согласился сходить в Аян за недостающим грузом, взять почту оттуда и доставить все в Петровское. Разгрузка шла полным ходом. В полдень на берег съехал Дитмар, молодой ученый из Петербурга, желающий ознакомиться с новым заселением.

Глава восемнадцатая

Приезд ученого Дитмара

Дитмар – коренастый, плотный блондин с темно-русой бородкой и свежим цветом лица. Ему лет тридцать пять – сорок, трудно определить по виду. Это довольно известный молодой ученый. Он рассказал в беседе с Геннадием Ивановичем и Екатериной Ивановной, что послан на Камчатку Географическим обществом с одобрения правительства. Должен ради науки совершить это тяжелое путешествие и представить добросовестную картину мест, которые, как он выразился, никогда основательно не исследовались.

Перед его отъездом в Петербург много было разговоров о предстоящем изучении Камчатки. В Российско-американской компании много было сказано Дитмару о деятельности Василия Степановича Завойко, которую надо подкрепить средствами науки. Об этом в письмах на имя родственников своих, известных ученых, просили как жена Василия Степановича, урожденная баронесса Врангель, так и сам он.

Кроме того, Дитмару дано еще одно поручение. Про Невельского и его экспедицию в Петербурге высказывалось очень много противоречивых мнений. Компания и ее управляющий Этолин давно желали, чтобы нашелся человек, который мог бы проверить Невельского на месте. Необходимо составить мнение, ложны ли его исследования, о чем есть сведения в Компании, или же он просто брульон⁵⁸.

Известно было, что Дитмар не сможет посетить самих устьев реки Амура и не побывает в проливе, отделяющем якобы Сахалин от материка, о существовании которого докладывал Невельской. На Камчатке дела важнее. Но в правлении Компании очень довольны, что Дитмар хотя бы увидит Петровское.

Для самого Дитмара очень важно было сначала выяснить, как относится Невельской к авторитетам науки и к видным ученым в Петербурге, которые давно занимаются проблемами Великого океана. В Петербурге ходят слухи, что Невельской очень много мнит о себе. Он уж сделал большую подлость, замахнулся опровергнуть достопочтенного Крузенштерна⁵⁹ и даже самого Фердинанда Петровича Врангеля... Очень, очень прыток.

Невельской с восторгом принялся рассказывать про все, что тут сделано. Главное: край богат. Есть места для судостроительных заводов, можно строить корабли, есть дуб, железная руда, уголь для пароходства.

«Но я пока не вижу ничего подобного», – думал Дитмар, любезно улыбаясь. Радужный прием и отсутствие у капитана и тени подозрительности к нему, петербургскому ученому, вышедшему из среды немецких ученых кругов, в глубине души возмутили Дитмара.

«Что же, он меня за своего союзника принимает?» – думал ученый, слушая восторженные речи Невельского.

А тот радовался случаю выложить все и открывал все карты в упоении своими планами.

Долго сидели за большим столом, Невельской говорил о будущем края.

«Да он совершенно неуравновешенный фантазер! У него, как послушаешь, все есть в этом краю обетованном. Что за бессмыслица, ненаучная и безграмотная! Откуда это золото может быть на Амуре?» – с раздражением думал Дитмар. Неприятен и смысл речей Невель-

---

⁵⁸ Брульон – франц.: brouillon – набросок, черновик; переносно: грубиян, неотесанный человек.

⁵⁹ Крузенштерн Иван Федорович (1770–1846) – адмирал, начальник первой русской кругосветной экспедиции, исследователь Тихого океана, ученый-гидрограф. Автор трехтомного «Путешествия вокруг света в 1803–1806 гг. на кораблях „Надежда“ и „Неве“» (1809–1812), а также «Атласа к путешествию вокруг света капитана Крузенштерна» и «Атласа Южного моря». В 1827–1842 годах был директором Морского корпуса.

ского, и тон, и его радушие. Так и хочется сказать: «Ну нет, голубчик, гусь свинье не товарищ, и не думай, пожалуйста, что тебя с распростертыми объятиями вот так и примут в наш круг».

Чем больше слушал Дитмар этого восторженного и необузданного моряка, тем больше убеждался, что он, конечно, не ученый. Уж такому, какие бы он великие открытия ни сделал, памятник в Петербурге никогда не поставят. Ни за что!

А Невельской водил гостя по зимовью, потом возил на лодке по заливу, побывал с ним на устье речки Иски и все рассказывал, радуясь, что наконец-то догадались прислать к нему настоящего ученого, который слушает все так внимательно.

С речки Невельской повел Дитмара пешком через лес, по косе. Он уверял, что здесь во всех речках много золота.

«Заморыш, лысеет, губит жену-красавицу!» – думал Дитмар.

Кое-что было очень интересно. Могло пригодиться, тут есть, конечно, простор для будущей научной деятельности, для солидной петербургской экспедиции.

За столом Дитмар был очень любезен с Екатериной Ивановной.

«Хорошенькая дамочка, но, верно, очень скучает с дураком мужем».

– Вам не тоскливо? – спрашивал он Екатерину Ивановну.

– Как тут можно тосковать, когда так много дела, – казалось, откровенно ответила Невельская. – Некогда тосковать!

– Но здесь так однообразно.

– Весна наступила, море зашумело, или, как мы по-здешнему называем, кошка⁶⁰ зашумела. Своя прелесть в этом есть!

– Ну что же тут хорошего? – ласково заметил Дитмар.

– А небо, а песок? Он так чист! И море прекрасно.

– Ах, человек! – воскликнул Дитмар. – Куда его ни закинь, он всюду найдет себе утешение!

Вечером Дитмар отправился на «Оливуцу». Он составил себе определенное мнение о качествах Невельского. Прежде всего он решил, что этот знаменитый Геннадий Иванович не может быть настоящим ученым. Очевидно, что у него нет никакого уважения к корифеям современной науки. Он только твердит все «я», «я», «этот край!», «великое будущее России», «выход к океану». Неважное, ох неважное впечатление. Единственное светлое пятно – хорошенькая госпожа Невельская, с маленькими пухлыми ручками, но и те в мозолях. Бедняжка, бедняжка! Конечно, море иногда красиво, но уж муженек у нее ой-ой!

Разгрузка закончилась. «Оливуца» ушла.

Невельской был доволен, что у него побывал Дитмар. Казалось, заинтересовался всем, что услышал и увидел. Катя избегала говорить о Дитмаре. Муж в восторге от его визита, а ей кое-что не понравилось. Но она призналась себе, что может ошибаться. Она молчала, когда муж, вспоминая Дитмара, надеялся на его помощь. Не хотелось рассеивать его счастливого заблуждения. Иногда она упрекала себя: «Быть может, я не увидела то, что ясно моему мужу?»

Пришли письма от Бошняка и Березина. В соучастии с бунтовщиками подозревался матрос Сенотрусов. Березин в своем письме уверял, что обо всем знал боцман Салов, но выяснить это пока не удастся. Похоже было, что Бошняк и Березин по-разному судят и что между ними есть разногласия.

– Придется ехать мне самому, – решил Невельской. – Я с Салова шкуру сдеру, с подлеца. У Березина есть нюх!

Невельской взял с собой Чихачева и казаков. Отправились в путь на оленях.

---

⁶⁰ Кошка – длинная песчаная или галечная коса, вытянутая параллельно берегу.

Глава девятнадцатая

Ход летней кеты

В тайге трава поднялась уже высоко, местами скрывая оленей с всадниками. Тут душно и жарко. Чем дальше забирались в горы и чем ближе подъезжали к Амуру, тем сильнее чувствовалось лето, настоящее, континентальное, не охотское. Конец июля – самая лучшая пора в этих местах, ветры начинают дуть с суши, на море конец туманам.

Невельской и Чихачев с двумя казаками и тунгусом пробирались на оленях прямой дорогой в Николаевск.

– Растянулась наша конница, – сказал Чихачев, привставая в седле, вытягивая шею и поглядывая на рога, плывущие над травой на порядочном расстоянии друг от друга. «Дальше болото, потом переправа через речку. Надо всем идти вместе».

Невельской задержал оленя, поджидая остальных, потом заложил пальцы в рот и свистнул.

– Уж надо говорить не конница, а оленница! – заметил он.

Поехали рядом.

– Бегство матросов на руку Компании, – говорил Невельской. – Они за это ухватятся, как за крушение «Шелихова», чтобы обвинить нас. А ведь они довели людей до бунта, до того, что бегут и мрут. Шестаков убежал, а ведь он в свое время учился у меня, астрономией занимался. В Иркутске вы объясните Николаю Николаевичу, что мы гибнем и гибнет великое дело. Россия лишается великого будущего. Христом-богом просите Николая Николаевича переменить взгляд. Расскажите ему все без утайки, и эту историю о беглых. Быть не может, чтобы Лихачев на пути в Камчатку не согласился выйти на вид Аяна и посадить вас в шлюпку.

Невельской послал с «Оливуцей» губернатору письмо, в котором сообщал, что осенью отправит в Иркутск мичмана Чихачева, одного из самых преданных своих помощников.

Чихачев долго упирался. Стыдно как-то было Николаю Матвеевичу оставить на зиму своих, а самому отправляться в Иркутск, жить в прекрасных условиях. Сейчас вместе ехали в Николаевский пост производить расследование. По возвращении Николай Матвеевич отправится в Аян, как офицер, который сам был при следствии.

– Им глаза застит европейская политика! Откройте глаза Муравьеву. Сахалин нужен нам для будущего. Войны не избежать, как бы ни уверял он меня, что дела идут к спокойствию. Европейская война отзовется здесь, и для будущего наш выигрыш или проигрыш здесь будет иметь большее значение, чем там. Объясните не стесняясь, хоть вы мичман, а он генерал, все что нам нужно, о чем мы тысячу раз говорили. Сахалин нужен, южные гавани. Мы тут неуязвимы, пусть англичане нас блокируют, лишь докажут этим, что край наш. Да. Поезжайте обязательно в Петербург, как будто погостить к родным на зиму. Раскройте и там всем глаза. Представьте великому князю. Объясните ученым... Вам поверят, дядя Чихачев поможет.

«Я повидаю родных и буду в Петербурге, когда мои товарищи останутся здесь в самых тяжелых условиях, когда грозит голод, и Екатерина Ивановна здесь останется. Но, конечно, заманчиво! Уж я себя не пожалею».

Родные у Николая Матвеевича – люди со связями.

– Камчатская областная канцелярия вторит Петербургу. Придумывает глупости. Я их письма не могу читать. Всех этих требований не счесть – от отчетов до комиссаров. Но, слава богу, что мы живем сами по себе, здравым смыслом. Отношения наши с «метрополией» из рук вон плохи. Но, между прочим... посмотрите, Николай Матвеевич, как вокруг хорошо. Давно мы с вами не бывали летом в лесу! А нуте, давайте забудем, что есть на свете Компания и ее правление и даже сам Петербург. Это ведь они думают, что без них ничего на свете не делается. Вот растет черемуха, – сказал он, подъезжая на олене к дереву. – Да, смотрите, какая выма-

хала, какой ствол, толстый, каковы ветвищи, сколько на ней цвету было, сколько будет ягод. Такой и в Европе не бывает! И все это без разрешения Петербурга. Так и мы живы, несмотря на все ужасы бюрократии, что сыплются на наши головы. Все, что мы делаем, делаем сами, как независимые, поэтому не протухли заживо, несмотря на все запреты и попытки нам руки связать. Мы идем, открываем. Вот в чем преимущество новых земель, и нельзя удержать – руки коротки. И трудно заставить действовать по инструкции – далеко. Морить нас тоже надо осторожно, так как мы кусаемся и у нас есть немало сочувствующих повсюду. И мы идем вперед. А они – «то не смей», «это не смей», «дальше не моги», «революция в Китае! Бойся!» А мы, пока подлецы душат нас, воспользуемся тем, что дело у нас в руках, и все, что возможно, опишем, пока в оправдание Миддендорфа⁶¹ не нагрянула экспедиция из Петербурга. И все представим государю через великого князя! Вы были в четырех командировках, описали то, что дает вам право на бог знает какую честь и славу. А вернулись голодный, в рванье, больной. И каждый так! Где взяли силы? Вот молодые офицеры прибыли. Петров на меня зверем смотрел, когда я ему сказал: мол, ночуй под елкой. А он поночует под елкой, сходит раза два на баркасе из Петровска в Николаевск и откинет всю спесь. И у него крылья вырастут, забудет и мундир, и дворянство. А будь мы под носом у Петербурга – не пикнули бы. Вот я еще думаю, что надо составить артели – охотничью и рыболовецкую на каждом посту... Я уж просил губернатора, чтобы выписали из Астрахани рыболова. Надо гиляков научить ловить осетров как следует, ведь они не умеют.

Солнце шло к закату, когда в лесу послышался стук. На Николаевском посту строили дома. Вскоре видна стала река. Справа, там, где когда-то основан был пост в палатке, высились стропила не покрытой еще крыши новой бревенчатой казармы, тут же вышка и окружающая строения засека – груда беспорядочно сваленных бревен, через которые ни пройти, ни проехать. В воротах – пушка.

Сейчас тепло, и рядом с казармой расставлены палатки. Сушится белье, женщины носят воду. Из кустарников выскочила целая ватага ребятишек. У одного солдатский картуз на голове. Он откозырял Невельскому. У другого все лицо в расчесах, а на спине маленькая девочка лет трех. Он пустился с ней вприпрыжку к казарме, а за ними – вся орава.

Вышел Бошняк в парусиновой куртке. Невельской и Чихачев слезли с оленей, и все пошли на пост. Подошел Березин.

– Команда еще на работах. Простите, караула не выстроил, – заговорил Бошняк.

– Я заждался вас, Геннадий Иванович, – сказал Березин. – Много товару привезли?

– Тридцать аршин драдедаму, – отвечал Невельской.

– Славно! Скупим на это пол-Китая! А ус?

– Сами с усами!

– А кость мамонтовая?

– Ничего нет! Судно ничего не доставило.

– А как же быть? Маньчжуры ждут к первому августа нас в гости. Дано русское слово.

– Вот мы и приехали сюда смотреть, что можно послать.

– На складе у нас одна соль, только ее беглые не украл.

– Мичман Петров идет на баркасе, кое-что доставит. Ну, удалось ли открыть преступников?

– Сегодня я нашел в дупле узел и в нем деньги, – сказал Березин.

– Вы нашли? Чьи же?

⁶¹ Миддендорф Александр Федорович (1815–1894) – естествоиспытатель и путешественник, академик. Во время своей экспедиции (1842–1845 гг.) описал климат, жизнь и обычаи народов Сибири. Автор книги «Путешествие на север и восток Сибири» (1860).

– Деньги из нашей казенной кассы – двести рублей ассигнациями: серебро беглецы взяли с собой, а ассигнации, видно, отдали своему человеку. Подозреваю Салова в соучастии.

– Салов знает, что вы эти деньги нашли?

– Никто не знает, кроме Николая Константиновича. Даже мог бы себе взять – никто бы не узнал.

Невельской вошел в казарму и приказал вызвать с работы Салова и матроса Сенотрусова.

Сенотрусов – худой, с изможденным лицом и с голубыми глазами; они бежали вправо и влево, как маятник часов. Он в рабочей рубашке из синей китайской дабы и в стоптанных сапогах. Гаркнул, захрипев от волнения:

– Здравия желаю, вашескородие!

– Ты дружил с Дайноковым и Сокольниковым?

– Знал... Как же...

– Где познакомились?

– В Охотске.

– Ну говори прямо, предлагали тебе бежать?

– Да прямо – нет. А вроде... намекали.

– А ты понял их намек?

– Понял.

– Почему же не донес?

– Они убить меня грозились.

– Куда же они пошли?

– Этого не знаю.

– А куда они тебя звали?

Сенотрусов стал рассказывать, что намеревались идти вверх по Амуру, туда, где жилые места. Но иногда говорили, что надо в море искать иностранное судно и наняться на него.

– А точно – куда идти?

– А в точности не сказали. Таились!

Невельской помолчал с мрачным видом. Он приказал взять Сенотрусова под караул.

– Николай Константинович, – обратился капитан к Бошняку, – нельзя быть таким маменькиным сынком. Я нянчусь с вами, как с маленьким ребенком. Где у вас глаза были? Есть у вас голова на плечах?

Бошняк сидел понурившись. Он мог бы сказать, что молод, верил людям, жалел их. Березин терпеливо ждал.

– Салова сюда, – подойдя к двери, крикнул Невельской.

Вошел стриженный ежом Салов, вытянулся. Его колючие глаза зорко и смело смотрели в лицо капитану.

– Говори, Салов, как могло быть, что взломан ящик, украдены деньги, взят вельбот?

– Я ничего... вашескородие... Как перед истинным.

– Я прошу тебя! Беглецов надо поймать во что бы то ни стало. Это позор... Я убежден, что ты знаешь все. Ты не дурак и умеешь держать язык за зубами. Но настала пора один раз тебе открыться. Я знаю – ты соучастник. С тобой они делились деньгами, говори все толком, а то будет худо.

– Как перед истинным! Ничего не знаю!

Он стал сбивчиво рассказывать, как бежали люди, что сам удивлен... Невельской долго слушал и наконец не выдержал. Он подал знак Алексею Петровичу.

– А ну, Николай Константинович, – меняясь в лице, крикнул он, – выстройте пять человек с ружьями. Салова – под расстрел!

Унтера схватили и вывели из казармы. Невельской вышел следом.

– Привязать его, мерзавца, к дереву. Дух из тебя вышибу. Ты отвечаешь за все! Отвечай или сейчас же...

– Это же твой платок, – сказал Березин. – Вот ассигнации!

– Деньги были в этом платке! Ты в сговоре с ними.

– Вашескородие... Ваше... – закричал побледневший Садов. Его прикрутили веревками к дереву. – Что знаю, все скажу. А чего не знаю, то не знаю...

– Куда бежали, где они? Только две дороги есть – на море и по Амуру.

– По Амуру.

– Толком говори! Рассказывай все! Мало им, что вельбот украли, негодяи, – ящик взломали, украли деньги! Шестаков бежал!

Офицеры перешли в землянку. Невельской не мог успокоиться:

– Какой предатель оказался! А как я надеялся на него, как его любил! Если поймем, придется судить, чего я не хочу и не умею. Надо их поймать! Напишу Муравьеву, что сбежали люди лучшие, грамотные, разумные! Да пусть Николай Николаевич подумает об этом. Вы объясните ему: у людей не хватает терпения. Подло ставить нас в такие условия! Люди поддаются влиянию негодяев, забывают долг. И это те, которые еще недавно были верны!

Подавленные, офицеры молчали.

Капитан знал, что у него еще есть очень преданные и смелые люди: Козлов, Иван Подобин, Конев, Веревкин, Алеха Степанов, казаки Беломестнов, Парфентьев, Аносов, урядник Пестряков, якут Иван Масеев. Есть еще люди в экспедиции и другие – грамотные и разумные.

– Ну, господа, что делать?

Решено было дать знать маньчжурам, что бежали опасные преступники.

– Можно к вам, Геннадий Иванович? – сказал, появляясь у входа, Иван Подобин.

– Войди!

С ним Веревкин, который прежде служил на «Байкале» у Невельского, а зиму провел в здешней команде.

– Вот он знает, Геннадий Иванович. Скажи...

– Они говорили – в Америку... – замялся матрос.

– Зачем? – спросил капитан.

– Мол, царя нету и нет помещиков... Это Шестаков...

– Кто это сказал – нет царя? – испуганно спросил Невельской и поглядел на офицеров.

– Как нет? – так же испуганно отозвался Чихачев.

– Не знаю, так будто они говорили, – сделанной насмешкой продолжал Веревкин и боком глянул на Подобина. – Выборная там власть, мол, и виноград растет, и апельсины, и золото моют...

– Может быть, они про Калифорнию говорили?

– Скорее всего, что про нее. А вот я вспомнил, ваше высокоблагородие... Про Калифорнию!

– Ну?

– Хотели на китобое. А не удастся, так до будущего лета хотели прожить на Сахалине на теплой стороне. Говорят, на Сахалине благодать местечко, теплые воды есть.

– Почему же ты раньше не сказал?

– Да я запамятовал...

– А ну еще Салова сюда.

Ввели боцмана. Он только что после сильной порки. Лицо его в отеках.

– Ну, ворона, теперь будешь говорить? – спросил Невельской. – Говори толком все, что знаешь. Куда пошли они? На иностранное судно наниматься? А ты молчал! Видно, брат, недаром ты был палачом. Теперь сам пойдешь в Охотске под суд.

После увода преступника Невельской сидел на земляной скамье прямо, как аршин проглотив, шея вытянута, глаза горят. Тяжко было ему творить расправу, наказывать людей.

– Их нельзя винить, господа, – вдруг сказал он. – В чем причина?

– Геннадий Иванович, – Бошняк был смущен и бледен, – мне все кажется, что мы обречены! Два восстания за один год! Дальше будет хуже. Вы сами говорите, что эту зиму мы прожили только благодаря тому, что «Шелихов» разбился и мы сняли с него груз товаров, назначавшийся в Аляску. Нас ждет голод и неминуемо новый, более ужасный бунт. Наша команда очень дружна с гиляками, и они, объединившись, совершат общее восстание и перережут нас...

«Он – сумасшедший! – подумал Невельской. – Что он порет!»

– Оружие у команды на руках, – продолжал Бошняк. – Есть сорвиголовы. Нас – офицеров – горсть. Что мешает команде перебить нас и уйти куда угодно, тут весь мир перед ними открыт.

– Но почему они не делают этого? Ведь все не пошли?

– Вот этого я не могу понять.

Чихачев нервно рассмеялся:

– Этого быть не может. У людей есть чувство долга...

Но мгновениями и его взор выражал тревогу. Казалось, он утешал сам себя.

– Горькая наша доля, господа! – сказал Невельской.

– Воронья слепота орлу не указ, Геннадий Иванович, – заметил Березин, – но вот вы толкуете с каждым казаком и матросом и объяснить желаете, какая тут будет благодать и, мол, рай земной в южных гаванях. А зачем ему знать об этом? Его дело – лопата, топор, весло! Они слышали да и ушли в южные гавани. Вот Николай Константинович знает, что говорит, – все туда уйдут и там выберут себе президента...

Березин любил пуститься в рассуждения о невероятных событиях. Казалось, ему приходили в голову всевозможные несбыточные проекты или смешные подозрения. Но это как-то не вязалось с его умной практической деятельностью. Сейчас он занят был расследованием проделок Салова и все страшные предположения делал исключительно для того, чтобы поддержать офицерский разговор и припугнуть «птенчиков», посмотреть, как у них бегают глаза. Да и Геннадию Ивановичу нечего морить голодом команду. Какое дело матросу – он казенный человек, его корми, а он за харчи должен умирать за веру, царя, отечество... Извольте, вашескородие, расхлебывать все сами! За счет цинготных много не опишешь и цивилизацию отсталым народам не внедришь!

Невельской знал хитрость своего лучшего помощника.

– Ну, если восстанут и захотят идти в теплые гавани, и я восстану и пойду туда вместе с ними, – шутливо сказал он, угадывая настроение Березина. – Бросим тут все и пойдем!

– Но это в крайнем случае? – тревожно спросил Бошняк.

– Да! Зайдем юг, а потом, как покорители Сибири, пошлем в столицу сорок сороков соболей и ударим челом, подведем землицу под государеву руку! Нет, господа, эти времена прошли. А пока, – грозно сказал капитан, сжимая кулак, – железная дисциплина! Откинуть прочь все предрассудки! Надо немедленно вам, Николай Матвеевич, в Иркутск! Требуйте! Добивайтесь! И в Петербург! Если Муравьев будет вас держать, вырвитесь, заболите! Но отправляйтесь к его высочеству. Я шлю бумаги! Это позор нам! Меня надо, как Салова, расстрелять у лесины! Лучшие люди сбежали. Я дважды подчеркнул это в письме к генералу. Пусть Николай Николаевич поймет!

– Наш баркаш идет, – входя, сказал казак Парфентьев.

– Слава богу! Петров прибыл благополучно, и ваш пост, Николай Константинович, теперь с мукой, крупой и маслом! Не стыдно будет людям в глаза смотреть.

Через час в землянке вместе с офицерами пил чай высокий светлый Петров. Почувствовался свежий человек, чуждый всем здешним наказаниям и «следствиям».

Руки у него сбиты, сам греб, но он их прячет, видно из гордости, сам в рубахе без мундира. «Кажется, во все поверил, что я ему сгоряча напорол!» – думает Невельской, несколько смущаясь. Он с удовольствием слушал рассказ мичмана о его путешествии.

После чая Петров вышел из землянки с Бошняком и спросил его тихо:

– Где у вас отхожее место?

Бошняк, при всей своей гордой выправке, поднял плечи изумленно и выкатил глаза:

– Такового не имеем.

– Это безобразие! – сказал Петров. – Я всю дорогу не мог оправиться как следует из-за мошки и надеялся, что тут у вас человеческие условия и приведу себя в порядок.

Возмущенный, он повернулся круто и отошел.

– Мичман Петров обиделся на меня, – сказал Бошняк подошедшему капитану, – что у нас отхожее места нет.

Невельской, в свою очередь, поднял плечи и раскрыл глаза удивленно. Он не подумал даже ни о чем подобном. А право, безобразие, ведь была же яма.

Через день Чихачев уехал на оленях, повез под охраной Салова, а Невельской отправился домой на баркасе с Петровым и его четырьмя матросами, прихватив арестованных, а также двух казаков – Беломестнова и Парфентьева – и своих матросов.

– Рыба-то идет, Геннадий Иванович! А? – говорил Конев. – Гляди! – Матрос ударил веслом прямо по рыбе. – Глупая, мешает грести!

Хотел бы сказать ему Невельской: «Иди к черту со своей рыбой!» – так мучили его неприятные мысли, но сдержался, и ему время от времени мешает грести кета. Какая масса рыбы! Из воды торчат ее хребтинки, вода вокруг темнеет. Идет какой-то особенный косяк.

– А чудовища-то! – говорит Фомин.

Всюду видны головы нерп, то и дело выныривают, как огромные яйца, овальные спины белух, идущих за рыбой и хватающих ее. На руле сидит Подобин и трясет головой от изумления.

Невельской гребет в паре с Коневым. Загребной – Петров и с ним Фомин. Все в белых рубахах, босые. Жарко. Надо бы мачту поставить, хотели идти под парусом, да ветра нет.

Подобин командует, чтобы налегли. Многovesельный баркас с дружной командой из казаков, офицеров, арестантов и матросов тяжело рубит тучу идущей на нерест, упрямой, толкущейся кеты.

– Из нее котлеты, как из свинины, – толкует Конев. – Щи не хуже свиных. Мясо – как телятина. Вот на привале непременно угощу вас, вашескородие!

«Издавательство над солдатом и матросом в России – дело доходное для командиров полка и капитанов, старая истина, – думал Невельской. – Экономия дает. Но уж так морить, как нас...»

– Геннадий Иванович, рыба-то! – не унимался Конев.

– Видишь, какую ты реку открыл!

Петров садится за руль, Подобин – на греблю. Александр Иванович держит к берегу, под красную скалу, тут рыбы меньше, баркасу легче идти. Прошли еще две тучные сопки, мыс и еще сопку с утесами, за ней пристали к берегу ночевать.

– Вот японцы говорят, – рассказывал Беломестнов, раскладывая костер, – что их особо создал бог, и не сам, а дочь, что ли, богиня. Я спросил: «Дева Мария?» Не знают! Так мы с имя не сговорились. А вот как у нас дворянство, с откудова оно произошло? От людей же?

Петров слушал. Он сам не столбовой дворянин, из штурманов, с понижением переведен в офицерский чин. В нем и мужицкая кровь, и чухонская. Но он молчит, здесь он офицер.

– Вот окончу службу, Геннадий Иванович, и хочу тут пожить, – говорил Конев, сидя после обеда вдвоем с капитаном. – Экая благодать. Эта рыба, я видел в Питере, дорогая. Пошла бы по рублю.

– Да как ты ее туда доставишь?

– Я тут сам бы ее ел да икру солил. Детей бы вскормил! Как вы думаете, Геннадий Иванович? Ел бы каждый день досыта! Да помнил, что в Питере такая икра рубль фунт. Между прочим, – таинственно добавил он, – послушайте матроса, вашескородие. Расстреляйте собаку Салова! Пока не поздно. Зачем вы его пожалели? Не слушайте своих мичманов! Ведь Салов был палач.

– Салова я отправлю в Охотск, пусть его судят. Я руки марать не хочу.

– Там ведь у него, верно, свои. И он вас же оклеветает. Вот вы хотите десять человек воров туда отослать. Они и пойдут нести на нас. Кашеварову это только и надо. Так мы удобных портов долго не заведем с вами, Геннадий Иванович.

– А как быть?

– Право у вас есть. Вы – капитан в океане, сами стреляйте – не жалейте. А воров – в тяжелую работу.

Вечером у костра казак Беломестнов сказал:

– Давно, Геннадий Иванович, толкуете, мол, нужна артель рыбу ловить. Мичмана, что ль, будут у нас артельными?

Петров поразился новой наглости казака. Но молчал, в душе возмущенный. «Я тут должен ко всему привыкать! Но что же дальше будет? Что я еще услышу?» Он знал крепкий свой характер и решил, что цыплят по осени считают. Кто другой смог бы быстро доставить на голодный и ограбленный пост провиант: свежее мясо, свиней живых и обмундирование?

Петров прятал сбитые в кровь греблей руки при Невельском из гордости, не желая показать ему, как выполнял его приказание, чего это стоило.

– Николай Константинович плавает очень хорошо, – заговорил Парфентьев. – Да как-то ловко. Я так не умею. А как шьемку чишто ведет! Мы дружно ш им жили. Я поварил. «Это тебе не шынок?» – спрашивали гиляки.

– Рыба не ждала – пошла. Вон как ее слышать! – воскликнул Конев.

– Все в командировках! И бочек у нас нет, – ответил Невельской. – Как мы ее будем хранить? На ветру вялить?

– Мало важности, что мичмана и поручик в командировках! – сказал Подобин.

– Соль у нас есть. Можно в кадки долбленные, – заметил Кир.

– Пусть бы Парфентьев артель составил, – продолжал Конев, – матрос будет грести на лову, а как закидывать – не знает. Привык к казенному пайку.

– Послушайте нас, Геннадий Иванович! – подтвердил Конев.

Невельской подумал, что в самом деле его отважные мальчишки-офицеры бессильны без Кира, Семена, Березина и матросов. И люди эти не только исполнители, но, по сути, тоже хозяева дела. Все чаще они присутствовали при принятии важных решений и свободно подавали свой голос. Никогда не говорили лишнего, советы их верны, точны, они привыкают к здешней жизни быстрее офицеров. Бошняк – прекрасный юноша, смелый и энергичный. Но если бы не Семен, что бы он сделал на Ухтре?

– А как вы Николаевский пост нашли? – спросил капитан у Петрова.

– Нужника нет, – отвечал офицер. – За одно этого мерзавца Салова наказать надо! С Николая Константиновича спроса нет, он дитя.

– Вы находите?

– У вас в Николаевске заведено, ваше высокоблагородие, что команда по вечерам пляшет и веселится, а живут как? Пляшут, а женщины ходят в мороз сорокаградусный... Какое этот мерзавец право имел! Рук нет? Двадцать человек! Помещение отвратительное – сырость. И как новую казарму строят, мне не по душе.

– А вы взялись бы построить здесь город, если бы я назначил вас начальником поста?

– Во всяком случае, таких безобразий у меня не было бы. Вот вы просили прямо подавать свое мнение. Извольте!

Утром Конев зашел голый в реку, бил кетин и выбрасывал на берег, порол, ел икру и угощал товарищей.

– Большое богатство, Геннадий Иванович!

Завтракали икрой, ухой из кеты и кетой, жаренной на вертеле кусками.

– Из нее, как из свинины, обед. Правда? Сытно!

– Вон еще идет... Давай живо! – вскочил Подобин, оба матроса, босые, побежали на мель с палками. Кета пошла, вышибая столбы брызг, вилась, толкаясь тучной тушей о песок.

– Хрясь! – с восторгом кричал Конев.

Он думал, что хорошо бы женить Андриана на гилячке, завести кумовство с гиляками.

...В лимане шли под парусом, когда завиднулась военная шлюпка.

– Воронин с Сахалина идет! – узнал Подобин.

Шлюпка подошла. Алексей Иванович перешел на баркас. Он и Невельской сидели на банках друг против друга. Воронин докладывал:

– Беглецов нет, и никто не видел их.

– Но где они? Где? Как их поймать?

– На шлюпке идти на их поиски бесполезно, – продолжал Воронин. – Ветры в проливе сильные, волнение непрерывное.

– Уголь?

Воронин просиял. Он редко улыбался. Углем он занимался как следует. Со шлюпки подали образцы. Матросы на обоих суденышках товарищи между собой, переговаривались дружески, пока стояли борт о борт.

– Это ш Черного мыша или ш Кривой жилы? – спросил Парфентьев у Воронина.

– С Кривой.

– Ш нее, пожалуй, ломать удобней будет. Подальше от берега, но жила толще, легче брать, и, видать, уголь как-то жирней, что ль. Я жег, так ш Кривой лучше горит.

В свое время, вернувшись с Сахалина, Семен говорил: «Вот бы туда ученых мичманов, Геннадий Иванович, пошлать».

– Пароход-то нам пришлют? – спросил Конев. – Угля много, жги!

– А на Черном мысу может быть большая разработка, – говорил Воронин. Он представил рисунки сопки с отмеченными выходами пластов угля.

– А где Дмитрий Иванович? Прошел он в Татарский пролив? Может быть, счастливей нас и захватит беглецов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.